

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

3(57)'2016

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Включен в базу данных European Reference Index for the Humanities (ERIH PLUS), id 485994
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ

Екатеринбург 2016

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

PhD, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор В. М. БРИЦЫН (Киев, Украина)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор, чл.-кор. РАН В. А. ВИНОГРАДОВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор У АЙХУА (Пекин, Китай)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

доктор филол. наук, профессор Е. В. ШУСТРОВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуанчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2016. – Вып. 3 (57). – 112 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Из истории политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш107

Благодарим РГНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 14-04-0268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2016

© Политическая лингвистика, 2016

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

3(57)'2016

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Britsyn V. M., Ph. D. (Kiev, Ukraine)
Vasily V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lissan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)
Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Elizaveta V. Shustrova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot, Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Lilyana Tsoneva, Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Viktor A. Vinogradov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)
Yang Ke, Ph.D., Prof. (Guangzhou, China)
Wu Aihua, Ph.D., Prof. (Beijing, China)

Ekaterinburg 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	8
--	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Алферов А. В. Пятигорск, Россия	Языки в политическом пространстве современной Европы и в Европарламенте	10
Попова Г. Е. Астрахань, Россия		
Червонный А. М. Таганрог, Россия		
Гаврилова М. В. Санкт-Петербург, Россия	Слово «культура» в дискурсивной репрезентации идеологических взглядов российских политических партий	18
Ильясова С. В. Ростов-на-Дону, Россия	<i>Крымец Украине,</i> или Политическое словотворчество	27
Колесов В. В. Санкт-Петербург, Россия	Концептуальное поле русского сознания: <i>демократия</i>	31
Руженцева Н. Б. Екатеринбург, Россия	Политический текст в контексте художественного произведения: функциональный анализ (на материале романа В. Аксенова «Московская сага»).....	44

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Белова В. Ф. Пятигорск, Россия		
Зюбина И. А., Лесняк М. В., Матвеева Г. Г. Ростов-на-Дону, Россия	Универсальный характер коммуникативных стратегий в парламентских дебатах	53
Борисова М. К. Пятигорск, Россия	Продуктивные модели терминологизации в сфере безопасности на примере тематических областей «Международная безопасность», «Ядерная безопасность» (на материале современного русского языка)	61
Кряхтунова О. В. Астрахань, Россия	Агрессия в коммерческой и социальной рекламе как аспект лингвоконфликтологии (на материале поликодовых текстов)	69

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Анисимова С. А. Сургут, Россия	Роль прецедентных феноменов в формировании национального ментального пространства (по материалам сопоставительного анализа дискурсов президентов В. В. Путина и Б. Обамы)	77
Коптякова Е. Е. Сургут, Россия	Экспериментальное исследование стереотипных представлений о Германии в российском и американском национальном сознании	84
Шутова Т. И. Нижний Новгород, Россия	Концептуализация мира в американском дискурсе противодействия терроризму (1972—2012): опыт корпусно ориентированного дискурс-анализа	90

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Злоказов К. В. Софронова А. Ю. Екатеринбург, Россия	К оценке риска воплощения анонимной угрозы.....	98
---	---	----

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Дзюба Е. В., Ерёмкина С. А. Екатеринбург, Россия	Человек как объект номинации в русской и английской лингвокультурах.....	105
--	---	-----

Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»	109
--	-----

CONTENTS

Editorial principles of the journal “Political Linguistics”	8
---	---

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Alferov A. V. Pyatigorsk, Russia	Languages in the political space of contemporary Europe and in the European Parliament.....	10
Popova G. E. Astrakhan, Russia		
Chervony A. M. Taganrog, Russia		
Gavrilova M. V. Saint-Petersburg, Russia	Impact of the word culture in the discursive representation of Russian political parties' ideology	18
Il'yasova S. V. Rostov-on-Don, Russia	«Crimec» for Ukraine, or political word creation.....	27
Kolesov V. V. Saint-Petersburg, Russia	Conceptual field in the Russian consciousness: <i>democracy</i>	31
Ruzhentseva N. B. Ekaterinburg, Russia	Political text in the context of fiction: functional analysis (based on the novel “Moscow saga” by V. Aksenov)	44

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Belova V. F. Pyatigorsk, Russia		
Zyubina I. A. Lesnyak M. V.	Universal nature of communicative strategies in parliamentary debates.....	53
Matveeva G. G. Rostov-on-Don, Russia		
Borisova M. K. Pyatigorsk, Russia	Productive models of derivation of terms in the sphere of security on the example of the topics “international security”, “nuclear security” (on the basis of Modern Russian)	61
Kryahtunova O. V. Astrakhan, Russia	Aggression in commercial and social advertising as the aspect of linguistic conflictology (on the basis of poly-code texts)	69

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Anisimova S. A. Surgut, Russia	The role of precedent phenomena in the process of mental space formation (based on the comparative analysis of V.V. Putin and B. Obama discourses)	77
Koptyakova E. E. Surgut, Russia	Experimental research of stereotypes of Germany in the Russian and American mentalities	84
Shutova T. I. Nizhny Novgorod, Russia	Conceptualization of the world in American counter-terrorism discourse (1972–2012): a corpus-driven discourse study.....	90

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Zlokazov K. V. Sofronova A. Yu. Ekaterinburg, Russia	Estimation of risk of anonymous threat	98
--	--	----

PART 5. REVIEWS. CHRONICLE

Dziuba E. V., Eremina S. A. Ekaterinburg, Russia	Human as an object of nomination in Russian and English lingocultures.....	105
Manuscripts requirements		109

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». По результатам 2012 года мы прочно закрепились в числе 10 самых цитируемых лингвистических журналов в России. А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Из истории политической лингвистики», предназначенный для публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Из истории политической лингвистики»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'42:81'27
ББК Ш105.51+Ш100.621

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.20

А. В. Алферов
Пятигорск, Россия
Г. Е. Попова
Астрахань, Россия
А. М. Червонный
Таганрог, Россия

ЯЗЫКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ И В ЕВРОПАРЛАМЕНТЕ

АННОТАЦИЯ. В работе рассматриваются некоторые аспекты языковой ситуации в Евросоюзе и его институтах. В частности, описываются отдельные параметры мультилингвизма в Европарламенте и проблемы взаимного распределения языков в перспективе переводческой интеракции. Официально в Европейском союзе проводится политика мультилингвизма. Представленность языка в официальном дискурсивном пространстве отражает равное положение государств и этносов в Европейском содружестве. В этом отражается и противодействие языковой глобализации, представляющей косвенную угрозу мультиэтнокультурной европейской идентичности. Статус официальных (рабочих языков Европарламента) есть у двадцати четырех языков, но в системе, получившей название «интегральное контролируемое многоязычие», приоритет отдается языковой «эстафете», когда тексты документов, выступлений и прочего переводятся сначала на три ведущих языка (английский, французский, немецкий), а затем — на остальные языки Европейского союза. В статье представлен интеракционный прагматический анализ проблемы языкового варьирования и переключения кодов в ходе дебатов в Европейском парламенте с учетом интенциональной направленности выступающего (пропозициональной или интерперсональной) и степени конфликтности парламентского дискурса. Анализ проводится на материале скриптов заседаний Европарламента и сосредотачивается на тематике, посвященной отношениям Евросоюза и России в контексте обсуждения вопроса о санкциях и роли России в европейской политике. Вопрос о дискурсивной организации парламентской интеракции связывается в статье с определенной идеологической позицией участвующих в дебатах депутатов Европарламента.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парламентский дискурс; мультилингвизм; европейский парламентский дискурс; парламентские дебаты; Европарламент; переключение кодов; институциональные пространства Евросоюза.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Алферов Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, директор научно-исследовательского центра интеракционной лингвистики и институционально-правовой коммуникации, Пятигорский государственный лингвистический университет; 357532, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9; e-mail: ale-alfyorov@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Попова Галина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков для технических и гуманитарных специальностей, Астраханский государственный технический университет; 414025, г. Астрахань, ул. Татищева, 16; e-mail: pebble2406@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Червонный Александр Михайлович, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого и французского языков Таганрогского института имени А. П. Чехова — филиала Ростовского государственного экономического университета (РИНХ); 347936, г. Таганрог, ул. Петровская, 68; e-mail: ckatrik@yandex.ru.

Официальное многоязычие Евросоюза закреплено институционально в различных социополитических сферах и является одной из идеологических скреп, призванных цементировать единство европейских народов. Языковая политика Евросоюза, тем не менее, не может реально обеспечить равные возможности всем (их около 200) региональным языкам двадцати восьми стран-участниц, да и чисто технические вопросы перевода на уровне официальных языков вызывают множественные проблемы [Языковая политика 2014]. Фактические коммуникативные возможности языков определяют их реальное функционирование. Так, на английском языке говорит почти треть населения ЕС. Следующие за ним французский и немецкий языки охватывают лишь по десять процентов населения Европы каждый. Соответственно демографическая и коммуникативная мощь остальных языков не достигает и этого уровня. Однако, несмотря на

пандемию английского языка, даже в такой общепризнанной его вотчине, как бизнес, проявляются противонаправленные тенденции. Так, по данным К. Х. Рекош, «в исследовании, проведенном в 2006 г. Национальным центром языков Великобритании „Мультилингвизм и конкурентоспособность предприятий“, сделан вывод, что для осуществления бизнеса английский язык недостаточен, растет спрос на иные, особенно на неевропейские, языки. Использование возможностей внутреннего рынка находится в том числе и под влиянием владения языками. В исследовании указывается, что экспорт мелких предприятий увеличится, если они будут придерживаться правильной языковой стратегии» [Рекош 2014].

В этом ключе показательной представляется политика французского правительства, закрепленная в документах законодательных органов Французской Республики [Корпус-2b]: «...la loi du 4 aout 1994 prévoit

Статья выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза»).

© Алферов А. В., Попова Г. Е., Червонный А. М., 2016

l'emploi obligatoire de la langue française dans «la désignation, l'offre, la présentation, le mode d'emploi ou d'utilisation, la description de l'étendue et des conditions de garantie d'un bien, d'un produit ou d'un service, ainsi que dans les factures et quittances». Les mêmes dispositions s'appliquent «à toute publicité écrite, parlée ou audiovisuelle» (art. 2). Lorsque ces mentions sont complétées d'une ou plusieurs traductions, «la présentation en français doit être aussi lisible, audible ou intelligible que la présentation en langues étrangères» (art. 4)». В этом отрывке парламентского доклада об использовании французского языка в институтах ЕС подчеркивается необходимость французских наименований товаров и услуг, что закреплено законодательно. Нарушение соответствующих положений влечет за собой санкции. Так, по данным доклада, в 2013 г. отслежено и зафиксировано 8475 случаев несоблюдения законодательных актов об использовании французских номинаций в деловой сфере, что вылилось в 931 предупреждение и 107 протоколов, влекущих за собой штрафы и экономические ограничения. Под контролем находятся также коммерческие сайты Интернета [Там же: 20—22].

В сегодняшнем политическом пространстве Европы по-новому может прозвучать известная гипотеза «лингвистической относительности». Примененная к актуальному политическому контексту, она должна быть сформулирована следующим образом: «Если язык накладывает отпечаток на менталитет, то распространенность того или иного языка определяет политический вес идеологии, выражаемой на этом языке». Действительно, если власть обеспечивается информационной мощью, то в значительной степени последняя определяется коммуникативной мощностью языка. Однако в этой почти пародийной гипотезе есть лишь доля шутки. Не претендуя на оригинальность, это суждение отражает тем не менее глубинные и в то же время очень бурные процессы не только в языковой, но и в стратегической геополитике. В современной Европе к этому вопросу приходится относиться серьезно. Актуальность языковой политики для ЕС определяется как минимум двумя проблемами: 1) проецированием панъевропейских амбиций на проблему мультилингвизма и 2) проблемой ассимиляции наполняющих Европу переселенцев.

Политика мультилингвизма имеет две составляющие. Прежде всего она является частью интеграционной доктрины Евросоюза (ЕС), косвенно подтверждающей приведенную выше гипотезу: представленность языка в официальном дискурсивном пространстве

отражает равное положение государств и этносов в Европейском содружестве. Вторая составляющая идеи мультилингвизма отражает противодействие языковой глобализации, представляющей косвенную угрозу мультиэтнокультурной европейской идентичности.

В Европейском союзе сегодня двадцать четыре официальных языка: *английский, немецкий, французский, болгарский, венгерский, голландский, греческий, датский, ирландский, испанский, итальянский, латвийский, литовский, мальтийский, польский, португальский, румынский, словацкий, словенский, финский, хорватский, чешский, шведский и эстонский*. Количество официальных языков увеличивается со вступлением в ЕС очередной страны:

- allemand, français, italien, néerlandais — официальные языки ЕС с 1958 г.;
- anglais, danois — с 1973 г.;
- grec ... — с 1981 г.;
- espagnol, portugais — с 1986 г.;
- finnois, suédois — с 1995 г.;
- estonien, hongrois, letton, lituanien, maltais, polonais, slovaque, slovène, tchèque — с 2004 г.;
- bulgare, irlandais, roumain — с 2007 г.;
- croate — с 2013 г. [см.: Корпус 2-а].

В стенах Европарламента (далее — ЕП) к статусу официальных языков добавляется статус рабочих, на которых говорят депутаты во время заседаний и дебатов, что значительно осложняет структуру перевода. Если в 1958 г. 4 официальных языка давали 12 языковых комбинаций перевода, в 1973 г. было уже 6 языков и 30 комбинаций, в 1981 г. — 7 языков и 42 комбинации, в 1986 г. — 9 языков и 72 комбинации, в 1995 г. — 11 языков и 110 комбинаций, в 2004 г. — 20 и 380, в 2007 г. — 23 и 506, в 2013 г. — 24 языка и 552 языковые комбинации в переводе. Осуществлять перевод призваны 330 штатных и некоторое количество — число меняется в зависимости от конъюнктуры — нештатных переводчиков, работающих в 24 кабинетах — по числу официальных и рабочих языков ЕП. Кроме того, в ЕП востребованы языки стран-кандидатов в ЕС и такие языки, как русский, японский, китайский, арабский.

Алфавитный порядок приведенного выше списка языков ЕС нарушен нами в силу статуса первых трех языков (английский, французский, немецкий). Многообразие переводческих комбинаций усиливает их влияние как «эстафетных» языков (*langues-relais*). Перевод может осуществляться с более редкого языка на эти три языка-посредника (а также испанский и итальянский). В системе, получившей название «ин-

тегральное контролируемое многоязычие» («multilinguisme intégral maîtrisé»), приоритет отдается языковой «эстафете», когда тексты документов, выступлений и прочего переводятся сначала на три ведущих языка (английский, французский, немецкий), а затем — на остальные языки ЕС.

Английский, благодаря своей коммуникативной экспансии, является универсальным инструментом межъязыковой интеракции в кулуарах институтов — рабочих органов и совещаний — ЕС и ЕП (см. [Wodak et al. 2012]). Однако в Совете Европы он делит статус официального языка с французским — вторым по функциональной востребованности языком. Это обусловлено использованием последнего в дипломатической традиции: многие институциональные и политические термины и понятия имеют французское происхождение как по номинации, так и по первоначальному понятийному содержанию, поэтому отказываться от них сегодня не вполне целесообразно. Они сохраняют свою материальную языковую форму и в переводных документах [Алферов 2004]. В Европарламенте языки представлены в приблизительно корреляции с количеством депутатов, выступающих на родном языке — все двадцать четыре языка, как было отмечено, являются не только официальными, но и рабочими, используемыми в парламентских заседаниях представителями 28 стран ЕС.

Однако ЕП отличается от прочих институтов Евросоюза тем, что призван, как представительный орган, обеспечить институциональный статус многоязычия. Большинство документов переводится на все официальные языки ЕС. Каждый евродепутат вправе говорить на любом из 24 официальных и в то же время рабочих языков ЕП.

На этом фоне обращение к тому или иному языку («переключение кодов») в парламентских заседаниях имеет не столько институциональный, сколько ярко выраженный прагматический характер и зачастую подчеркивает ранг адресата и интерперсональную интенцию выступающего. Так, председатель ЕП г-н Мартин Шульц достаточно часто прибегает к стратегии языкового переключения. Приведем пример. На заседании ЕП (7 октября 2015г.), посвященном ситуации в ЕС в связи с новыми вызовами (миграция, терроризм), с совместным заявлением выступили главы Франции и Германии — Ф. Олланд и А. Меркель. Заседание открыл Председатель ЕП:

(1) **Der Präsident.** — *Als nächster Punkt der Tagesordnung folgt die Aussprache über die Erklärungen von François Hollande, Präsident der Französischen Republik, und Angela*

Merkel, Bundeskanzlerin der Bundesrepublik Deutschland, zur derzeitigen Lage in der Europäischen Union. Monsieur le Président de la République française, Mesdames et Messieurs, tout d'abord, permettez-moi, au nom du Parlement européen, Monsieur le Président, de vous adresser nos condoléances et notre solidarité après les inondations qui ont causé la mort de vingt personnes françaises et européennes et ravagé les Alpes-Maritimes le week-end passé. Nous sommes avec les victimes et leur famille. Monsieur le Président de la République, sehr geehrte Frau Bundeskanzlerin! Ich heiÙe Sie beide herzlich willkommen im Europäischen Parlament. Dass Sie — der französische Präsident und die deutsche Bundeskanzlerin — hier im Europäischen Parlament in StraÙburg, dem Symbol der deutsch-französischen Aussöhnung, und hier im Haus der europäischen Demokratie heute gemeinsam über die Zukunft Europas sprechen, ist ganz sicher ein historischer Moment. Über Jahrhunderte waren Ihre beiden Länder — Deutschland und Frankreich — Erzfeinde, die gefangen waren in einer Spirale von Krieg, Niederlage, Demütigung und Revanche. <...> Monsieur le Président de la République française, Madame la Chancelière fédérale, depuis que Helmut Kohl et François Mitterrand sont intervenus au Parlement européen il y a vingt-six ans, vous êtes les premiers chefs de gouvernement de vos pays à prendre la parole ensemble devant notre assemblée.

Nous nous en réjouissons, et il est essentiel, en ces temps difficiles, difficiles pour l'Europe, où des défis sans précédent nous attendent, que vous soyez venus débattre à Strasbourg avec nous, les représentants des peuples. Voilà pourquoi, Monsieur le Président, Madame la Chancelière fédérale, nous sommes maintenant impatients de connaître la teneur de vos idées et de l'impulsion que vous comptez donner à notre avenir commun. Je passe la parole au président de la République française, François Hollande [Корпус-1].

Мартин Шульц не случайно дважды обращается к президенту Ф. Олланду по-французски — чтобы выразить соболезнования французским семьям, пострадавшим от наводнения. Воздается дань уважения косвенным адресатам [Алферов, Попова, Шамугия 2015] пропозиции. Такая интерперсональная стратегия отражена в известном изречении Нельсона Манделы: «Говорить с человеком на языке, который он понимает, это значит обращаться к его разуму; говорить на его родном языке — обращаться к его сердцу» [Корпус-2a]. Слово Ф. Олланду

предоставляется также подчеркнуто на французском языке.

Если депутаты ЕП, как правило, связанные официальным статусом, предпочитают выступать на родном языке, то участвующие в заседаниях внешние официальные лица часто используют английский:

(2) **La Présidente** (Mme SYLVIE GUILLAUME). — *L'ordre du jour appelle le débat sur la recommandation pour la deuxième lecture de la commission des libertés civiles, de la justice et des affaires intérieures sur l'Agence de l'Union européenne pour la coopération des services répressifs (Europol) (Rapporteur: Agustín Díaz de Mera García Consuegra).*

Agustín Díaz de Mera García Consuegra, ponente. — *Señora Presidenta; buenos días, señor Comisario, queridos colegas, amigas y amigos. Llevo trabajando en este Reglamento de obligado cumplimiento más de tres años. Como ponente, he tenido desde el principio la misma intención: dotar a Europol de un Reglamento que tuviese las herramientas necesarias para cumplir de una manera eficaz con sus tareas y con sus objetivos. <...>*

Dimitris Avramopoulos, Member of the Commission. — *Madam President, let me start by expressing my thanks to the rapporteur Mr Díaz de Mera García Consuegra. He and his team have done a great job in adopting this critical piece of legislation, after three years of tireless work, to reach this compromise. I can congratulate him on the result and express my thanks for the excellent cooperation we had. <...>*

Milan Zver, v imenu skupine PPE. — *Varnost evropskih državljanov je po koncu hladne vojne na največji preizkušnji. Razlogov za to je več: med drugim tudi ta, da smo premalo vlagali v obrambo in varnost. Padli smo v varnostni vakuum in danes se soočamo z varnostnimi grožnjami. <...> [Корпус-2с].*

Как следует из отрывка стенограммы пленарного заседания ЕП (11 мая 2016 г.), члены парламента говорят на языке страны, которую представляют в ЕП (французский, испанский, словенский и т. д.). Еврочиновник Д. Аврамопулос, комиссар по внутренним делам Еврокомиссии, предпочитает высказаться по-английски.

Следующий пример показывает, что большинство приглашенных в ЕП официальных лиц ЕС (Совет Европы, Еврокомиссия и др.) предпочитают английский. Например (заседание 10 мая 2016 г.):

(3) **Presidente** (DELL'ON. DAVID-MARIA SASSOLI). — *Il primo punto all'ordine del giorno reca la discussione sulle dichiarazioni del Consiglio e della Commissione sullo status di economia di mercato della Cina.*

Jeanine Hennis-Plasschaert, President-in-Office of the Council. — *Mr President, the question of granting market economy status to China is one of unprecedented political significance for the European Union, given its wide-ranging implications.*

Vytenis Povilas Andriukaitis, Member of the Commission. — *Mr President, it is very clear that the issue of market economy status for China, as well as the overcapacity issue in the steel sector, are two of the most important trade issues facing us. The Commission is treating them as an utmost priority [Там же].*

Однако депутаты также вольны в выборе языка. Проследим для примера, как это происходит на заседании, посвященном отношениям ЕС и России, ставшей «новым вызовом для Европы». Здесь мы можем наблюдать за выбором языка депутатов и одного члена Еврокомиссии, в данном случае не акцентируя внимания на пропозиции (содержании) выступлений. Приведем с частичным переводом отрывки выступлений, отмечая язык страны, представляемой депутатом в ЕС (**De** — немецкий; **Li** — литовский; **Po** — польский; **Fin** — финский; **Rom** — румынский):

(4) **Der Präsident (De).** — *Als nächster Punkt der Tagesordnung folgt die Aussprache über den Bericht von Gabrielius Landsbergis im Namen des Ausschusses für auswärtige Angelegenheiten über den Stand der Beziehungen EU-Russland.*

Gabrielius Landsbergis (Li), rapporteur. — *Mr President, <...> The European Union adheres to the very clear principles of the rule of law, transparency and self-determination, therefore numerous different formats and initiatives were offered to Russia in order to usher the Russian people to the path of democracy and reform. <...> Europe even turned a blind eye when people in the Kremlin were breaking the established order of international treaties. Europe did not do much when the Russian troops entered Georgia's territory and remained silent during the establishment of the Gazprom monopoly in certain countries and during trade wars when Russia would close down its borders under political pretexts. <...>*

Věra Jourová, Member of the Commission. — *Mr President, the quality and depth of EU-Russia relations is a determining factor for the stability and prosperity of our continent. Our partnership was severely impacted last year by the illegal annexation of Crimea and the destabilisation of Donbas. But Russia is also an important economic counterpart and an essential partner for the solution of many pressing international problems. <...>*

Jacek Saryusz-Wolski (Po), on behalf of the PPE Group. — *Mr President, what is most*

important in our relations with Russia is to be consistent and united. Relations between us and Russia have never been as bad as they are now. <...> Russia is not fulfilling the Minsk agreement, and this is at the core of our relationship with and attitude to Russia. The position recently taken at the G7 Summit — that the G7 is in favour of continuing the sanctions and, if the need arises, increasing them — is the best answer to Russia's present aggressive policy. <...>

Liisa Jaakonsaari (Fin), S&D-ryhmän puolesta. — *Arvoisa puhemies, Euroopan unioni on saanut Nobelin rauhanpalkinnon tunnustukseksi rauhan ja vakauden edistämiseksi maanosassamme. Tämä mielestäni velvoittaa meidät nyt suhteissamme Venäjään, vaikka se joskus tuntuu tosi vaikealta. Sillä ilman Venäjää ei Euroopassa ole rauhaa, kuten idänpolitiikan veteraani Helmut Schmidt on sanonut. Ja kuten komissaarikin totesi: "Mitä yhtenäisempi EU on suhteessa Venäjään, sen varmemmin voimme edistää eurooppalaisia ydinarvoja: demokratiaa, oikeusvaltion periaatteita, ihmisoikeuksia* (Господин президент, Европейский союз получил Нобелевскую премию за поддержание мира и стабильности на нашем континенте. Это, я думаю, определяет сегодня наши отношения с Россией, даже если они иногда испытывают трудности. «Потому что без России в Европе не будет мира», — сказал ветеран политики Гельмут Шмидт. — *Здесь и далее перевод авторов*). <...>

Kazimierz Michał Ujazdowski (Pol), ECR pytanie zadane przez podniesienie niebieskiej kartki. — *Panie Przewodniczący! Z wieloma poglądami, które tu wypowiedziała posłanka Jaakonsaari, zgadzam się, ale brakowało mi jasności i zdecydowania, „postawienia kropki nad i”. Czy socjaliści są zdecydowanie za podtrzymaniem sankcji wobec Rosji, bo to jest głównym przedmiotem decyzji Unii Europejskiej? Czy możemy usłyszeć jednoznaczne „tak” dla podtrzymania sankcji? (Казимеж Михал Уяздовский (ECR), вопрос по синей карточке. — Господин Председатель! С многими положениями, которые здесь выразила депутат Jaakonsaari, я согласен, но мне не хватало уверенности и решимости «поставить точки над „и”». Поддерживают ли социалисты санкции против России, потому что это является основным предметом решения Европейского союза? Можем ли мы услышать однозначное «да» для поддержания санкций?)*

Liisa Jaakonsaari (Fin) S&D, Vastaus sinisen kortin kysymykseen. — *Ehdottomasti sanktiot ovat tarpeellisia, ja kuten rouva Merkel on vastikään esittänyt, niitä on mahdollista myös koventaa. Mutta on tärkeää koko ajan huolehtia siitä, että avataan myös uusia visioita*

yhteistyön suhteen. Aivan kuin komissaari tuossa sanoi, jos me vain puolin ja toisin luettelemme toistemme synnit mietinnöstä toiseen avaamalla mitään uutta, tämä kierre pahenee. Sitä en haluaisi suinkaan tapahtuvan (Санкции необходимы, и их можно усилить. Но важно, чтобы все время заботиться о том, что будут открыты новые перспективы сотрудничества. Как было сказано, если мы просто будем перечислять грехи друг друга, не открывая ничего нового, положение будет становиться все хуже. Не хочу, чтобы это произошло) [Корпус-2с].

В этом фрагменте протокола ЕП депутаты, высказавшиеся за безоговорочное усиление конфронтации с Россией, предпочли родному языку, являющемуся, как было отмечено, официальным языком ЕП, английский. Допустим еще раз *ab absurdo*: не есть ли это подтверждение высказанной выше новой, идеологической и политической трактовки гипотезы «лингвистической относительности»? Конечно, это достаточно смелое предположение, основанное на примере, который, наверное, может расцениваться как совпадение. Однако, как нам представляется, вопрос о проблеме переключения кодов в дискурсе ЕП и ЕС может стать и становится нетривиальной прагмалингвистической задачей интеракционального полевого исследования (см., напр.: [Wodak 2012]). Проследим это на следующем примере из протокола того же заседания. Отметим, что «вопрос по голубой карте» является одним из способов «вторжения» (intervention, interruption) в выступление того или иного депутата. В отличие от французской Национальной ассамблеи и некоторых других парламентов, где допускаются прямые перебивания выступающего и реплицирование дискурса парламентских дебатов (о парламентском парентетическом дискурсе см.: [Алферов, Шамугия 2013]), в других парламентах, в частности в Великобритании, вместо «голубой карты» употребляется обращение к выступающему с просьбой о прерывании (the “interrupter’s” formula), например: «Mr. Robert Wareing (Liverpool, Derby): Will the Prime Minister give way? The Prime Minister: No, I will not give way to the hon. Gentleman» [Bevitori 2004: 92].

Рассматривая вопрос о «перебивании» выступающего, можно принять вслед за Ч. Бевитори триаду коммуникативных ролей в парламентском дискурсе: выступающий, говорящий (В/Г) (“current speaker”), перебивающий (П) (“interrupter”) и отвечающий (О) (“respondent”) [Idem]. Под В понимается оратор, депутат, получивший слово и начавший говорить, т. е. происходит совмещение по-

зиций В и Г. Перебивающий (П) обращается к председателю заседания с вопросом, адресованным на самом деле В/Г. Выступающий вправе отклонить вопрос или ответить на него. Иногда такой опосредованный диалог (три-/ди)-лог [Актуальные аспекты 2013] затрудняется из-за проблем перевода (реакции, переключения внимания переводчика):

В. — Anna Elżbieta Fotyga (Pol), w imieniu grupy ECR. — Pani Komisarz! Przede wszystkim chciałam wyrazić ubolewanie, że dzisiaj na sali nie ma z nami wysokiej przedstawiciel Federiki Mogherini. To jest ważna debata, to jest niezwykle ważna debata. Rozmawiamy o rzeczywiście zmieniającym się porządku międzynarodowym i Rosji, która w tym zmieniającym się porządku kosztem naszego regionu — również pani regionu, Pani Komisarz — próbuje odzyskać znaczące wpływy w świecie (Госпожа комиссар! Прежде всего хотела выразить сожаление, что сегодня в зале нет с нами Ф. Могерини. Это важная дискуссия, это очень важная дискуссия. Мы говорим о действительно меняющемся порядке в мире и в России, которая эти изменения осуществляет за счет нашего региона — а также вашего региона, госпожа комиссар, — пытается восстановить значительное влияние в мире...). <...>

П. — Liisa Jaakonsaari (Fin) (S&D), *sini-sen kortin kysymys*. — *Arvoisa puhemies, meillä varmastikin kaikilla on illuusioiden kuva Venäjältä ja siitä, mitä tällä hetkellä tapahtuu, mutta uskotteko ikinä siihen, että on mahdollista kehittää visioyhteistyötä, re-engagement. Onko se ylipäättään Teidän ajattelussanne mahdollista?* (**Вопрос по голубой карте.** Господин председатель, я хотела бы уточнить, возможно ли восстановление отношений с Россией?)

О. — Anna Elżbieta Fotyga (Pol) (ECR). — (*Interpretation of the blue card question was not available*) *I just wanted to listen to her question, certainly. I just replied by intuition to one phrase: 're-engagement'. But it would be better to listen to the whole question* (**Вопрос не был услышан.** Я хотела бы услышать ее вопрос. Я догадалась, о чем речь, по слову «re-engagement» (восстановление отношений). Но хотелось бы услышать вопрос целиком).

П. — Liisa Jaakonsaari (Fin) (S&D), *blue-card question*. — *I am sure that we all have the Russian picture — we have no illusions — but I want to ask whether you agree with the Commissioner that there should be, and could be, a kind of vision developed looking towards the re-engagement of Europe with Russia* (Повторяет вопрос по-английски).

О. — Anna Elżbieta Fotyga (Pol) (ECR), *blue-card answer*. — *Madam, surely it is ex-*

tremely necessary to develop a clear vision. In my opinion, Russia is now backing off any policy of re-engagement. Good examples of this are Russia's decree banning transport to and from Afghanistan, and its breaking-off of talks with the Minsk Contact Group led by Heidi Tagliavini [Корпус 2-с].

В данном диалоге, опосредованном регламентом ЕП («голубая карта»), можно отметить следующий момент: английский язык приобретает здесь метадискурсивную функцию «языка-посредника», которая возникает сразу же, как только происходит то или иное отклонение от протокола (см. также: [Wodak 2012]). Интересно, что последующие реплики П и О также произносятся на английском языке. Более того, на английский переходят и следующие выступающие. Симптоматический, нестрогий анализ показывает, что меньше всего к английскому прибегают итальянские, французские и немецкие депутаты ЕП. Чаще это делают представители новых европейских стран:

Victor Boştinaru (Rom) (S&D). — *Mr President, knowing that the Front National got a loan of EUR 49 million from a Russian bank, I consider there is a clear conflict of interest here, and the Members in question should be prevented from voting.*

(**Applause**)

Marine Le Pen (Fr) (NI). — *Monsieur le Président, je pense que vous usez probablement de votre impunité au sein de cette instance pour diffamer vos collègues. Ceci est absolument scandaleux, Monsieur. Vous savez pertinemment que le Front national a emprunté à une banque russe. Nous ne l'avons jamais caché à personne. Mais nous, à la différence de vous, on ne peut pas nous acheter. Alors peut-être s'agit-il d'une accusation en miroir?* (Г-н Председатель, думаю, вы превышаете свои полномочия и позволяете дискредитировать своих коллег — депутатов. Это совершенно неприемлемо! Все давно знают об этом займе. Мы ничего не скрываем. Но мы, в отличие от вас, не продаемся, возможно, ваше обвинение можно переадресовать вам самим?).

Как показывает приведенный фрагмент, Марин Ле Пен обращается и к председателю заседания, и к предыдущему выступающему. Это еще одно свидетельство того, что опосредованный дискурс чаще всего обусловлен конфликтной пропозицией выступающего, обвинениями, намеками, инсинуациями (ср.: [Алферов, Кустова 2014-а; Bevitori 2004]). Таким образом, в рассматриваемом контексте дискриминационный дискурс имеет два адресата в сегодняшнем ЕП: косвенного — Россию (об аргументативной генерализации

концепта см.: [Алферов, Кустова, Попова 2015]) и прямого — оппонентов из числа оппозиционных партий внутри Европарламента (подробнее см.: [Алферов, Кустова 2014]).

Переход с одного языка на другой («code-mixing») может показаться проблемой скорее психолингвистической, как *code-switching* вообще (см., напр., [Алферов 2004; Проценко 2004]). Однако, как показывает исследование, многое в условиях официального многоязычия институтов ЕС обуславливает политический и идеологический аспект любого «непроизвольного» действия и высказывания.

Таким образом, языковая политика ЕС и провозглашаемая ею идея многоязычия концептуально противопоставлены языковой (пан)глобализации. Однако некоторые глубокие когнитивно-интеракционные механизмы полиэтнокоммуникации создают свои условия (ограничения) и вызовы, особенно в рамках институционального дискурса «единой» Европы, в частности, в коммуникативном пространстве Европарламента.

ИСТОЧНИКИ

1. Копныс-1. Débats Mercredi 7 octobre 2015 — Strasbourg. Situation actuelle dans l'Union européenne Déclarations de M. François Hollande, président de la République française, et de Mme Angela Merkel, chancelière de la République fédérale d'Allemagne. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do>.
2. Копныс-2. a. Parlement européen. L'interprétation. URL: <http://www.europarl.europa.eu/interpretation/fr/the-interpreter.html>.
3. Копныс-2. b) Rapport au parlement sur l'emploi de la langue française (2014). URL: <http://www.culturecommunication.gouv.fr/Politiques-ministerielles/Langue-francaise-et-langues-de-France/La-D-GLFLF/Nos-priorites/Rapport-au-parlement-sur-l-emploi-de-la-langue-francaise-2014>.
4. Копныс-2. c. Parlement européen. Débats Mardi 9 juin 2015 — Strasbourg <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef>.

A. V. Alferov
Pyatigorsk, Russia
G. E. Popova
Astrakhan, Russia
A. M. Chervony
Taganrog, Russia

LANGUAGES IN THE POLITICAL SPACE OF CONTEMPORARY EUROPE AND IN THE EUROPEAN PARLIAMENT

ABSTRACT. *The article discusses some aspects of the languages spoken in the European Union and its institutions. Several parameters of multilingualism in the European Parliament are described; the problems of distribution of languages from the point of view of translation practices are analyzed. The policy of multilingualism is carried out in the European Union. The role of the language in the official discursive space reflects the equality of the states and ethnicities in the EU. This is counteraction against globalization in languages, which is the potential threat of multicultural European identity. Twenty four languages have the status of official languages (the languages of European Parliament), but in the system called “integral controlled multilingualism” the priority is given to the three main languages (English, French and German) and all the official documents and speeches are translated first into these languages, while translation into all the other languages is carried out later. The article presents interactional pragma linguistic analysis of the problem of the languages variation and code-switching in the course of debates in the European Parliament with regard to the intention of the speaker (propositional or interpersonal) and the level of conflict of parliamentary discourse. The analysis is carried out on the basis of the scripts of the sessions devoted to the problems of relations between Russia and EU in the context of discussion of sanctions against Russian and the role of Russia in the European politics. The question of discursive structure of the parliamentary interaction is connected with the certain ideological view of the participants of the debates in the European Parliament.*

KEYWORDS: *parliamentary discourse; multilingualism; European parliamentary discourse; parliamentary debates; European Parliament; code-switching; institutional spaces of the European Union.*

ABOUT THE AUTHOR: *Alferov Aleksandr Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Director of Centre of Interactional Linguistics & Law and Institutional Communication, Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russia.*

ЛИТЕРАТУРА

5. Актуальные аспекты интеракционной теории языка : моногр. / А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова, Г. Э. Айрапетов, Г. Е. Попова, А. М. Червоный, А. С. Черенков, Л. Г. Шамугия. — Пятигорск, 2013.
6. Алферов А. В. О сопоставлении в прагматике // Вестн. Пятигор. гос. лингвистического ун-та. 2004. № 2/3. С. 185—187.
7. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. О дискурсивном статусе и категориях парламентской коммуникации: подходы к исследованию // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 24—32.
8. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Прагма-семантическая конверсия как фактор динамики языковой системы (на материале русских и французских интеръективных форм) // Вестн.к Пятигор. гос. лингвистического ун-та. 2014а. № 1. С. 59—62.
9. Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е. Релевантность в концептуализации России во французском парламентском дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 57—62.
10. Алферов А. В., Попова Г. Е., Шамугия Л. Г. Косвенные адресаты протокольного парламентского дискурса: интеракционный анализ // Вестн. Пятигор. гос. лингвистического ун-та. 2015. № 3. С. 135—138.
11. Алферов А. В., Шамугия Л. Г. Репликативный дискурс парламентских дебатов (на материале скриптов заседаний французского парламента) // Вестн. Пятигор. гос. лингвистического ун-та. 2013. № 3. С. 109—112.
12. Проценко Е. А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике // Вестн. ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. С. 123—127.
13. Рекош К. Х. Языковая политика в Европе — Вавилоне XXI века // Вестн. МГИМО : электр. изд-ние. 2014. № 3 (36). С. 224—231. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/filologiya/yazykovaya-politika-v-evrope-vavilone-xxi-veka> (дата обращения: 21.04.2016).
14. Языковая политика и языковые конфликты в современном мире : междунар. конф. (Москва, 16—19 сент. 2014 г.) : докл. и сообщения / отв. ред. А. Н. Биткеева, В. Ю. Михальченко ; Инс-т языкознания РАН, Науч.-исслед. центр по национально-языковым отношениям. — М., 2014. 637 с.
15. Bevitori C. Negotiating conflict: Interruptions in British and Italian parliamentary debates // Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse / ed. by Paul Bayley. — Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins B.V., 2004. P. 87—110.
16. Wodak R., Krzyżanowski M., Forchtner B. The interplay of language ideologies and contextual cues in multilingual interactions: Language choice and code-switching in European Union institutions // Language in Society. 2012. № 41. P. 157—186.

ABOUT THE AUTHOR: *Popova Galina Evgueniivna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages for Technical and Humanitarian Professions, Astrakhan State Technical University.*

ABOUT THE AUTHOR: *Chervony Alexandr Mikhailovich, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of German and French Languages Department of Anton Chekhov State Institute (branch) of Rostov State University of Economics (RSUE), Taganrog, Russia.*

REFERENCES

1. Korpus-1 . Débats Mercredi 7 octobre 2015 — Strasbourg. Situation actuelle dans l'Union européenne Déclarations de M. François Hollande, président de la République française, et de Mme Angela Merkel, chancelière de la République fédérale d'Allemagne. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do>.
2. Korpus-2. a. Parlement européen. L'interprétation. URL: <http://www.europarl.europa.eu/interpretation/fr/the-interpreter.html>.
3. Korpus-2. b) Rapport au parlement sur l'emploi de la langue française (2014). URL: <http://www.culturecommunication.gouv.fr/Politiques-ministerielles/Langue-francaise-et-langues-de-France/La-DGLFLF/Nos-priorites/Rapport-au-parlement-sur-l-emploi-de-la-langue-francaise-2014>.
4. Korpus-2. c. Parlement européen. Débats Mardi 9 juin 2015 — Strasbourg <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef>.
5. Aktual'nye aspekty interaksional'noy teorii yazyka : monogr. / A. V. Alferov, E. Yu. Kustova, G. E. Ayrapetov, G. E. Popova, A. M. Chervonyy, A. S. Cherenkov, L. G. Shamugiya. — Pyatigorsk, 2013.
6. Alferov A. V. O sopostavlenii v pragmatike // Vestn. Pyatigor. gos. lingvisticheskogo un-ta. 2004. № 2/3. S. 185—187.
7. Alferov A. V., Kustova E. Yu. O diskursivnom statuse i kategoriyakh parlamentskoy kommunikatsii: podkhody k issledovaniyu // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3. S. 24—32.
8. Alferov A. V., Kustova E. Yu. Pragma-semanticheskaya konversiya kak faktor dinamiki yazykovoy sistemy (na materiale russkikh i frantsuzskikh inter"ektivnykh form) // Vestn.k Pyatigor. gos. lingvisticheskogo un-ta. 2014a. № 1. S. 59—62.
9. Alferov A. V., Kustova E. Yu., Popova G. E. Relevantnost' v konseptualizatsii Rossii vo frantsuzskom parlamentskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2. S. 57—62.
10. Alferov A. V., Popova G. E., Shamugiya L. G. Kosvennye adresaty protokol'nogo parlamentskogo diskursa: interaksional'nyy analiz // Vestn. Pyatigor. gos. lingvisticheskogo un-ta. 2015. № 3. S. 135—138.
11. Alferov A. V., Shamugiya L. G. Replikativnyy diskurs parlamentskikh debatov (na materiale skriptov zasedaniy frantsuzskogo parlamenta) // Vestn. Pyatigor. gos. lingvisticheskogo un-ta. 2013. № 3. S. 109—112.
12. Protsenko E. A. Problema pereklyucheniya kodov v zaru-bezhnoy lingvistike // Vestn. VGU. Ser. «Lingvistika i mezhekul'turnaya kommunikatsiya». 2004. S. 123—127.
13. Rekosh K. Kh. Yazykovaya politika v Evrope — Vavilone XXI veka // Vestn. MGIMO : elektr. izd-nie. 2014. № 3 (36). S. 224—231. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/filologiya/yazykovaya-politika-v-evrope-vavilone-xxi-veka> (data obrashcheniya: 21.04.2016).
14. Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire : mezhdunar.konf. (Moskva, 16—19 sent. 2014 g.) : dokl. i soobshcheniya / otv. red. A. N. Bitkeeva, V. Yu. Mikhail'chenko ; Ins-t yazykoznaniya RAN, Nauch.-issled. tsentr po natsional'no-yazykovym otnosheniyam. — M., 2014. 637 s.
15. Bevitore C. Negotiating conflict: Interruptions in British and Italian parliamentary debates // Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse / ed. by Paul Bayley. — Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins B.V., 2004. P. 87—110.
16. Wodak R., Krzyzanowski M., Forchtner B. The interplay of language ideologies and contextual cues in multilingual interactions: Language choice and code-switching in European Union institutions // Language in Society. 2012. № 41. P.157—186.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

М. В. Гаврилова
Санкт-Петербург, Россия

СЛОВО «КУЛЬТУРА» В ДИСКУРСИВНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

АННОТАЦИЯ. Отличительной особенностью современного общества является усиление связи между культурными процессами и политической деятельностью. В области культуры, как и в других областях общественной жизни, политика направляет социальную активность людей. В свою очередь, культура оказывает большое влияние на политику представлениями о мире, ценностями, образцами поведения.

Целью данной статьи является изучение особенностей использования слова «культура» в репрезентации идеологических взглядов российских политических партий. В статье описано семантическое развитие слова «культура» в русском языке, дискурсивные способы конструирования представлений о культуре в программах партий, значение и лексическая сочетаемость слова в различных видах институционального дискурса, особенности функционирования слова «культура» при построении семантической оппозиции «свой — чужой». Материалом исследования служат программы российских парламентских партий КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Единая Россия».

В ходе комплексного лингвистического анализа мы выяснили, что российские парламентские партии трактуют слово в его основном значении 'высокие достижения общества в промышленной, социальной и духовной жизни' и рассматривают культуру как основу духовного единства многонациональной России и источник развития страны. Политики описывают культуру, используя воздействующий потенциал метафоры.

Анализ дискурсивных стратегий показал, что в программах парламентских партий слово «культура» выполняет как функцию объединения, идентификации и солидарности, так и функцию различения и отчуждения. Политические противоречия развиваются при помощи коммуникативных стратегий «усиление наших хороших / их плохих действий». Парламентские партии используют слово в идеологической борьбе для формирования семантической оппозиции «Мы» и «Они», противопоставляя «нашу/настоящую/русскую/высокую культуру» и «их/западную/капиталистическую/низкую культуру/псевдокультуру».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика; идеология; политический дискурс; политическая партия; культура; когнитивно-дискурсивный подход.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Гаврилова Марина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики — Санкт-Петербург», Школа социальных и гуманитарных наук; 198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 17, каб. 215; e-mail: mvlgavrilova@gmail.com.

Отличительной особенностью современного общества является усиление связи между культурными процессами и политической деятельностью. В области культуры, как и в других областях общественной жизни, политика направляет социальную активность людей. В свою очередь, культура оказывает большое влияние на политику представлениями о мире, ценностями, образцами поведения.

При этом символический потенциал культуры может использоваться как для улучшения внутри- и межгосударственных отношений, так и для актуализации идеологических противоречий между политическими акторами (отмена Года Турции в России в 2017 г., запрет российских фильмов на Украине и др.). Целью данной статьи является изучение особенностей использования слова *культура* в репрезентации идеологических взглядов российских политических партий.

Материалом исследования служат программы российских парламентских партий КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия» (далее СР), «Единая Россия» (далее ЕР), поскольку программа — это основной документ, в котором формулируются идеологические установки и идентификационные признаки политических партий, позволяющие отличать их друг от друга и формировать политические предпочтения избирателей. Кроме того, главной функцией любой

политической партии в демократическом обществе является выражение интересов различных социальных групп населения. Именно поэтому с помощью программы политические партии не только определяют себя как политическую организацию с определенной позицией, но и выражают интересы тех или иных социальных групп. Таким образом, программа может воплощать основные идеи социума в конкретный исторический период.

Известно, что значение дискурса определяется взаимодействием языковых структур и контекста, в котором они употребляются. В дискурсивных исследованиях **контекст** рассматривается как знание, которое направляет использование определенных языковых средств и интерпретацию высказываний. Поэтому важно зафиксировать обстоятельства, в которых происходит коммуникация, и определить их отношение (значимость) к структуре текста. Рассмотрим некоторые особенности постсоветского политического контекста.

Несмотря на то, что Россия признана в мире страной великой культуры, в русском политическом дискурсе только с 2010-х гг. подчеркивается роль культуры в модернизации страны и формировании национальной идентичности. Этот интерес можно объяснить влиянием постмодернизма, глобализацией, вопросами государственного сувере-

нитета. 2014 год был объявлен Годом культуры в России и, как результат, в конце года был утвержден документ «Основы государственной культурной политики». В публичном дискурсе появилась новая номинация, которая относится к культурной идентификации — человек русского мира (т. е. единого пространства русского языка и культуры). 2015 год был объявлен Годом литературы. 2016 — Год кинематографа. Следует отметить и активность парламентских политических партий в организации и осуществлении проектов, направленных на поддержку и развитие культуры. Примерами могут служить премия СР под девизом «В поисках правды и справедливости», основанная в 2015 г. для поощрения художественных произведений патриотической направленности; проекты ЕР «Библиотеки России», «Культура и время», «Время высокой музыки», «Кинноклуб: культура, образование, коммуникации», «Гринландия» (поддержка авторской песни патриотической направленности) и др.

Важно отметить, что внимание к культуре — это не только инициатива сверху, решение политических элит, но и социальный запрос на образование и начитанность. Приведем несколько примеров общественных инициатив: проект «Тотальный диктант», интернет-проект «Москва — город грамотных людей», совместный проект «Google» и МХТ им. А. П. Чехова «Чехов жив» и др.

Мы выяснили, что во время президентства Б. Н. Ельцина культура трактовалась как условие мирного перехода к демократии и упоминалась в выступлениях о политических и экономических реформах. Для Д. А. Медведева культура — это источник модернизации общества, понятие включено в тематические блоки «Креативность», «Экономика», «Инновации», «Талантливые дети и молодежь», «Туризм» и др. В. В. Путин осмысляет культуру, говоря о рынке, единстве страны, национальном самосознании, истории, суверенитете и др.

Тема культуры является частью семантической структуры русского институционального дискурса новейшего времени. В политическом дискурсе с 1991 г. понимание культуры изменяется в зависимости от целей развития страны, общественных интересов и политического курса российских президентов.

Семантическое развитие слова культура в русском языке. Культура — это сложное для уяснения понятие, поскольку оно связано с различными сферами деятельности людей. Во многих языках культура — многозначное слово, при этом основ-

ное значение слова различно в разных языках. Кроме того, в научном сообществе существует большое количество школ и концепций понимания культуры. Отчасти сложности толкования связаны с этимологией слова, которое было заимствовано из латинского языка, где *cultura* является отвлеченным существительным от глагола *colere*, у которого три основных значения: 1) обрабатывать, возделывать; 2) взращивать; 3) населять, обитать. «Но поскольку предмет заботы древнего римлянина было не только само место, земля, но и божество, которое его охраняло, то впоследствии развилось особое значение „почитать, ублажать бога“, откуда *cultus* „культ“ — „попечение, забота о божестве“... но и бог заботится о людях, проживающих в данном месте, — отсюда второе значение слова культ — „покровительствовать, хранить человека“. Все эти исходные значения составляют древнейший комплекс латинского слова *cultura*: „обустройство того места, где живешь“» [Степанов 1997: 15].

Слово *культура* вошло в русский язык в середине 30-х гг. XIX в. В начале XX в. культура понималась как «целенаправленное воздействие человека на природу», а также «воспитание и обучение человека» [Даль 1994, т. 2: 558]. Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова, первое издание которого вышло во второй половине 1930-х гг., отражает идеологические приращения (классовая теория, марксизм), уточняет и расширяет значение слова: «1. (*книж.*) только ед. Совокупность человеческих достижений в подчинении природы, в технике, образовании, общественном строе. 2. То или иное состояние общественной, хозяйственной, умственной жизни в какую-н. эпоху, у какого-н. народа, класса. 3. *Только ед.* То же, что культурность. 4. *Только ед.* Разведение, возделывание, обработка (с.-х.). 5. Разводимое, культивируемое растение (с.-х.). 6. Лабораторное выращивание бактерий; полученная таким путем колония бактерий. 7. *Перен., только ед.* Усовершенствование, высокое развитие» [Толковый словарь русского языка 1996, т. 1: 1546]. В дальнейшем и в словаре под редакцией С. И. Ожегова, выпущенном в 1949 г., и в Малом академическом словаре, изданном в 1982 г., эти значения сохраняются, однако меняются пометы и очередность значений в словарной статье, т. е. в конкретные исторические периоды в общественном сознании становятся востребованными определенные значения слова.

В начале XXI в. в постсоветской России слово еще осознается как заимствованное. Словарь современного русского языка, из-

данный в 2004 г., содержит такие дефиниции: «1. Совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни. 2. *Археол.* Общность археологических памятников определенной эпохи в развитии первобытного общества. 3. Сфера человеческой деятельности, связанная с областью искусства, просветительской деятельностью и пр. 4. Высокий уровень развития какой-либо сферы человеческой деятельности или условий его жизни. 5. Просвещенность, образованность, начитанность. 6. *Спец.* Разведение, выращивание какого-либо растения. 7. *Обычно мн.:* Виды, разновидности разводимых, культивируемых растений. 8. *Биол.* Микроорганизмы, выраженные в лабораторных условиях в какой-либо питательной среде» [Современный толковый словарь русского языка 2004: 306].

Рассмотрение толкования слова *культура*, представленного в толковых словарях русского языка на протяжении столетия, показало, что основное значение 'достижения человеческого общества в производственной, социальной и духовной жизни' остается неизменным. Поскольку значение данного слова содержит такие семантические компоненты, как 'высокий уровень', 'достижения', 'просвещение', лексема в русском языке имеет положительные коннотации. Иначе говоря, в слове *культура* усматривается национально-культурная специфика.

Прежде чем обратиться к политическому тексту, рассмотрим **функционирование слова *культура* в различных видах институционального дискурса**. Так, в новейшем рекламном и медийном дискурсах под влиянием английского языка изменяется значение слова, и *культура* понимается как 'образ жизни', 'способ социальной организации общества', 'общепринятые образцы поведения и взаимодействия людей'. Добавим, что привнесение новых сем часто осуществляется посредством внедрения лексической сочетаемости, характерной для английского языка. При этом согласованные определения вытесняются аналитическими несогласованными сочетаниями «культура + существительное». В русском языке появляются такие словосочетания, как *культура насилия*, *культура шопинга*, *культура потребления* и др.

Анализ креолизованных рекламных текстов свидетельствует об изменении коннотативного значения слова *культура*. При помощи дискурсивной стратегии реконтекстуализации текст помещается в нейтральный и/или отрицательный контекст, снижающий положительную оценку слова. При этом реконтекстуализация эксплуатирует символы

русской культуры, в том числе при помощи языковой игры, что наблюдается в названиях товаров (чай «Чайкофский», «Чайкофский»), компаний (служба доставки «Достаевский/Dosta-evsky»), ресторанов («Гоголь»), гостиниц («Братья Карамазовы») и др.

В юридическом дискурсе («Основы государственной культурной политики», 2015) мы наблюдаем расширение значения слова: от узкого определения ('часть социального блока', 'работа учреждений культуры', 'услуги', 'досуг') до широкого толкования культуры как 'общественного блага и исторического наследия, системы ценностей и нравственных идеалов'. Иными словами, заметно увеличение предметных значений слова, т. е. происходит расширение объема понятия.

Таким образом, в институциональном дискурсе новейшего времени наблюдается концептуальная разногласица в (пере)осмыслении культуры. Мы являемся свидетелями идеологического соревнования, которое разворачивается между двумя семантическими полюсами: духовное и возвышенное vs повседневное и материальное.

Значение слова *культура* в политических программах российских партий.

Лингвистический анализ показал, что партии употребляют слово *культура* в различных значениях: 1) совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни («*национальные культуры*», КПРФ); 2) просвещенность, образованность, начитанность («*мы будем повышать культуру граждан*», ЛДПР); 3) сфера человеческой деятельности, связанная с областью искусства, просветительской деятельностью и пр. («*федерального бюджета на культуру, искусство и кинематографию*», СР); 4) разновидности разводимых, культивируемых растений («*генномодифицированных культур*», ЛДПР).

Политики подчеркивают, что культура выполняет объединяющую функцию («*русскую культуру как основу духовного единства многонациональной России*», КПРФ; «*культура России была и остается одной из основ нашего единства*», СР), играет важную роль в развитии страны («*культура — неиссякаемый источник развития*», СР). Темпоральный вектор культуры направлен как в прошлое, так и в будущее («*Культура и искусство — это наша история и путь в будущее*», ЕР). И эти времена помещаются в положительный контекст по сравнению с настоящим временем бытования культуры, которое оценивается отрицательно оппозиционными партиями.

Партии отмечают значительность русской культуры, используя слова с семами

‘успех’, ‘важность’, ‘совокупность культурных ценностей’: «*достижения культуры*» (КПРФ), «*богатства нашей культуры*» (ЕР), «*великая многонациональная культура России*» (СР).

Важно подчеркнуть, что политики описывают культуру, используя воздействующий потенциал метафоры, т. е. риторического средства создания идеологии, поскольку метафора обладает преобразующей силой. При этом партии употребляют различные, оказывающие положительный прагматический эффект метафорические модели: путь («*путь в будущее*»), строение («*фундамент, на котором строится будущее любого государства*»), природа («*источник развития*»).

Мы выявили прототипическое представление о культуре в программах российских парламентских партий. 1. Культура — это высокие достижения общества в промышленной, социальной и духовной жизни. 2. Русская культура — богатая и уникальная. 3. Россия внесла большой вклад в развитие мировой культуры. 4. Нравственность и духовность являются основными характеристиками русской культуры. 5. Культура — основа единства россиян. 6. Культура связана с тематическими областями «Образование», «СМИ», «Наука», «Ценности».

Лексическая сочетаемость слова культура в программах партий. Как известно, взаимное расположение слов свидетельствует о речевой эпохе. Следующим этапом нашего анализа является интерпретация системных и речевых связей слова как показателей внутренних, содержательных явлений, происходящих в дискурсивной практике парламентских партий. Полагаем, что подобный семантический анализ будет способствовать объективной и точной оценке значений слова *культура* и происходящих в русском политическом дискурсе семантических изменений. Мы будем исследовать: 1) словосочетания, состоящие из прилагательного / причастия в полной форме (полное определение — это определение известного признака) и местоимения и существительного *культура*; 2) несогласованные определения «существительное и существительное в родительном падеже», где *культура* является главным и зависимым словом; 3) словосочетание «*культурный* и существительное». Подчеркнем, что словосочетания могут рассматриваться как один из способов воспроизводства концептов в системе политических представлений партий.

Мы выяснили, что в программах партий *культура* употребляется со следующими определениями: *отечественная и мировая, исторически сложившаяся, развитая ду-*

ховная, русская, национальная (КПРФ); *русская* (3 словоупотребления), *физическая* (3 словоупотребления), *одна, генно-модифицированная, национальная, отечественная, русская языковая, «массовая», подлинная, раздавленная, находящаяся в «партизанском» режиме* (ЛДПР); *российская, массовая* (2 словоупотребления), *отечественная, великая, многонациональная* (СР); *наша* (2 словоупотребления), *вся, российская, массовая, мировая, физическая* (2 словоупотребления) (ЕР).

Наши наблюдения показали, что ЛДПР наделяет слово *культура* наибольшим количеством признаков. В политических программах преимущественно используются словосочетания, зафиксированные в словарях русского языка как устойчивые: *русская, мировая, отечественная, великая, физическая*. Примечательно, что относительные прилагательные преобладают над качественными, т. е. актуализируется признак принадлежности. Иными словами, обозначение признака предмета (*культура*) осуществляется не непосредственно, а через его отношение к другому предмету, действию.

Анализ согласованных определений с главным словом *культура* обнаружил формирование контекстуальных антонимических отношений: *подлинная vs. массовая*.

Таким образом, определительные связи слова *культура* лишь уточняют признаки и не создают нового знания о понятии. Политики используют преимущественно устойчивые словосочетания, которым не свойственно представлять развивающиеся в сознании признаки.

Анализ несогласованных определений с главным словом *культура* позволил установить, каким объектам свойственна культура. Так, КПРФ и ЕР употребляют сочетание «*культура народов России*», ЛДПР — «*культура граждан*». В программе СР словосочетание «*культура + существительное*» отсутствует. Таким образом, в программах партий данный тип сочетаний выступает синонимической заменой словосочетаниям *российская/национальная культура*, уточняя и конкретизируя признак культуры как совокупности достижений определенного общества.

Анализ несогласованных определений с зависимым словом *культура* выявил предметы, принадлежащие области культуры: *сфера, деятели, люди* (ЛДПР); *учреждения, развитие, деятель, работник, памятник, поддержка* (СР); *развитие* (2 словоупотребления), *деятель, работник, богатство* (2 словоупотребления), *фонд, дом, достижения* (ЕР); *достижения* (2 словоупотребления), *расцвет, деградация, развитие, ком-*

мерциализация, защита (КПРФ). Данные выражения можно разделить на три тематические группы: 1) люди, работающие в сфере культуры (деятель, работник); 2) объекты отрасли (учреждения, дом, памятник); 3) состояние культуры (расцвет, развитие, поддержка и др.). Добавим, что преобладающее число сочетаний являются устойчивыми, наблюдается преемственность грамматических связей слова *культура* с советским политическим дискурсом. Расширение сочетательных связей происходит за счет использования иноязычных слов *деградация, коммерциализация*.

Рассмотрев грамматические связи слова *культура*, мы сочли необходимым расширить картину синтагматики за счет словосочетаний «культурный + имя существительное», что позволит определить те предметы, которые в программных документах связаны с областью искусства и просветительской деятельностью. Мы выявили, что в программе КПРФ используются сочетания «*культурным и духовным упадком*», «*культурных завоеваний*», «*культурная революция*», «*культурных благ*», «*культурная традиция*». СР наделяет признаком 'культурный' следующие существительные: *традиции, ценности* (3 словоупотребления), *самовыражение, достояние* (3 словоупотребления), *центр, облик, воспитание*. ЕР употребляет прилагательное *культурный* со словами *идентификация, влияние, совместимость*. В программе ЛДПР с этим прилагательным сочетаются существительные *отрасль, элита и мероприятия*. Мы выяснили, что в данных сочетаниях актуализируется связь культуры с традициями, подчеркивается богатство культуры (благо, достояние, завоевание), отмечается взаимодействие культуры и самопознания (самовыражение, идентификация). Анализ грамматических связей показал широту и разнообразие сочетательных возможностей прилагательного. Устойчивыми являются только выражения *культурная революция, культурные мероприятия*. Мы наблюдаем возникновение новых связей слова *культурный* с существительными *идентификация, совместимость, элита, влияние, отрасль*. Вероятно, это происходит под влиянием лексической сочетаемости английского языка, что приводит к изменению семантики слова *культура* в русском языке.

Следующим этапом нашего анализа является изучение особенностей употребления устойчивых **словосочетаний «глагол + культура»**. Мы обнаружили изменение частотных сочетаемостных связей и, как следствие, семантический сдвиг в значении слова. В советском политическом дискурсе сло-

во употреблялось с такими глаголами, как *разрушить, создать, развивать, улучшать, изучать, бороться за (высокую) культуру* и др. [Словарь сочетаемости слов русского языка 1983: 249]. В новейшем русском политическом дискурсе частотны выражения *защитить, сохранить, использовать, продвигать и развивать культуру*: «*сохранить культурное достояние нации, обеспечить его передачу будущим поколениям, развивать единое культурно-информационное пространство страны*» (СР). Преобладание смыслового значения 'сохранить, чтобы не потерять' можно объяснить тем, что политические партии (за исключением «Единой России») характеризуют текущее состояние культуры как катастрофическое.

Различия идеологических взглядов партий эксплицируются посредством выбора определенных языковых средств, в частности слов (их лексических значений). Например, описывая основные действия по отношению к культуре, КПРФ употребляет глагол (отглагольное существительное) *защитить*: «*защитить русскую культуру*», «*защиту отечественной истории и культуры*». Таким образом, можно сделать предположение, что Коммунистическая партия придерживается оборонительной позиции, целью которой является оградить русскую культуру от посягательств, враждебных действий.

ЛДПР преимущественно использует глагол *повышать* («*повышать культуру граждан*»), т. е. основное намерение партии направлено на то, чтобы наладить, поправить сложное положение в сфере культуры, поднять роль культуры в общественной жизни страны.

В программе СР и ЕР не встречается тип сочетаний «глагол + культура», т. е. не указаны действия, прямо направленные на культуру как объект воздействия. Иными словами, деятельностный аспект политики партий в сфере культуры неявно выражен и носит опосредованный характер. Однако СР употребляет отглагольные существительные *поддержка и развитие*: «*поддержка отечественной культуры*». Партия считает, что культуре необходимо оказать помощь и содействие. ЕР неоднократно использует в тексте сочетание «*развитие культуры*», что значит, постепенно совершенствуя, способствовать росту культуры.

Таким образом, анализ сочетаний, созданных по схеме «глагол + культура», показал, что в новейшем политическом и советском дискурсе актуализируются различные действия по отношению к культуре. Кроме того, анализ лексического значения глаголов позволил выявить и уточнить идеологическую позицию парламентских партий в сфе-

ре культуры: *защищать* (КПРФ), *повышать* (ЛДПР), *поддерживать* (СР), *развивать* (ЕР). Подобная сочетаемость привносит в значение слова *культура* семантические компоненты 'слабый', 'находящийся в трудной ситуации', что приводит к уменьшению положительных коннотаций слова.

Поскольку анализ синтаксической структуры предложения соотносится с выявлением идеологических установок политика, рассмотрим **положение слова *культура* в синтаксической структуре предложения**. Наши наблюдения показали преимущественное употребление слова в косвенных падежах в функции дополнения («*людям, которым мы доверили руководить культурой*» — ЛДПР), т. е. отсутствие позиции активного деятеля в предложении.

Однако в программах партий встречаются единичные примеры, когда *культура* выступает в роли активной силы, являясь подлежащим. Примечательно, что эти предложения выражают основные идеологические позиции партии по отношению к культуре. Их можно считать лозунгами, ключевыми политическими заявлениями. Добавим, что значимость этих высказываний усиливается сильной позицией в тексте: как правило, это начальное предложение текста или абзаца.

Главное идеологическое положение ЛДПР строится вокруг оппозиции *наша vs. их* культура: *В XXI веке культура стала новым оружием массового поражения в войне Запада за умы человечества*. СР делает упор на механизмах финансирования культуры: *Культура — фундамент, на котором строится будущее любого государства, и неиссякаемый источник развития <...> Российская культура стала заложницей экономической ситуации в стране <...> Культура не может жить по законам бизнеса*. ЕР рассматривает культуру как источник национального самопознания: *Культура и искусство — это наша история и путь в будущее, возможность сохранить нашу культурную идентификацию и творческое многообразие*. КПРФ заявляет о бедственном состоянии культуры: *Уничтожаются исторически сложившиеся культура и язык*. Очевидно, что концептуальные векторы осмысления культуры в политических программах различны: партии соотносят культуру как деятеля с различными тематическими областями, эксплицируя свои идеологические взгляды.

Культура имеет значение. Культура является одной из составляющих политической цели. Например, формулируя характеристики идеального общества, КПРФ подчеркивает важную роль культуры: *Это об-*

щество подлинного народовластия и развитой духовной культуры, стимулирующее творческую активность личности и самоуправление трудящихся. Отметим, что КПРФ считает необходимым включить атрибут деятелей культуры в символ партии: *Символ КПРФ — символ союза тружеников города, села, науки и культуры — молот, серп и книга*.

ЛДПР утверждает, что политика в области культуры входит в число 5 важных направлений политической деятельности, находящихся под особым контролем партии, наряду с русским вопросом, борьбой с коррупцией, борьбой с терроризмом и экстремизмом, обороной и безопасностью. В композиционной структуре программы СР есть тематический раздел «Культура, наука, образование», посвященный социальной безопасности.

Добавим, что положение о взаимовлиянии политики и культуры находит свое подтверждение в программе СР, где написано о том, что культура повлияла на формирование политической идеологии социализма XXI в.: *Новый социализм в полной мере основывается на культурных традициях российского общества*. Представляя в программе идеологию обновленного социализма, КПРФ указывает, что *при определении своих программных целей и задач, стратегии и тактики наша партия <...> опирается на опыт и достижения отечественной и мировой науки и культуры*. Отметим, что актуализация положения о взаимосвязи культуры и политики (в идеологии социализма) осуществляется при помощи расположения в сильной (начальной) позиции текста.

Идеологически значимым является и выбор сочетаемых связей слова *культура*. Так, КПРФ и ЛДПР употребляют словосочетание *русская культура*, а ЕР и СР предпочитают выражение *российская культура*, т. е. партии актуализируют различные признаки принадлежности — отношение к этносу или государству.

Следует отметить, что символический ресурс культуры используется в **дискурсивном конструировании оппозиции «свой — чужой»**. В программах партий применяется стратегический принцип политического дискурса (идеологический квадрат, состоящий из усиления/ослабления наших/их хороших/плохих действий) [van Dijk 1995: 246]. Партии понимают НАШУ культуру как основу духовного единства многонациональной России и источник развития страны: *Великая многонациональная культура России была и остается одной из основ нашего единства* (СР). В международных отношениях рус-

ская культура трактуется как «мягкая сила»: *Необходимо использовать достижения нашей культуры, науки, искусства, спорта для создания благоприятного отношения к России* (ЕР).

НАША культура (*наша, российская, русская, подлинная*) часто противопоставляется ИХ культуре (*массовая культура, псевдокультура*), которая ассоциируется с Западом, капитализмом, глобализацией и наносит вред российскому обществу: *Мы не позволим низкопробным продуктам массовой культуры калечить нравственное и психическое здоровье наших детей и будем...* (ЕР). В программе ЛДПР создается оппозиция «наша настоящая vs. их поддельная культура: *подлинная культура — суррогаты глобализма*. ЕР противопоставляет результаты деятельности, говоря об их (не)пригодности для удовлетворения потребностей общества: *Мы создаем качественные отечественные программы и передачи, ОНИ производят низкопробные продукты массовой культуры*. Важно отметить использование такого идеологического средства, как номинация. Так, результаты деятельности ИХ группы партии именуют *продуктом*, т. е. предметом как результатом человеческого труда, чем подчеркивается материальность ИХ культуры в противовес духовности НАШЕЙ культуры.

В соответствии с традициями советского политического дискурса, культура включается в противоборство двух общественных строев: социализма и капитализма. Например, КПРФ, актуализируя значения 'время наивысшего подъема' и 'спад в развитии', противопоставляет достижения в области культуры в социалистической системе и бедственное положение культуры в капиталистическом обществе: *«СССР <...> обеспечил расцвет науки и культуры»; «Капитализм подрывает жизнь людей <...> культурным и духовным упадком»*. Отметим, что подобная оппозиция является показателем преемственности идеологических представлений КПСС и КПРФ о культуре, поскольку в советский период в *принципиальном споре между капитализмом и социализмом* дискурсивно конструировалось противоположение по нескольким признакам: *хороший/советский/пролетарский/социалистический/новый vs. плохой/буржуазный/старый*.

Дискурсивная стратегия «усиление ИХ плохих действий» создается семантической поляризацией «наша высокая культура — их низкая культура» при помощи языковых средств с пейоративной оценкой, в частности существительных (*упадок, деградация, потери, жестокость, индивидуализм*), при-

лагательных (*вредный, негативный, низкопробный*), глаголов (*калечить, уничтожать, подрывать*), военных метафор («*В XXI веке культура стала новым оружием массового поражения в войне Запада за умы человечества*» — ЛДПР).

Политики подчеркивают разрушающее воздействие ценностей ИХ культуры («*индивидуализм, жестокость, секс, наркотики*» — ЛДПР) и созидательное начало «*основополагающих ценностей*» НАШЕЙ «*самобытной культурной и нравственной традиции*» («*общинность, коллективизм и патриотизм, теснейшая взаимосвязь личности, общества и государства*» — КПРФ).

Отметим, что ИХ группа находится не только за пределами России, но и внутри страны: *российская культурная элита («предательство культурной элиты нашей страны» — ЛДПР)*.

Бороться против агрессивных и вредных действий массовой культуры (*разрушает, вытесняет, наносит огромный вред, калечит*), против коммерциализации НАШЕЙ культуры (*торжество принципа «кто лучше продается, тот и прав»*), противостоять расширению (*экспансия*) ИХ культуры должны государственные и общественные организации: *«Мы считаем, что ответственность за культурное воспитание граждан, за противодействие отрицательному влиянию псевдокультуры несут одновременно и государственные, и общественные организации»* (СР).

Дискурсивная стратегия «усиление наших хороших действий» реализуется посредством приписывания признака 'значительный' НАШЕЙ культуре («*великая <...> культура*» — СР), характеристики наших деятелей культуры как выдающихся по своему значению («*великих писателей, музыкантов и художников — КПРФ*»), испытывающих вдохновение, воодушевление, подъем духа («*духовному горению*» — КПРФ), создающих произведения, которые становятся «*культурным достоянием нации*» (СР).

Идеологические взгляды политиков разнятся при оценке состояния культуры в российском обществе. В отличие от правящей партии, оппозиционные характеризуют сегодняшнее состояние культуры как бедственное. КПРФ заявляет о *деградации науки, образования и культуры*. ЛДПР говорит о *провальной ситуации в отечественной культуре*. В программе партии агрессивно-прагматический потенциал метафорического осмысления культуры как войны усиливается семантическими компонентами 'побежденный', 'уничтоженный', включенными в значение прилагательного *раздавленный*. По мне-

нию ЛДПР, вооруженная борьба ИХ культуры привела к оккупации российского культурного пространства, и НАША культура вынуждена находиться в «партизанском» режиме. СР считает, что в последние два десятилетия российская культура стала заложницей экономической ситуации в стране, что привело наше общество к трудно-восполнимым духовным и нравственным потерям. Приведенные примеры показывают, что культура помещается в пейоративный контекст, образованный словами с семмами 'ухудшение', 'лишение' и отрицательным коннотативным значением.

Примечательно, что, описывая отрицательное воздействие западной культуры на русскую, политики используют большое количество иноязычных слов: *регресс, реставрация капитализма, эксплуатация человека* и др. (КПРФ); *оптимизация функций, социальное партнерство, консолидация нации* и др. (ЛДПР); *коррупцированная бюрократия, налоговые преференции* и др. (СР); *интеграционные проекты, позитивные тенденции, инфраструктура для инноваций* и др. (ЕР). Подчеркнем, что у многих иноязычных слов есть эквиваленты, созданные на базе собственно русских корней: ликвидация — уничтожение, деформация — изменение, примат — преобладание, преференции — преимущества и др. Считаем, что политикам следует быть более последовательными в политических взглядах и подтверждать свои убеждения действиями, в частности, защищая русскую культуру и русский язык, быть более ответственными в выборе слов.

Таким образом, парламентские партии используют слово *культура* в идеологической борьбе, противопоставляя «нашу/настоящую/русскую культуру» и «их/западную/капиталистическую псевдокультуру». Политические противоречия разворачиваются при помощи дискурсивных стратегий «усиление наших хороших действий» и «усиление их плохих действий» между двумя семантическими полюсами: духовная, возвышенная и самобытная vs. материальная, низкая и западная/глобальная культура.

В заключение отметим, что российские парламентские партии трактуют слово в его основном значении 'высокие достижения

общества в промышленной, социальной и духовной жизни' и рассматривают культуру как основу духовного единства многонациональной России и источник развития страны. Однако мы наблюдаем процесс постепенного изменения лексического и коннотативного значения слова *культура*, вызванный актуализацией новых сочетаемостных связей с глаголом, а также расширением сочетаний с прилагательным *культурный*. Политики описывают культуру, используя воздействующий потенциал метафоры. Оппозиционные партии КПРФ, ЛДПР, СР более активно используют символический ресурс культуры в политической борьбе за власть.

Анализ дискурсивных стратегий показал, что в программах парламентских партий слово *культура* выполняет как функцию объединения, идентификации и солидарности, так и функцию различения и отчуждения.

Парламентские партии используют слово в идеологической борьбе для формирования семантической оппозиции «Мы» и «Они».

Мы считаем перспективным накануне нового цикла избирательной кампании в Государственную думу сравнить тексты анализируемых программных документов ведущих российских партий с новыми предвыборными обещаниями и выявить динамику идеологических взглядов российских партий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль. В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. — М. : Прогресс. Универс, 1994.
2. Программа Всероссийской политической партии «Единая Россия». URL: <http://er.ru/party/program/> (дата обращения: 22.05.2016).
3. Программа КПРФ. URL: <http://kprf.ru/crisis/offer/97653.html> (дата обращения: 22.05.2016).
4. Программа ЛДПР. URL: http://ldpr.ru/party/regions/Kostroma_region/Kostroma_events/Election_Program_LDPR_election_December_4_2011/ (дата обращения: 22.05.2016).
5. Предвыборная программа партии «Справедливая Россия». URL: http://www.spravedlivo.ru/5_48384.html (дата обращения: 22.05.2016).
6. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 2-е изд., испр. — М. : Рус. яз., 1983.
7. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2004.
8. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.
9. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — М. : Терра, 1996.
10. Dijk Teun van. Discourse semantics and ideology // *Discourse & Society*. 1995. Vol. 6, № 2. P. 243—289.

M. V. Gavrilova
Saint-Petersburg, Russia

IMPACT OF THE WORD CULTURE IN THE DISCURSIVE REPRESENTATION OF RUSSIAN POLITICAL PARTIES' IDEOLOGY

ABSTRACT. *The distinctive feature of the modern world is the emphasis on the connection between cultural processes and political activity. In the sphere of culture, as well as in the other spheres, politics governs social activity of people. Culture in its turn influences politics by means of the world view, values and models of behavior.*

This research explores the role of the word "culture" in representation of Russian parliamentary parties' ideology in their programs. The article describes semantic development of the word "culture" in Russian, discursive means of constructing the concept of culture in the programs of political parties, the meaning and lexical combinability of the word in different types of institutional discourses and the peculiarities of functioning of the word culture in semantic opposition "friend" – "alien". The material for research is based on the programs of the Russian parliamentary parties: the Communist Party of the Russian Federation, the Liberal Democratic Party of Russia, "Spravedlivaya Rossiya" (A Just Russia), "Yedinaya Rossiya" (United Russia).

In the course of complex linguistic research we found out that the Russian parliamentary parties understand the word "culture" in its main meaning "great achievement of the society in industrial, social and spiritual spheres" and they treat culture as the basis for spiritual unity of multinational Russia and the source of the country development. The politicians describe culture using persuasive potential of metaphors.

The analysis of discursive strategies shows that the word "culture" in the programs of parliamentary parties performs on the one hand the functions of unification, identification and solidarity and on the other – the functions of differentiation and alienation. Political contradictions are developed by means of communicative strategies "intensification of our good activities and their bad activities". Parliamentary parties use a word in ideological struggle to create semantic opposition "friend - alien" contrasting "our/real/Russian/exquisite culture" and "their/western/capitalistic/poor/pseudo-culture".

KEYWORDS: political linguistics; ideology; culture; political communication; parliamentary party; discourse analysis.

ABOUT THE AUTHOR: Gavrilova Marina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Scientific Research University Higher School of Economics, School of Social Sciences and the Humanities, Saint-Petersburg, Russia.

REFERENCES

1. Dal'. V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka : v 4 t. / pod red. I. A. Boduena de Kurtene. — M. : Progress. Univers, 1994.
2. Programma Vserossiyskoy politicheskoy partii «Edinaya Rossiya». URL: <http://er.ru/party/program/> (data obrashcheniya: 22.05.2016).
3. Programma KPRF. URL: <http://kprf.ru/crisis/offer/97653.html> (data obrashcheniya: 22.05.2016).
4. Programma LDPR. URL: http://ldpr.ru/party/regions/Kostroma_region/Kostroma_events/Election_Program_LDPR_election_December_4_2011/ (data obrashcheniya: 22.05.2016).
5. Predvybornaya programma partii «Spravedlivaya Rossiya». URL: http://www.spravedlivo.ru/5_48384.html (data obrashcheniya: 22.05.2016).
6. Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka / pod red. P. N. Denisova, V. V. Morkovkina. 2-e izd., ispr. — M. : Rus. yaz., 1983.
7. Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 2004.
8. Stepanov Yu. S. Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1997.
9. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / pod red. prof. D. N. Ushakova. — M. : Terra, 1996.
10. Dijk Teun van. Discourse semantics and ideology // Discourse & Society. 1995. Vol. 6, № 2. P. 243—289.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

С. В. Ильясова
Ростов-на-Дону, Россия

КРЫМЕЦ УКРАИНЕ, ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию политического словотворчества — феномену, в котором способы, приемы языковой игры подчинены созданию аксиологических коннотаций. Возрастающая роль языковой игры в современной политической речи отвечает ее установке на выразительность.

Материалом исследования послужил язык современных российских СМИ. Для словотворчества в СМИ характерны несомненно преобладание индивидуального начала, находящее выражение в броскости, в эпатажности, а также подчеркнутое стремление к выполнению оценочной функции. Основной целью исследования было определить возможности словотворчества в политическом дискурсе. Для достижения поставленной цели были выбраны инновации, мотивированные ключевыми словами нашего времени — «Украина», «майдан», «Крым».

Выбранный материал позволил решить основные задачи: показать, как самые острые темы могут быть поданы в неожиданном — игровом — ракурсе, как самые резкие оценки могут быть даны творчески, с выдумкой. Подробно характеризуются способы создания новых номинаций и связанные с ними тенденции дискурса СМИ (например, в роли производящих в современном словотворчестве активно выступают не только нарицательные, но и собственные существительные, осваиваются графические способы словообразования, например, дефисация).

Для решения поставленных задач в работе наряду с описательным методом были использованы методы контекстуального анализа, сопоставительного и словообразовательного анализа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: язык российских СМИ; оценочность; языковая игра; словотворчество; инновация; ключевые слова; эпатаж.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ильясова Светлана Васильевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; 344090, г. Ростов-на-Дону, ул. Рихарда Зорге, 28, корп. 4А, к. 103; e-mail: ilyasova_rnd@mail.ru.

В получившем широкую известность учебном пособии «Политическая лингвистика» А. П. Чудинов отмечает «все возрастающую выразительность современной политической речи» [Чудинов 2007: 106], одним из способов создания которой является языковая игра.

Самой распространенной разновидностью языковой игры (далее — ЯИ) является словотворчество — «процесс создания новых слов национального языка, пополнение словаря национального языка новыми словами, создаваемыми носителями языка с применением различных нормативных и индивидуальных средств словообразования» [Русский язык 1997: 509].

Это довольно широкое понимание словотворчества, безусловно, нуждается в корректировке для разных функциональных стилей и речевых формаций. Применительно к материалу нашего исследования — языку современных российских СМИ — необходимо выделить следующее: 1) несомненное преобладание индивидуального начала, находящее выражение в броскости, эпатажности, в переходе словотворчества в *словоерничество*; 2) подчеркнутое стремление к выполнению оценочной функции. Все вместе позволяет охарактеризовать словотворчество в языке СМИ как *политическое словотворчество*.

Для доказательства выдвинутых положений мы обратимся к анализу двух тематически связанных групп инноваций.

В первую группу вошли новые слова украинской тематики и проблематики. Мотивирующими здесь часто выступают антропонимы, топонимы.

События, происходящие на Украине, достаточно долгое время находятся в фокусе общественного внимания, ср.: *Киевщина и Вашингтонщина* (Версия. 2004. № 42). Как известно, оценочность новообразования может создаваться разными способами, в данном случае для выражения негативной оценки используются «маркированные суффиксы» [Петрова, Рацибурская 2011: 66]. Эти же суффиксы «привлечены» для создания отрицательной коннотации и в следующем примере: *По сравнению с „timoшенковщиной“ „януковщина“ — это легкое потрепывание по затылку* (КП. 09.02.2010).

События, связанные с именем бывшего премьер-министра, а затем президента Украины В. Януковича, получили оценку и в трансформации прецедентного феномена, ср.: *Даже если бы „партизанский, януковский собирал бы он отряд“* (КП. 28.02.2014). Аллюзия очевидна, так как содержание песни «Смуглянка» относится ко времени Гражданской войны.

Полагаем, что нельзя оставить без внимания и следующий пример обыгрывания имен собственных: *Мавродизация Донбасса* (Версия. 2015. № 35). Антропоним *Мавроди* относится к числу имен собственных, которые то уходят в пассивный запас, то снова актуализируются, в том числе средствами ЯИ, ср.: *Тема номера... плюс мавродизация всей страны* (Огонек. 1994. № 40); *Что собой представляют и что проделывают все эти годы... за спинами своих „мавродистых“ мужчин* (КП. 07.02.2003); *Мавроди-на в безопасности* (Версия. 2012. № 13).

Приведенный заголовок *Мавродизация Донбасса* правильнее выглядел бы так: *МММавродизация Донбасса*, так как он предваряет статью, в которой идет речь о создании в ДНР новой партии — *МММ* — аббревиатуры, устойчиво ассоциирующейся с фамилией С. Мавроди, ср.: *МММавродизация бесконечна* (АиФ. 1997. № 10).

Скажем несколько слов о модели на *-изация*. Ее активизация относится к концу XX в., когда, по мнению Е. А. Земской, все социально значимые процессы стали активно именоваться «существительными на *-изация*» [Земская 1996: 79]. Добавим, что в роли производящих в современном словотворчестве активно выступают не только нарицательные, но и собственные существительные, что придает инновациям ярко выраженный игровой, а в языке СМИ, как правило, оценочный характер, что усиливается включением в структуру заголовка местоимения *весь*, например: *Насчет пути-низиации всей страны* (КП. 26.03.2005).

Активно обыгрывается в современных СМИ и топоним *Украина*, ср.: *Укр-руина?* (Версия. 2015. № 48); *Украскол* (Версия. 2015. № 42). Ассоциация событий, происходящих на Украине, с разрушением находит выражение в первом случае в соединении двух игровых приемов — контаминации и дефисации. По своему механизму они противоположны: контаминация направлена на наложение смыслов, дефисация — на разложение (ср. *шах-и-маты*), что в целом рождает мощнейший экспрессивный эффект.

По-своему интересна и вторая инновация, созданная путем сложения.

Позволим себе дать развернутый анализ инновации *Укрогейт* (Версия. 2015. № 8). Подробный анализ использованного здесь строительного элемента словообразования представлен в известной работе В. Г. Костомарова «Языковой вкус эпохи». Автор подробно рассматривает становление его как суффикса: английское слово *Watergate* (букв. «Водяные ворота»), в состав которого и входит *gate*, стало «нарицательным наименованием шумного политического скандала» [Костомаров 1999: 238]. Формант *-гейт*, подобно другим иноязычным формантам, вычленяется из сложного слова и начинает функционировать в русском языке как самостоятельный элемент, становясь одним из продуктивных суффиксов, с легкостью образуя производные как от нарицательных, так и от собственных существительных, напр.: *Сноуденгейт* (АиФ. 2014. № 23); *Чайкагейт* (Версия. 2015. № 48); *По ком ударил „Панамагейт“* (АиФ. 2016. № 15); *Мельдонийгейт* (Версия. 2016. № 10).

Полагаем, что будет уместным рассмотреть и следующий пример употребления топонима *Украина: Деолигархизация Украины* (АиФ. 2015. № 14). Добавление к уже рассмотренной модели на *-изация* префикса *де-* позволяет выразить противоположное значение — «лишение того, что названо производящей основой», а именно: власти олигархов (в данном случае — Коломойского). Слово *олигарх*, на наш взгляд, заслуживает специального анализа. Будучи давним заимствованием из греческого языка, оно до недавнего времени обозначало реалию «западного» мира, ср.: «**Олигарх**, а, м. 1. Представитель олигархии (в первом значении). 2. Об империализме, представителе монополистического капитала» [Ожегов 1973: 411]. Заметим, что в толковании присутствует оценка, создаваемая путем подбора синонима с явно отрицательной коннотацией — *империалист*.

Актуализация этого слова относится к началу XXI в. Включение слова в словарь актуальной лексики свидетельствует о том, что обозначаемая им реалия перестала быть чужеродной, ср.: «**Олигарх**, а, м. Публ. Представитель крупного монополизированного капитала» [Толковый словарь современного русского языка 2001: 530].

Актуальность слова *олигарх* подтверждается многочисленными примерами его обыгрывания. Спектр ЯИ необычайно широк: это и игра с прецедентным феноменом — названием работы В. И. Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции», ср.: *Роман Абрамович как зеркало российского олигархизма* (КП. 23.09.2003), и контаминация *олигарх + френд: А какие сейчас отношения с Борисом Березовским — „олигофрендом“, как вы сами его назвали* (Версия. 2004. № 30), и шутовское имя собственное: *В итоге в интернете появились первые снимки младшего сына: олигарха олигарховича* (КП. 17.12.2010), и разнообразные инновации-сложения, ср.: *Олигархотром* (Версия. 2015. № 35); *Тайнолигархи* (Версия. 2015. № 40); *Олигархоснос* (Версия. 2016. № 7).

Логичным продолжением анализа актуализированной лексики в политической коммуникации будет обращение к анализу инноваций, производящей основой для которых послужило ключевое слово *майдан* со следующей этимологией: «площадь, место сходок» [Фасмер 1986: 559]. В Словаре С. И. Ожегова *майдан* трактуется как «базар, базарная площадь» [Ожегов 1973: 307].

Постоянно мелькающее на страницах СМИ слово *майдан* и производные от него связаны с топонимом *Майдан Незалежности* — центральной площадью Киева, которая и превратилась в место сходок, место протестных вы-

ступлений. ЯИ с этим словом, безусловно, имеет лавинообразный характер, слово *майдан* стало вершиной гнезда, где представлены инновации разной частеречной принадлежности. Это отыменные префиксальные глаголы, ср.: *Виктор Янукович выглядит явным победителем: дождал Ющенко, „перемайданил“ ненавистную Тимошенко и уселся-таки в премьерское кресло* (КП. 04.08.2006); *Замайданили!* (АиФ. 2007. № 40); *Как промайданить страну* (Версия. 2014. № 45).

В гнездо входят экспрессивные причастные формы, ср.: *Но первое, что сделала майданутая власть — запретила русский язык* (КП. 08.15.05.2014); *Майданутая Москва* (Известия. 29.01.2014); *Список тех, кто в спешном порядке перебрался из майданящей Украины в нашу страну, впечатляет* (Версия. 2014. № 39).

Здесь можно увидеть прилагательные, например: *...из-за царящего в стране послемайданного беспорядка купить украинские права ничего не стоит* (Версия. 2016. № 19).

Наибольшим интерес с точки зрения словотворчества, ЯИ представляют, безусловно, существительные, образованные путем сложения, ср.: *Синемайдан* (Известия. 05.11.2014); *Электромайдан* (Версия. 2015. № 25); контаминации, ср.: *Майданатовцы* (КП. 07.03.2014); *Данко или Майданко?* (АиФ. 2015. № 4), создания слова по образцу («предсказамус-прием»), ср.: *Еврометания страны Майдании* (АиФ. 2014. 36).

Последний заголовок интересен также и тем, что в нем употреблены две инновации, причем инновация *еврометания* не менее интересна, чем *Майдания*. Дело в том, что первая часть сложного существительного *еврометания* может быть истолкована двояко: и как *евро* в значении «единая европейская валюта; единица единой денежной системы на территории 12 стран Европы» [Толковый словарь русского языка начала XXI века 2006: 333], и как *евро-* в значении *европейский*, например: «**ЕВРОВИДЕНИЕ**, я, ср. Организация, объединяющая телевидение стран Западной Европы <...> **Евро** ... (видение) + **телевидение**» [Словарь новых слов 1995: 217]. Компонент *евро* очень популярен при создании инноваций в современных СМИ, порой очень неожиданных, ср.: *Европопа* (Версия. 2011. № 47); *Еврофлюс* (Версия. 2015. № 10); *Еврохалифат* (Версия. 2015. № 36).

Полагаем, что исследование современного политического словотворчества невозможно без обращения к теме Крыма. Прежде чем привести примеры разнообразных игр с этим топонимом, заметим, что задолго до присоединения Крыма к России в печати стали появляться инновации, мотивирован-

ные этим топонимом, ср.: *ЗаКРЫМа бывшей родины* (АиФ. 2004. №29); *Крымлевские разборки* (Версия. 2006. № 23); *Криминальные разборки* (Известия. 22.07.2008); *Криминальное чтиво* (Версия. 2009. № 29); *Криминал* (Версия. 2010. № 36).

Как видим, инновации редко имели нейтральный характер. Как правило, происходящее в Крыму ассоциировалось с криминалом, что рождает каламбур подчеркнуто оценочного характера — *криминальный*, который сохраняет свою актуальность и в настоящее время, ср.: *Криминальный арсенал* (Версия. 2015. № 38).

Позднее игра с этим топонимом становится разнообразнее, например, используется контаминирование, ср.: *КРЫМсота поамерикански* (КП. 05.02.2014).

Присоединение Крыма к России вызывает взрыв словотворчества, переходящего в словоерничество, ср.: *Крымздец* (Версия. 2015. № 15); *Крымец Украине* (Версия. 2015. № 40); *Крымоза ностра* (Версия. 2016. № 6).

Так, суффикс *-ец*, безусловно, относится к «маркированным суффиксам». Наряду с жаргонной лексикой подобные суффиксы являются вербальным проявлением «речевой агрессии» [Петрова, Рацибурская 2011: 54]. Но в языке современных СМИ инновации с суффиксом *-ец* чувствуют себя весьма вольготно, порой появляются самые причудливые сочетания основы и аффикса (во многих случаях с концовкой *-здец* можно усматривать не суффиксацию, а контаминацию с суффиксальной обценной лексемой), ср.: *Полный Джигурдец* (КП. 27.02.2011 — от *Н. Джигурда*); *Полный криздец* (АиФ. 2011. № 51 — от *кризис*); *Полный рецессец* (АиФ. 2013. № 29 — от *рецессия*).

Примером стеба может служить также и заголовок *Крымоза ностра* — трансформация названия *Cosa nostra*, что, впрочем, согласуется с упоминавшейся ранее оценочной контаминацией *криминальный*.

Нельзя оставить без внимания и трансформацию известного хеш-тега *КРЫМНАШ*, единицы, которая «вошла в актуальный словарь 2014 г.» [Иссерс 2015: 26], ср.: *Крым — их* (Версия. 2016. № 13). Объяснение такой трансформации дано в подзаголовке: *Как и два года назад, полуостров принадлежит киевским воротилам* (Версия. 2016. 313).

Модель становится продуктивной, порождает инновации, ср.: *ПРИБАЛТИКАНАШ!* (Версия. 2015. № 25); *ГВИНЕЯНАШ! КУВЕЙТНАШ!* (Версия. 2015. № 42). Уточним, что эта модель все-таки сложилась раньше, так как сначала в средствах массовой информации начало «гулять» новообразование *ШПИОННАШ*, напр.: *ШПИОННАШ* (Вер-

сия. 2013. № 9), но продуктивность приобрела благодаря инновации *КРЫМНАШ*.

Вынесенный в заголовок пример словотворчества *КРЫМЕЦ УКРАИНЕ* стал отправной точкой для исследования такого феномена, как *политическое словотворчество*, в языке современных российских СМИ. С одной стороны, этот феномен полностью отвечает задаче креативности — создания слов с установкой на языковую игру, которая, правда, порой принимает эпатажные формы в погоне за броскостью, рекламностью. С другой стороны, этот феномен направлен на оценку реалий, которые обозначают инновации.

Спектр оценки, так же как и спектр словотворчества, языковой игры, широк, что и делает исследование политического словотворчества очень привлекательным для лингвиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшунов Ю. В., Горшунова Е. Ю. Лингвокультурный шок и лингвистический юмор в контексте рекламного дискурса // Политическая лингвистика. 2016. № 2. С. 17—21.
2. Гридина Т. А. Языковая игра в жанре политического прикола // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 47—51.
3. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 1996.

S. V. Il'yasova

Rostov-on-Don, Russia

«CRIMEC» FOR UKRAINE, OR POLITICAL WORD CREATION

ABSTRACT. *The article is devoted to the study of political word creation – the phenomenon, in which the ways and methods of word play aim at creation of axiological connotations. The growing role of word play in contemporary political speech reflects its goal of being expressive. The material for research is the language of contemporary Russian mass media. Word creation in mass media is characterized by prevailing of the individuality, which manifests itself in showiness, epatage and the strive for evaluation. The main goal of the research is to find out the possibilities of word creation in politics. To reach this goal the author chose innovations motivated by the key words “Ukraine”, “Maidan” and “Crimea”. The material of research made it possible to reach the main goal: to show that the most urgent topics may be introduced in an unexpected, playful manner; the most critical remarks may be expressed in creative manner. The ways of creation of new nominations and the tendencies of mass media discourse (for example proper names are very often used in word creation as well as graphic means of word creation) are described in detail. The descriptive method, the methods of contextual, comparative and word formation analyses were used in the research.*

KEYWORDS: *language of the Russian mass media; evaluation; word play; word creation; innovation; keywords; epatage.*

ABOUT THE AUTHOR: *Il'yasova Svetlana Vasilievna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language for Foreign Students of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

REFERENCES

1. Gorshunov Yu. V., Gorshunova E. Yu. Lingvokul'turnyy shok i lingvisticheskiy yumor v kontekste reklamnogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 2. S. 17—21.
2. Gridina T. A. Yazykovaya igra v zhanre politicheskogo prikola // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 4 (38). S. 47—51.
3. Gridina T. A. Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 1996.
4. Enina L. V., Zubova L. V. Politicheskie figury na pole komicheskogo v massmedia: smeshnye i ser'eznye // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 77—81.
5. Zemskaya E. A. Aktivnye protsessy sovremennogo slovo-proizvodstva // Russkiy yazyk kontsa KhKh stoletiya (1985—1995). — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1996. S. 90—142.
6. Issers O. S. Ot ser'eznogo — do smeshnogo: igrovoy potentsial rossiy-skogo slova goda // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 25—32.
7. Kostomarov V. G. Yazykovoy vkus epokhi. Iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy mass-media. Izd. 3-e, ispr. i dop. — SPb. : Zlatoust, 1999.

4. Енина Л. В., Зубова Л. В. Политические фигуры на поле комического в массмедиа: смешные и серьезные // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 77—81.

5. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М. : Языки русской культуры, 1996. С. 90—142.

6. Иссерс О. С. От серьезного — до смешного: игровой потенциал русского слова года // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 25—32.

7. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Изд. 3-е, испр. и доп. — СПб. : Златоуст, 1999.

8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М. : Советская энциклопедия, 1973.

9. Петрова Н. Е., Рацбургская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2011.

10. Руженцева Н. Б., Шустрова Е. В., Ворошилова М. Б. Юмор и ирония в политическом дискурсе : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2015. 253 с.

11. Русский язык : энцикл. / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Большая российская энциклопедия : Дрофа, 1997.

12. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х—середина 80-х годов). — СПб. : Дмитрий Буланин, 1995.

13. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. — М. : Астрель : АСТ, 2001.

14. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. — М. : Эксмо, 2006.

15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. — М. : Прогресс, 1986.

16. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. — М. : Флинта : Наука, 2007.

8. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1973.

9. Petrova N. E., Ratsiburskaya L. V. Yazyk sovremennykh SMI: sredstva rechevoy agressii : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2011.

10. Ruzhentseva N. B., Shustrova E. V., Voroshilova M. B. Yumor i ironiya v politicheskom diskurse : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2015. 253 s.

11. Russkiy yazyk : entsikl. / gl. red. Yu. N. Karaulov. 2-e izd., pere-rab. i dop. — M. : Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya : Drofa, 1997.

12. Slovar' novykh slov russkogo yazyka (sередina 50-kh—sередina 80-kh godov). — SPb. : Dmitriy Bulanin, 1995.

13. Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Yazykovye izmeneniya kontsa KhKh stoletiya. — M. : Astrel' : AST, 2001.

14. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika. — M. : Eksmo, 2006.

15. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 2. — M. : Progress, 1986.

16. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. 2-e izd., ispr. — M. : Flinta : Nauka, 2007.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

В. В. Колесов
Санкт-Петербург, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ РУССКОГО СОЗНАНИЯ: ДЕМОКРАТИЯ

АННОТАЦИЯ. По методике, выработанной автором, в статье описывается развертывание концепта «Демократия», представленного в текстах разного времени и различных культур. В результате проявился ряд типологических особенностей действия концепта в общественном сознании, прежде всего обнаружилось двоение в толковании концепта: у авторов Серебряного века (*идея — вещь, реализм*), в современных текстах (*приемлемое — неприемлемое, номинализм*), в западноевропейских текстах (*положительное — отрицательное, концептуализм*). Процесс ментализации (осмысления заимствованного концепта) не завершился и еще продолжается. Негативное представление о демократии объясняется недавним заимствованием термина, представленного в качестве символа, неразработанного сознанием, но также и его неприятием из-за сомнительной действительности защитников демократии. Конечная формула Демократии как концепта полного состава содержательных форм (*образ, понятие, символ*) сравнивается со словарными определениями, которые ограничиваются одним понятийным значением. На основе изученных текстов предлагается суммарное определение демократии как политической формы правления. Демократия — конкретная форма самоуправления народа по сложившимся нормам народного характера в обстановке реальной свободы всех, при ограничении личной воли чувством ответственности, при отсутствии права силы и авторитарного навязывания чужеродных идей. Если существует понимание власти как права, а не обязанности, демократия разрушается как общественный институт. Демократия довлеет сама себе, не имея ценностей выше себя, это род, Абсолют, требующий определенности в формулировании типа демократии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепт; сознание; образ; понятие; символ; содержательная форма.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Колесов Владимир Викторович, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11; e-mail: prof.Kolesov@gmail.com.

*Я мещанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ.*

А. С. Пушкин

Понимать слова поэта можно по-разному, в зависимости от изменяющихся значений слов *мещанин* и *демократ*. Во всяком случае, сегодня «слово *демократ* в его извращенном смысле действительно вошло в язык, а значит, участвует в манипуляции нашим сознанием постоянно и автоматически» [Кара-Мурза 2012]. Значения изменяются в соответствии с законами ментализации — преобразования заимствованных слов, но концепты остаются неизменными, определяясь «зерном первосмысла». Об изменении толкований концепта и пойдет речь в статье. Здесь и ниже по тексту все цитаты приведены по «Словарю русской ментальности» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014], там же раскрыты указания на источники; описание ведется по алгоритму, разработанному в книге автора «Концептология» [Колесов 2012].

При сходстве всех ответвлений когнитивистики (в широком плане как ментальной лингвистики), определяемом общей установкой на говорящего субъекта, при неперемкнутой связи лингвистического и логического в объекте знания, между ними существуют и различия. Концептология от контентивной и когнитивной лингвистики отличается предметом изучения и методом. Контентивная *содержательная* лингвистика (от англ. contents 'содержание') описывает преимущественно *образы* концептов в русле практического номинализма; когнитивная *познава-*

тельная лингвистика (от лат. cognosco 'познаю') строит свои суждения на основе *понятий* в рамках концептуализма. Концептология же как учение о концептах охватывает все четыре содержательные формы концепта, включая символ (реализм). Необходимый для полноты концепта четвертый член, *концептум*, в виде «внутренней формы» слова также присутствует только в концептологии, и от американской «третьей волны» (У. Матурана) он отличается своим *философским* содержанием, не являясь *органическим* (от слова *организм*) «перводвигателем» в виде структур мозга; это не биологическая, а ментальная сущность: *концепт «оживает» под действием концептума*. В области когнитивистики философские положения по определению имеют преобладающее значение, это определено ориентацией на логику мышления, а не на лингвистическую форму.

В процессе *познания*, представляя собой актуальное *понимание*, концепт расширяется по составу, и последовательность предъявления составов определяется исторически. Эту последовательность можно описать графически.

Установление семантического *треугольника* в конце XIX в. связало все три состава *реальности*, доступных сознанию человека: субъект *видит* вещь, *слышит* слово и *понимает* их идею. В восточнославянской культуре, на самой ее заре, обнаруживается та замечательная особенность,

что все три состава именовались общим термином — заимствованным в XI в. из Восточной Болгарии словом *вещь*, обозначающим одновременно и предмет *мысли*, и знак *слова*, и *идею* реального действия. Ориентация на вещь как на совокупность всех проявлений указывает, что в ментальном плане до начала XV века восточные славяне по своим философским воззрениям были номиналистами.

Влияние славянского перевода Ареопagitик, сделанного в 1389 г., привело к выделению в качестве самостоятельной сущности *идеи*, которая предстала выражением помысленной предметности вещи и переключила характер мировоззрения на реализм, который стал философским ядром нарождающейся великорусской народности. Только к XVIII в. в общественном сознании сложилось представление и о третьем составе семантического треугольника — *слове*, из которого вообще-то реалисты и исходили, оценивая взаимные силы вещи и идеи, но до поры включая их в общий состав Логоса. «Слово рождено, чтобы всему назначить свое место в системе», — заметил А. А. Потебня, и система сложилась, обозначив новое направление мысли — философский концептуализм. Так постепенно исходный синкретизм слова *вещь* разложился на свои составы. Конечной точкой развития общей мысли в XX в. стало открытие *концепта* — лингвистической формы проявления составов *семантического* треугольника, обогащенной наличием *четвертого* состава в концептуальном *квадрате*. Четвертый состав выявляется при сопоставлении референтов **R** вещи с денотатами **D** предметных значений слова (*идеи* вещи):

	R	-R
D	понятие 2 идеи	1 образ вещи
-D	символ 3 слова	0 «зерно» первосмысла

Концепт обязательно выражает все свои составы в их законченности; только в полном виде он *есть* концепт сознания, отличный от частного его проявления в виде понятия (см. 2). Определяя понятие как *идею* через ее противоположности к *вещи* и к *знаку*, выходим на *синергийную* связь трех в составе семантического треугольника, представляющую собой замкнутую неизменную *систему*, которая изучается на *синхронном* уровне. Чтобы придать этой системе движение, необходимо добавить еще один компонент, и тогда на плоскости образуется *концептуальный* квадрат, согласно постулату С. Н. Булгакова: «Четверица та же троица, только в движении». Это *структура* с четырьмя составами — конструктивными об-

разом, *понятием*, *символом* и ментальным «зерном первосмысла» — *концептумом* (лат. *conceptum* ‘зерно, зародыш’), о котором сказано: «квант сознания», «неопределенное нечто», «точка вне плоскости». Движение задано нулевой точкой с отсутствием признака предметности (это «туманное нечто» С. А. Аскольдова) и собственного значения (инвариант *принципиального* значения С. Л. Франка). Это материально не оформленный состав концепта, «чистая ментальность», которая в современной науке имеет много имен (при частом терминологическом смешении с полным концептом): *понятие*, *эпистема*, *сантиентема*, *архетип*, *номинатема*, *первотектон* и т. д., отражающих какую-то одну сторону концепта, попавшую в поле зрения того или иного автора. Теперь понятие окончательно сузило содержание до своего реального состава. Концептуальный квадрат — это зона действий *диалектической* лингвистики, включившей в изучение константу времени (ср. *хронотол*).

Из числа номинаций концептума предпочтителен все же термин *концептум* как однокоренной с выражением *концепта*, первоисточником которого концептум является. Ср. аналогию с физическим миром при другой номинации (у физиков): *квант* или *парен* — вещество без структуры и поведения, которое неосознаваемо из-за отсутствия структуры, движения и явленных форм (латинское причастие *parens* ‘дающий, производящий на свет’.) Именно таков и концептум в ментальном ряду помысленного. Самое время вспомнить проницательное замечание другого русского философа, П. А. Флоренского, который писал: «Нужно обратиться к последнему, четвертому виду объектов, не могущих быть различены никакими методами, помимо мистического восприятия». Поиском этого объекта и занята концептология.

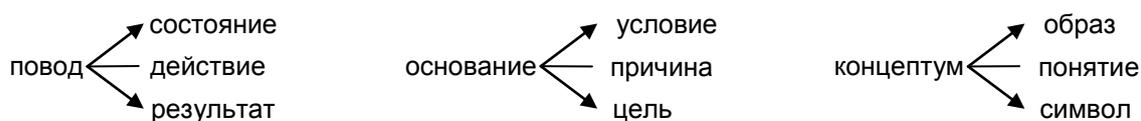
Помысленный *концептуальный* квадрат отличается от статичного семантического треугольника динамичностью, способностью разворачивать и сжимать свои составы, «играть» значениями по мере необходимости. При этом концепт обычно определяется как *цельное* образование (целое по части), вне его содержательных форм, т. е. с точки зрения исследователя и в прямой перспективе *на объект*, а не в обратной — от самого концепта в богатстве его содержательных форм. Взгляд со стороны представляет объект в его целом, лишая возможности описать его конструктивные детали.

Реальность концепта раскладывается на составляющие и по тексту — в отношении к *референту* — отдельно рассматриваются *десигнат* (содержание понятия = словесное

значение) и *денотат* (объем понятия = предметное значение). Затем на основе полученных результатов строится то *понимание* в *понятиях*, которое вытекает из анализируемого текста. Это *восстановленное знание* определенного момента развития мысли, зафиксированного в текстах.

Перед нами не игра словами, а реальная картина взаимных отношений в относительности связей концепта и понятия. Всё зависит от точки зрения, от перспективы исследования, от его конкретной цели. В частности, большое значение имеет категория *причинности*, восходящая к теории «четырех

причин» Аристотеля. Это зависимость *условия, причины и цели* от своего *основания* («Во всем есть своё основание», — гласит закон достаточного основания Г. Лейбница). Причинность направляет действие понятий и «частных» причин в общем составе Причинности. Как и всякая помысленная категория, Причинность может представлять в различных формах, выраженных разными словами, ср. развертку «четырех причин» в виде *семантической константы* (смысловой *постоянной* в последовательности членов Причинности):

Представим разноименность признаков Причинности в сводной таблице:

1	2	3
Повод	Основание	Концептум
Состояние	— условие	— образ
Действие	— причина	— понятие
Результат	— цель	— символ

Все последовательности трех горизонтально связанных имен обозначают ментально *одно и то же* — с позиции синтезирующего «зерна» концептума как *основания*, — но взятое в разной проекции тернарного состава. Здесь Причинности 1 отражает *реальные* отношения в их *онтологии* (это *события*) — как таковые совместно это единство Следствия; 2 — выражает *логические* связи в их *гносеологии* (это *факты*), т. е. собственно проявление Причинности; 3 — указывает *лингвистические* отношения в их *герменевтическом* статусе (это *язык*) — содержательные формы концепта. Аналитически представленные соотношения определяются установками различных научных программ, а именно «состояние — условие — образ» находятся в центре внимания *реалистов* с их установкой на *сознание*, «действие — причина — понятие» интересуют прежде всего *номиналистов*, нацеленных на процесс *познания*, а «результат — цель — символ» являются предметом преимущественно *концептуалистов*, для которых ценность представляет *знание*.

Семантическая константа строится путем определенного подбора текстов, определяемых *основанием* и жестко связанных соотношением вопросов: *что это?* — основание, *как проявляется?* — условие, *почему действует?* — причина, *зачем создается?* — цель.

Например, русский философ С. Л. Франк в своем толковании «концептума» [Франк 1956] дал несколько последовательных определений, четко выстраивая каузальную цепочку: 1) *что это?* — *зародыш самой актуальности (!)*, 2) *как проявляется?* — *бесформенная потенциальность (!)*, *начало чистой бесосновности*, 3) *почему действует?* — *творческий элемент активности (!)*, 4) *зачем создается?* — *познание живой глубины (!)*. В построении семантической константы мы получаем, по существу, законченное *философское понятие* концептума: *концептум есть зародыш самой актуальности в (своей) бесформенной потенциальности и чистой бесосновности как творческий элемент активности в познании живой глубины*.

Философ в своем подсознании понял сущность того, что в его время понятия еще не имело. В этом высветлении подсознательных импульсов мышления и состоит задача концептологии как раздела когнитивистики.

Анализ текстов в поисках необходимых фактов проводится методом последовательных редуций.

Воспользуемся дискурсивным характером нашего мышления и высветим смысл имени с двух сторон: со стороны *определения* перед именем и со стороны *предиката* после имени; обе позиции предстают в предикативном усилии мысли и потому субъективны, но отбор сравнений уточняется объективно общим смыслом конкретного высказывания и направлен значением основного слова как *основанием*. Таким образом, путей выявления значений слова, необходимых для воплощения концептума, у нас всего два. Первый — конструирование понятия на основе сочетания имени с определенным

прилагательным, представляющим конкретное содержание понятия (*железный сон* — Ф. Тютчев). Второй путь — посредством суждения, т. е. подведения значения слова к общему роду, также проявляющемуся в тексте на основе интуитивного приближения к концепту (*любовь есть сон* — Ф. Тютчев). Таково типологическое состояние сознания, реально выделяющего «вещь», которая существует в известных признаках и притом каким-то образом действует. Такое тройственное восприятия вещи в единстве ее признаков и действий известно уже Аристотелю, который и обозначил все это именем существительным, именем прилагательным и глаголом в действии «четырех причин».

Признаки выражения в форме прилагательного могут представать в трех видах: они могут быть типичными, реальными или образными. Типичные признаки раскрывают символ (= образное понятие), выражая основное его свойство: *белый свет, сине море, железная воля* и т. д. Реальный признак создает актуальное понятие: *белый цвет, Черное море, железная дорога* и пр. Образный признак образует метафорический образ: *белое братство, беспокойное море, железное сердце*. Могут возникать и причудливые оксюмороны типа *железный пух*, но они не отражают концептуального стержня основного слова и в принципе могут возникать по любому авторскому капризу. В результате определяется словесное значение, равное содержанию понятия, то есть десигнат. В конечном счете, перебирая отмеченные в употреблении эпитеты, мы очерчиваем пределы десигната — признаки различия, выявляющие содержание концептума и явленные в содержании понятия. При этом, как это заметно, в роли понятия (образного) понятия, которое есть *das Sinnbild* ('символ') выступает все сочетание в целом, поскольку вечная любовь отличается от неверной любви, а эта последняя — от слепой любви и т. д. по списку. Образное понятие раскрывает символ, уточняя каждый раз оттенок и грань его бесконечных проявлений. В Средневековье именно образные понятия заменяли отсутствующие понятия. Таким образом, с помощью определения и существительного мы конструируем понятие, годное только для понимания данного конкретного случая. Так создаются оперативные понятия, которые столь часто встречаются в газетных заголовках. В результате «понятие» актуализируется в текстах на основе интуитивного приближения к концептуму. По-видимому, в нашем сознании содержится скрытое представление о концептуме, неявно существующее в подсознании, что и

дает возможность сопоставлений. В результате этой операции мы очерчиваем границы денотата — предметного значения, представляющего объем понятия.

Редуцируя предикаты текстов до денотатов, а затем разлагая их на составы Причинности в границах концептуального квадрата и доходя до последней содержательной формы — до концептума — мы получаем ответы на поставленные вопросы:

- 1) исторически неизменное единство культуры и языка в подсознании обеспечивается общими и неизменными в данной культуре концептумами сознания;
- 2) концептумы как основания потенциальной сущности организуют внутреннее движение содержательных форм концептов;
- 3) концепты строго организованы по своему составу, содержанию и сущности;
- 4) каждый концепт в тот или иной момент и в определенной авторской среде понимается по-разному во всех оттенках общего смысла;
- 5) переменные толкования концептов создают тонус и аромат эпохи, которая тем и отличается от других — при сохранении общего понимания концептов.

После этих предварительных пояснений по смыслу исследовательской процедуры рассмотрим заявленный концепт *Демократия*.

В академическом толковом словаре дается следующее определение: «Демократия — форма политической организации общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на его праве участвовать в решении государственных дел и наделении граждан достаточно широким кругом прав и свобод» [Словарь русского языка 1985—1988, т. 1: 385].

Это точное, слово в слово, повторение определения, данного в энциклопедических словарях. Философский словарь дает вариацию: «Демократия — ...форма гос.-политич. устройства общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на принципах равенства и свободы» [Философский энциклопедический словарь 1983].

Подробности энциклопедического характера толкуют разные формы демократии и ее историю. Энциклопедический словарь «Политология» разворачивает это краткое определение в большую словарную статью [Политология 1993: 92—98] с исходным определением: «Демократия... — одна из основных форм правления, политической и социальной организации общества, государства и власти, развивающийся и прогрессирующий в истории политический режим, обычно связанный с республиканской фор-

мой государства... Таким образом, Д. — исторический процесс, подобный процессу реализации других универсальных ценностей — свободы, справедливости и др., он бесконечен, но реален и проходит через ряд вполне определенных этапов, зафиксированных теорией (в понятиях — В. К.)... Д. конкретизировалась как совокупность гражданских, социальных и политических прав и свобод (перечисляются: участие в политической власти и т. п. — В. К.), включая и естественные права человека на жизнь, безопасность, жилище, труд и др... Д. — целостное общественное явление. В современном обществе не может быть подлинной демократии, если она не всеобща (действует только в некоторых формах — В. К.), не может быть полноценной, если она избирательна (только «для своих» — В. К.). Иначе говоря, Д. не допускает исключений из демократической процедуры».

На основании выделенных предикатов представим последовательный ряд денотатов, т. е. совмещенных сущностей предметных значений и объемов соответствующих понятий.

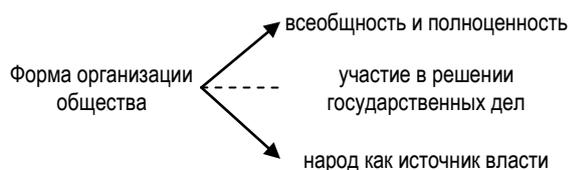
Основания (что?): форма политической организации общества, форма государственно-политического устройства общества, форма политической и социальной организации общества, государства и власти, одна из основных форм правления, политический режим.

Условия (как?): широкий круг прав и свобод, на принципах равенства и свободы, связь с республиканским строем, всеобщность и полноценность.

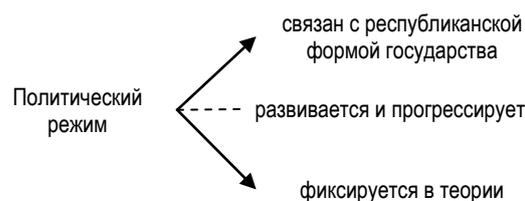
Причины (почему?): участие в решении государственных дел, участие в политической власти, развивается и прогрессирует в истории, бесконечный и реальный процесс реализации универсальных ценностей.

Цели (зачем?): признание народа в качестве источника власти, источник власти, права человека на жизнь, безопасность и труд, фиксация в теории.

Можно построить следующие семантические константы, которые направлены выбором оснований:

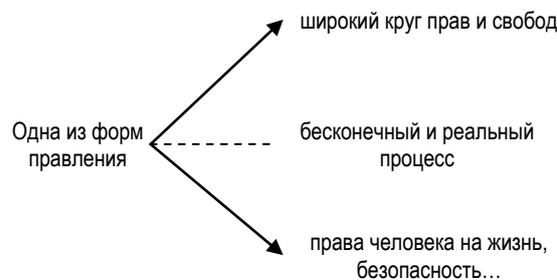

Читается: Демократия — это всеобщая и полноценная форма организации общества с участием народа как источника власти в решении государственных дел.

Читается: Демократия — это политический режим, связанный с республиканской формой государства, который развивается и прогрессирует (с окончательной) фиксацией в теории.

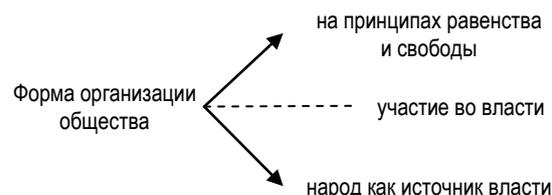
Заметно двоение определений, Первое предстает как вещь, отражающая реальное движение Демократии; второе выражает идею Демократии, воплощенную в понятии. Оба определения совпадают в понятийном проявлении концепта, с исключением двух других содержательных форм, образа и символа. Столь же абстрактны и другие константы, но также в форме понятия:

Читается: Демократия — это одна из форм правления с широким кругом прав и свобод как бесконечный и реальный процесс реализации универсальных ценностей: прав человека на жизнь, безопасность и труд.

Общее предпочтение понятий при отсутствии образно-символических форм указывает на жанр источников, которые требуют именно такой формы воплощения смысла, но также и на современное понятийное мышление, сменившее прежнее символическое. Однако противопоставление «вещных» и «идейных» представлений концепта явно связывает предложенные определения (в их сумме) с русским новым реализмом, для которого связь вещи с ее идеей по-прежнему релевантно.

Инвариантная семантическая константа такова:

Читается: Демократия — это форма организации общества на принципах равен-

ства и свободы с участием во власти народа как источника власти.

Такова формула Демократии в ее реальных составах. Заметно, что ни одно из современных демократических государств не следует этой формуле полностью, хотя она точно отражает коренные концептумы концепта: Власть и Народ в их взаимной связи.

Для сравнения возьмем тексты представителей русской философии Серебряного века — Н. А. Бердяева и С. Л. Франка. В целях сокращения изложения в дальнейшем денотаты даются в тексте курсивом, а сами тексты уже расположены по составам концепта (концептум — основание, образ — условие, понятие — причина, символ — цель).

Бердяев

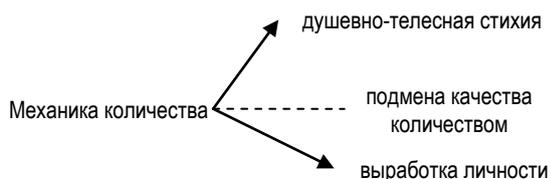
1. Власть в мире должна принадлежать механике количества, а не высокоиндивидуальному, и среднеобщему. — Отвлеченный демократизм всегда есть формализм.

2. Демократическое равенство есть потеря способности различать качества духовной жизни. — Демократична душевно-телесная стихия.

3. Демократия препятствует водительству великих. — Демократия есть организованная и обнаружившаяся вовне потенция человеческой природы народа, его достигнутая способность к властвованию. — Демократическая идеология качеств не может не вести к царству худших, а не лучших. — Демократизм силится подчинить качественное количественному. — В век торжества демократии нет уже святости и гениальности, с которыми связаны величайшие победы личного начала. — Дух нации глубже демократии и должен направлять ее.

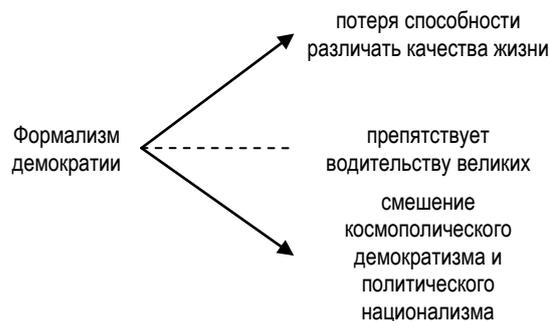
4. Демократия как ценность есть уже образовавшийся народный характер... выработанная личность, способная обнаружить себя в национальной жизни. — Космополитический демократизм и национализм политический — это лишь два оттенка одного и того же цвета.

Совокупность всех составов позволяет построить семантические константы, которые выражают скрытую мысль автора.

Читается: Демократия — это механика количества душевно-телесной стихии с подменой качества количеством в целях

выработки личности (взамен лика и лица — В. К.).

Читается: Демократия — это чистый формализм с потерей способности различать качества жизни, что препятствует (пред)водительству великих и ведет к смешению демократизма с национализмом.

Первая константа вещна, вторая идеальна, но обе согласуются по закону русского реализма: каждая вещь соотносится со своей идеей. Согласование идет по линии ключевых слов: механический формализм и качество — количество.

Франк

1. Демократическая идеология есть крайний рационализм. — Демократия как самодовлеющая отвлеченная идея, ничему высшему не подчиненная, есть отрицание божественного источника власти. — Демократия не может быть выражением духа народа, ибо дух народа выразим лишь в организме, демократия же есть механизм.

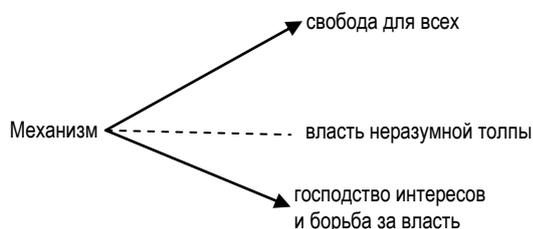
2. Ценность демократии не в том, что она есть власть всех, а в том, что она есть свобода для всех. — Демократия понимает власть как право, а не как обязанность.

3. Основательное возражение против демократии состоит в том, что она отдает власть... в руки... неразумной толпы. — Смысл демократии — она отменяет различие между активными и пассивными гражданами. — Интересы и есть источник вырождения демократии. Какой-то червь внутренне подтачивает демократическое общество.

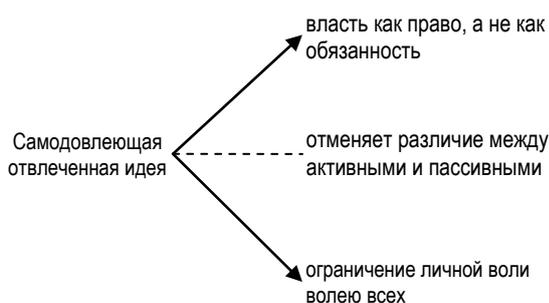
4. Хочу, чтобы было то, чего захочу. Вот предельная формула демократии, народовластия. Глубже она идти не может. — Господство демократии означает господство интересов... и борьбу за власть. — Истинное значение демократии состоит не в передаче власти в руки всех или большинства, а в ограничении каждой индивидуальной воли волею всех остальных членов общества (т. е. свободой — В. К.). — (Рационализм демократии) покоится на вере в возможность рационализировать человеческую жизнь и окончательно устроить ее одними человеческими силами. Последовательная демократия должна отрицать существо-

вание иррациональных начал в общественной жизни и не может их терпеть.

На избранных основаниях строим семантические константы:

Читается: Демократия — это *механическая свобода для всех при власти неразумной толпы ради господства интересов и борьбы за власть.*

Читается: Демократия — это *самодовлеющая отвлеченная идея власти как права, а не как обязанности, которая отменяет различие между активными и пассивными гражданами ради ограничения личной воли волею всех* (т. е. механической свободой).

И в данном случае заметно такое же соотношение вещного (*механизм*) и идеального (*идея*) в соответствии с представлениями русского реализма. Соответствие строится на основе ключевых слов *воля — свобода, власть — право и механизм — организм.*

У обоих философов обнаруживается сближение в понимании концепта Демократия. Они одинаково понимают демократию как механизм формально-рациональной идеи, чуждой русскому национальному организму с его тягой к личной воле и божественному лику, а не к всеобщей свободе и не к подозрительной личности. По-видимому, такое понимание концепта было присуще многим русским интеллигентам сто лет тому назад.

Инвариант всех описанных вариантов:

Заметны отличия от понятийных словарных определений, а именно: 1) это идея (рациональная, формальная и механическая), а не реальное дело; 2) это идея количеств множества, а не скрепляющих единство качеств; 3) они формируют душевно-телесные потенции народа, обходя их духовные потенции; 4) свобода всех, а не личная воля; 5) «власть дураков» препятствует водительству гениев; 6) господство интересов и борьба за власть создают внутренние противоречия; 7) в условиях национальной идеи, отражающей космополитические установки (окумоморон, который скрывает заимствованный характер концепта). Таково усредненное представление двух философов о демократии, еще неизвестной политической практике в обществе. Здесь основные признаки демократии четко противопоставлены русским ценностям: *дело, качество, духовность, воля, гений, красота* вместо *пользы, народность.*

Сравним сделанный вывод с мнениями современников Н. А. Бердяева и С. Л. Франка:

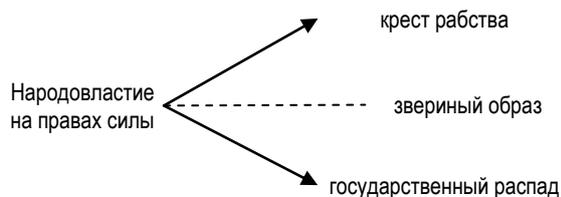
1) есть два типа демократизма, два противоположных понимания демократии. Из них одно утверждает *народовластие на правах силы*, другое понимание демократии кладет в основу народовластия *незыблемые нравственные начала... безусловной ценности человеческой личности* (С. Трубецкой). — Демократия есть *формальный механизм вовлечения масс в отправление власти.* Это имеет свои дурные последствия и свои великие опасности (И. Ильин). — Но вот здесь — маленькая опасность демократии. Народ никогда не должен быть *vulgus* [толпа, чернь — *вулгарной*], и *народное* не должно состоять в опошлении (В. Розанов);

2) демократия *не есть самоценность и не обеспечивает сама по себе* ни целостности государства, ни прочности правопорядка, ни социальной справедливости, ни национального духовного расцвета (И. Ильин). — Демократия не ведет и *не должна вести к единомыслию и общему согласию* (И. Ильин). — Демократ — *ненасыщенная воля... Сущность демократизма есть крест рабства* (М. Пришвин);

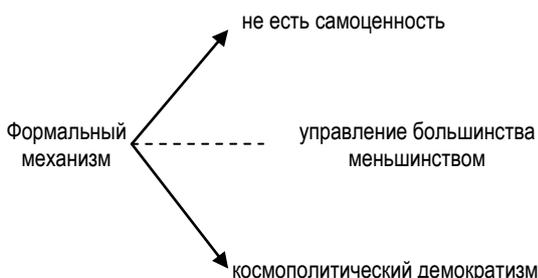
3) человек есть «образ и подобие Божие». Только такое одухотворенное понимание

демократии может совлечь с нее образ звериный и сообщить святость ее делу (С. Трубецкой). — Демократизация управления (после отмены крепостного права — В. К.) сопровождалась усилением социального неравенства... оно усиливалось нравственным отчуждением правящего класса от управляемой массы (В. Ключевский). — Демократия — это способ, с помощью которого хорошо организованное меньшинство управляет неорганизованным большинством (В. Розанов). — Демократия теперь означает мирная благодушная жизнь мелких собственников (это прежде всего Франция). Итак, идея демократии вышла из христианства и, став материализмом, дошла до войны, т.е. до конца (М. Пришвин). — Слово демократия означает не иное что, как управление народом посредством народа и для народа (М. Бакунин). — Революция погибнет от внутреннего истощения, если... станет все более и более углублять свой разрыв с демократией (М. Горький);

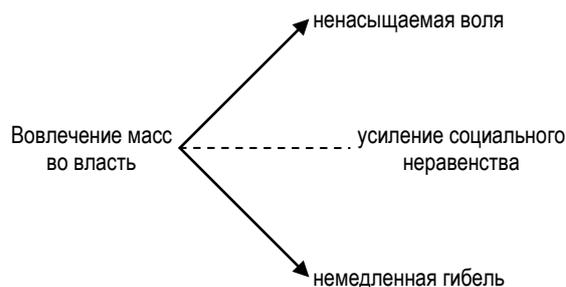
4) демократия же всегда останется стабилизацией государственного распада (И. Ильин). — Люди власти и влияния... не хотят и не могут идти дальше по пути прямой и открытой демократизации. Они понимают, что это будет немедленная гибель (К. Леонтьев). — Движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространение космополитической демократизации (К. Леонтьев). — Еврейский демократизм: собрались «все свои» (М. Пришвин).

Читается: Демократия — это народовластие на правах силы как крест рабства в зверином образе государственного распада.

Читается: Демократия — это не самоценный формальный организм управления большинства меньшинством в режиме космополитического демократизма.

Читается: Демократия — это вовлечение масс во власть с ненасыщаемой волей к усилению социального неравенства, влекущего за собой немедленную гибель.

Инвариант строится по составляющим в последовательности составов: *формальный механизм — ненасыщаемая воля — правление меньшинства — космополитический демократизм*. Все четыре состава в обеих группах текстов совпадают полностью, отражая общепринятую точку зрения на концепт Демократия и связывая его с чужеродным для России явлением.

Современное представление о демократии описано в следующих текстах.

1. Нет сколь-либо „общепринятого“ и тем более „нормативного“ определения демократии. Да оно и не нужно. Сила современной демократической идеи как раз в поливариантности ее интерпретации (Известия). — Демократия — одно из ключевых слов нашей современности, своего рода священная политическая корова... Подчеркнем, что демократия вообще не может быть самоцелью для древней русской цивилизации. Демократия — это определенная технология принятия социальных и государственных решений, призванная выразить глубинную волю народа к единству и справедливости (СПб Ведомости). — Демократия означает осмысление проблемы и разумный выбор в виде политических идей (Кара-Мурза)... — Демократия — не форма правления, а воровской пароль, по которому принимают в сетевую шайку (на правах шестерки). Возглавляют эту шайку хакамы, „мудрецы“, знающие и другие волшебные слова (Воробьевский). — Почему-то стала раздражать пресловутая идея демократии. Сплошные разговоры о хорошем, личина хорошего, а на самом деле „жри кто кого может, а ты спасайся, как можешь — у нас демократия“ (Р. Быков)

2. Свобода не является основой для демократии (А. Кончаловский). — Демократия — это ответственность власти за свои действия (Известия). — Демократия — это не власть народа... Демократия — это политическое устройство, при котором каждый имеет равное право голоса (М. Вел-

лер). — Вроде понятия — рыночная экономика, гражданское общество, демократия. Один их понимает так, а другой эдак, и в случае конфликта попробуй что-нибудь докажи. Все равно прав будет тот, у кого больше прав, то есть у кого сила... Право голодному пойти раз в четыре года на избирательный участок и бросить в ящик бумажку — это называется демократия (Кара-Мурза). — Самые большие люди в своем роде демократичны... Они знают, что могут выдержать равенство. Они имеют силу... выполнять требования, предъявляемые к людям (Л. Гинзбург). — Удивительно, как примитивно русский человек понимает демократию. В России искренне верят, что демократия — это власть народа. Но нет ничего более далекого от истины (АН). — Должна быть полная свобода. Иначе получится „недемократично“ (Известия). — ...Он (демократ) нагл и агрессивен. Он не знает разницы между истиной и ложью. Ему не ведом ни верх, ни низ; ни свет, ни тьма. Он — слепое экспансивное безумие (Воробьевский). — Демократию надо понять как особую онтологию, особый склад и формирование бытия и духа, — а не просто как политику, как ее понимают обычно. Это и религия, и глубочайший внутренний настрой души, и этика (Г. Гачев). — Это у нас демократию власть трактует как право на вседозволенность распоясавшегося меньшинства. Иную точку зрения считает крайне реакционной (Полторанин).

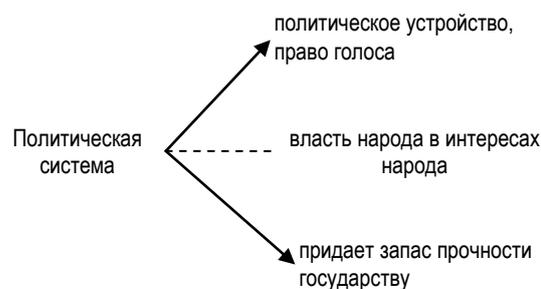
3. Демократия — это то, чего волят „исторические“ народы для варваров (Н. Нарочницкая). — Демократия — качающаяся балансировка, частый и спокойный переход власти от одного генотипа к другому (В. Налимов). — Демократия — это власть народа, созданная по разумению народа и действующая в интересах народа под контролем народа (М. Веллер). — Идеал всенародной (соборной) демократии жил и живет в глубине души нашего народа. Именно он придает отечественной цивилизации тот запас прочности, благодаря которому она воспроизводит свою коренную структуру заново после каждого исторического погрома (СПб ведомости). — Ключом к демократии являются правление закона и ответственность власти перед теми, кто ее избирает. Это два основных принципа демократии (Известия). — Истинная демократия работает до тех пор, когда всех граждан можно собрать на рыночной площади (Рос. газета). — Демократия — это власть культурного меньшинства под контролем и при участии народа. Антиподом демократии как раз является власть

бюрократического меньшинства, опирающегося „прямо“ на народ, в ущерб культурному классу (АН). — Итак, Демократия — т. е. власть демоса — народная власть... За свою жизнь я слышу ее беспрерывно, безостановочно, неумолимо, каждый раз она подразумевает как будто бы разное, а в самом деле абсолютно одинаковое. Прежде всего — единообразие и диктаторскую неумолимость. Только **демократия** и ничего более (Свиридов).

4. Нам нужна созидательная демократия — не разрушающая, а укрепляющая нашу страну (Лукашенко). — Нет сколь-либо „общепринятого“ и тем более „нормативного“ определения демократии. Да оно и не нужно. Сила современной демократической идеи как раз в поливариантности ее интерпретации (Известия). — Идеал всенародной (соборной) демократии жил и живет в глубине души нашего народа. Именно он придает отечественной цивилизации тот запас прочности, благодаря которому она воспроизводит свою коренную структуру заново после каждого исторического погрома (СПб веломости) — Демократия должна быть только для демократов! (В. Новодворская).

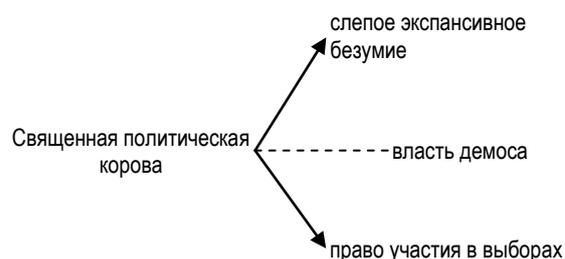
Обилие текстов дает возможность для построения нескольких семантических парадигм, которые во многом различаются только словесно.

Выявлено три положительных и три осудительных определения Демократии.

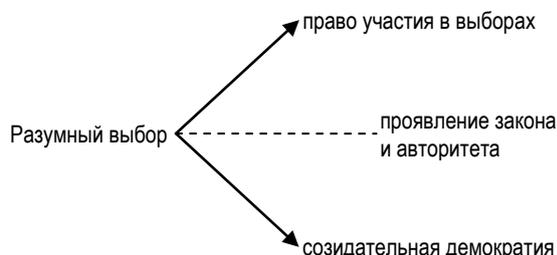
Читается: Демократия — это политическая система с политическим устройством права голоса, представляющего власть народа в его интересах, что придает государству запас прочности.

Этой константе соответствует неодобренный вариант:

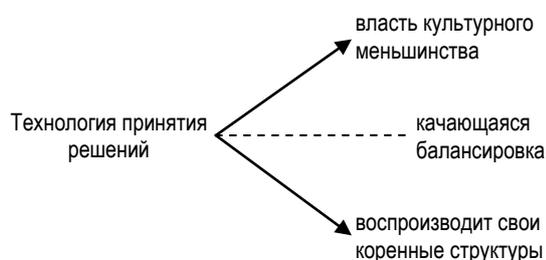

Читается: Демократия — это *священная политическая корова в слепом экспансивном безумии власти демоса при отсутствии нормативного определения.*

Следующие пары семантических констант также ценностно взаимообратимы, но родственны по своим основаниям.

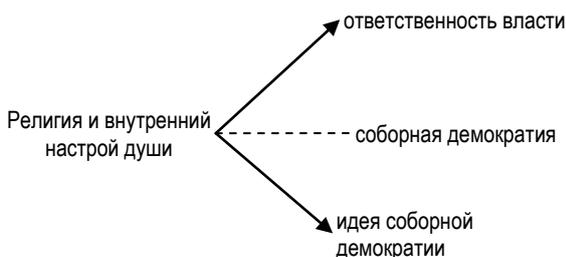

Читается: Демократия — это *разумный выбор при праве участия в выборах как проявление закона и авторитета созидательной демократии.*

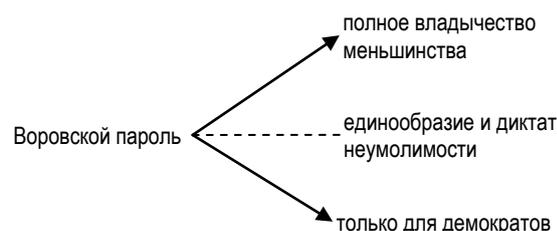

Читается: Демократия — это *технология принятия решений власти культурного меньшинства в качающейся балансировке воспроизведения своих коренных структур.*

В следующей паре составы констант также изоморфны.

Читается: Демократия — это *религия и внутренний настрой души при ответственности власти соборной демократии в ее идее.*

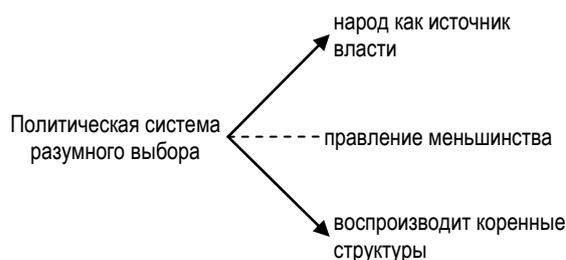
Читается: Демократия — это *воровской пароль полного владычества меньшинства*

в его единообразии и диктате неумолимости только для демократов.

Таким образом, и в новых представлениях о Демократии отмечается *двоение*, но не по формуле русского реализма («вещь» — «идея»), а на основе современного выражения одного и того же в *двух формах*, положительной и оценочно отрицательной. Только условно за подобным двоением можно признать отражение реализма: идеальность положительной степени и вещьность степени отрицательной. Иными словами, признавая Демократию как положительную ценность в идее, авторы текстов отказывают ей в реальном практическом действии. Отсюда возникшее в публицистической среде противопоставление Демократии и «дерьмократии». В отличие от понятийных определений словарей, здесь возможна образно-символическая форма выражения. Причин неблагоприятных определений две: Демократия — заимствованный концепт, смысл которого опорочили сами демократы, ср.:

*Европейская демократия, скажем, есть продукт романо-германской — а не славянской! — культуры (М. Веллер). — Западная цивилизация создала и новую политическую систему — демократию, основанную на выборах, борьбе партий (Шафаревич). — Западная цивилизация создала и новую политическую систему — демократию. Сдается мне, что демократия по западному образцу в нашей огромной многонациональной стране, отягощенной вековыми пережитками входящих в нее народов, никогда не будет (СПб ведомости). — В октябре 1993 г. танковые залпы по парламенту устранили из общественного сознания миф демократии (Кара-Мурза). — Вещи откровенные не прячутся больше за слова. Так, в перестроечной России слова **права человека и демократия** окончательно потеряли всякий смысл. Мы видим, что люди, употребляющие их, расстреливают в октябре 1993 года больше народа, чем в октябре 1917 (Т. Горичева).*

Возможная схема инварианта всех представленных констант:

Читается: Демократия — это *политическая система разумного выбора народа как источника власти, при правлении мень-*

шинства, которое (постоянно) воспроизводит коренные структуры (общества).

В отличие от определений столетней давности, современные разъяснения сущности Демократии понимают ее как систему, а не как механизм, как власть, а не свободу и волю, как правление меньшинства, а не культурного меньшинства, как воспроизведение коренных структур общества, а не как космополитическую демократию. В этих различиях кроется общественная практика действий Демократии, уже не просто как идеи, а как реального ее использования. Жупел космополитизма исчез, правящий класс обозначился как меньшинство без уточнения его культурного ценза (тоже многозначная подробность), а жесткая фиксация власти подавила всякие позы даже к свободе, не говоря уж о воле. Таково скрытое представление общественного сознания о концепте, которое выявляется при анализе поверхностных структур исследованных текстов. Характерно постоянное скольжение мысли в сторону первосмысла слова *демократия* — *власть народа*. Это конечный результат двухвекового процесса ментализации, т. е. осмысления заимствованного концепта в его природной свежести. Недавний по времени процесс идеации, т. е. включение концепта в общественное сознание посредством перебора все новых признаков его различения, удостоверяет тот факт, что сам концепт выработывался только в XX в.

Действительно, *десигнаты*, выраженные прилагательными в составе образных понятий, все вторичного образования, что указывает, во всяком случае, на маргинальность концепта в русском сознании. Ср.: *Демократия — буржуазная, всенародная, всякая, еврейская, европейская, естественная, звериного образа, истинная, капиталистическая, либеральная, народная, последовательная, представительная, пресловутая, соборная, современная, созидательная, социалистическая, суверенная* — все слова выражают определенные формы демократии, но с помощью *интенсивных* признаков, несущих образный смысл, иногда даже избыточно, ср.: *капиталистическая демократия* — оксюморон (при капитализме правит не народ, а капитал), *народная демократия* — плеоназм (повторение корня «народ») и т. д. Обилие форм демократии снимает вопрос о демократии как *абсолютной* форме народоправства, ср. необходимость в подчеркивании концепта *типичными* признаками *естественная демократия, истинная демократия*.

В отличие от русского представления о Демократии, западные авторы в своих суждениях более категоричны:

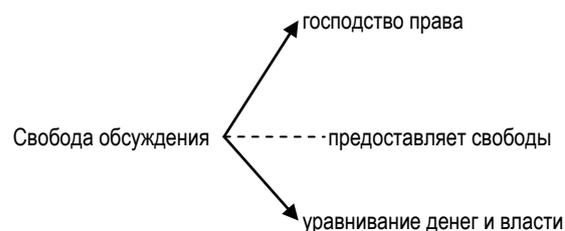
• **основания:** демократия — это **свобода обсуждения** (Рикёр). — *Ибсен как-то заметил, что при демократии и умный, и глупый имеет один голос, но так как глупых всегда больше, чем умных, то демократия — это власть дураков. Точнее, демократия — это власть, построенная на наведенной глупости* (Воробьевский);

• **условия:** демократия — это **господство не множества, а права** (Мунье). — *Здоровый дух демократии будет выглядеть однобоко, если понимать его как свободу безответственности* (Франкл);

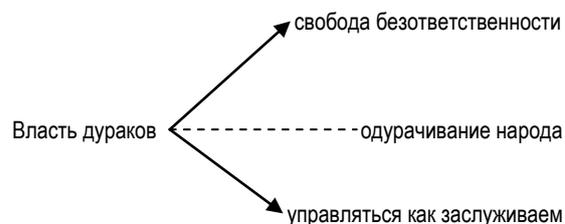
• **причины:** капиталистическая демократия — это демократия, **предоставляющая человеку свободы, которые капитализм отнимает у него** (Мунье). — *Демократия есть одурачивание народа при помощи народа ради блага народа* (О. Уайльд);

• **цели:** довольно скоро о себе заявляет составляющая всякой демократии, напоминая о том, что конституционными правами можно воспользоваться, лишь имея деньги... **С помощью денег демократия уничтожает саму себя — после того как деньги уничтожили дух... В образе демократии восторжествовали деньги... Демократия — это полное уравнивание денег и политической власти** (Шпенглер). — *Демократия — устройство, которое гарантирует, что мы будем управляться не лучше, чем мы заслуживаем* (Б. Шоу).

Из чего следуют две константы:

Читается: Демократия — это **свобода обсуждения при господстве права, предоставляющего отнятые свободы по причине уравнивания денег и политической власти**.

Читается: Демократия — это **власть дураков в свободе безответственности ради одурачивания народа, который управляется так, как того заслуживает**.

Заметно такое же двоение суждений, какое мы видели в русских высказываниях,

отличие — в желчной жесткости определений. По-видимому, двоение — это типологическое свойство всякого сознания, но в данном случае свою роль играет подбор авторов: вторая семантическая константа построена на высказываниях сатириков.

Итак, как заметил в одном своем выступлении наш премьер-министр, «к демократии в России сложное отношение», на что указывают очень многие блогеры в Интернете, высказывая свои суждения по этому поводу, с конечным результатом «Демократия — ничего не значащее слово», «Демократия — придуманное слово», «Демократия — популярный символ». Иными словами, до сих пор *концепт* остается простым *словом*, которое вызывает самые разные чувства. Чтобы убедиться в этом, достаточно окунуться в тексты Интернета и на их основе составить собственные семантические константы, которые будут поражать обилием выразительных вариантов, но с сохранением общего смысла, описанного здесь.

Избегая крайних определений, на основе описанных текстов, представим суммарное представление о демократии как политической форме правления.

Демократия — конкретная форма самоуправления народа по сложившимся нормам народного характера в обстановке реальной свободы всех при ограничении личной воли чувством ответственности, при отсутствии права силы и авторитарного навязывания чужеродных идей. Это — равное право, но не обязательное равенство физических возможностей и духовных качеств. Демократия ценит качества, предпочитая их количественным мерам. Если существует понимание власти как права, а не обязанности, демократия разрушается как общественный институт. Демократия довлеет сама себе, не имея ценностей выше себя, это род, Абсолют, требующий определенности в формулировании типа демократии.

V. V. Kolesov
Saint-Petersburg, Russia

CONCEPTUAL FIELD IN THE RUSSIAN CONSCIOUSNESS: DEMOCRACY

ABSTRACT. *Using the methods chosen by the author, the article describes the development of the concept "Democracy" found in the texts belonging to different periods and cultures. As a result a number of typological peculiarities of the role of the concept in the society consciousness was found out; the double nature of the definitions of the concept was found: the poets of the Silver Age (idea-thing, realism), in contemporary texts (acceptable-non-acceptable, nominalism), in Western European texts (positive – negative, conceptualism). The process of mentalization (comprehension of the borrowed concept) is still going on. The negative attitude to democracy is caused by recent borrowing of the term, which is the symbol unclear for the consciousness, as well as its rejection because of the suspicious activity of democracy advocates. The final formula of Democracy as a concept of different substantial forms (image, concept, symbol) is compared to the dictionary definitions which are limited by one conceptual meaning. On the basis of the texts studied the definition of democracy as a political system is given. Democracy is a certain form of government by the people according to the social norms, when everyone is free, but when personal desires are suppressed by the sense of responsibility, and authoritative obtusion of opinions on the others is forbidden. If power is understood as the right but not duty, democracy as a social institute gets ruined. Democracy in its development depends only on itself, it has no superior values, it is a genius, Absolute that requires certainty in describing the type of democracy.*

KEYWORDS: *concept; consciousness; image; notion; symbol; content form.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kolesov Vladimir Viktorovich, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.*

Внутреннее противоречие демократии в том, что «искание лучших» оборачивается поиском собственных интересов «для своих» и немногих с уходом в материальную составляющую («деньги»). В употреблении разграничивают слова *демократия*, *демократизм* (это формальные признаки отвлеченного народовластия) и слова *народность*, *народное* как отражение государственного права и общественного интереса («что я хочу»): демократия — механизм, народность — организм. В конечном счете, лишенная иерархии ценностей и отвлеченная от органического развития народного духа, демократия перерождается в демократизм как формальную рациональность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.
2. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М. : Эксмо, 2012. 864 с.
3. Колесов В. В. Концептология. — СПб. : Филолог. фак. СПбГУ, 2012. 168 с.
4. Колесов В. В. Философия русского слова. — СПб. : Юна, 2002. 448 с.
5. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности : в 2 кн. — СПб. : Златоуст, 2014. (Т. 1 — 592 с.; т. 2 — 592 с.)
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М. : Азъ, 1994.
7. Политология : энцикл. словарь / ред. Ю. И. Аверьянов. — М. : Моск. коммерч. ун-т, 1993. 431 с.
8. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. — М. : Искусство, 1976. 616 с.
9. Скляревская Г. Н. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. — СПб., 1998. — 700 с.
10. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. Изд. 3-е, стер. — М. : Русский язык, 1985—1988.
11. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. — М. ; Л., 1950—1965.
12. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935—1940.
13. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. 2-е изд. — М., 1972.
14. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. — М. : Советская энцикл., 1983. 836 с.
15. Флоренский П. Вопросы религиозного самопознания. — Харьков : Фолио, 2000.

REFERENCES

1. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / pod red. S. A. Kuznetsova. — SPb. : Norint, 1998. 1536 s.
2. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. — M. : Eksmo, 2012. 864 s.
3. Kolesov V. V. Kontseptologiya. — SPb. : Filolog. fak. SPbGU, 2012. 168 s.
4. Kolesov V. V. Filosofiya russkogo slova. — SPb. : Yuna, 2002. 448 s.
5. Kolesov V. V., Kolesova D. V., Kharitonov A. A. Slovar' russkoy mental'nosti : v 2 kn. — SPb. : Zlatoust, 2014. (T. 1 — 592 s.; t. 2 — 592 s.)
6. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. — M. : Az", 1994.
7. Politologiya : entsikl. slovar' / red. Yu. I. Aver'yanov. — M. : Mosk. kommerch. un-t, 1993. 431 s.
8. Potebnya A. A. Estetika i poetika. — M. : Iskusstvo, 1976. 616 s.
9. Sklyarevskaya G. N. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovye izmeneniya. — SPb., 1998. — 700 s.
10. Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoy ; Akad. nauk SSSR, In-t rus. yaz. Izd. 3-e, ster. — M. : Russkiy yazyk, 1985—1988.
11. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka : v 17 t. / Akad. nauk SSSR, In-t rus. yaz. — M. ; L., 1950—1965.
12. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / pod red. D. N. Ushakova. — M., 1935—1940.
13. Filosofskiy slovar' / pod red. M. M. Rozentalya. 2-e izd. — M., 1972.
14. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' / gl. red. L. F. Il'ichev, P. N. Fedoseev i dr. — M. : Sovetskaya entsikl., 1983. 836 s.
15. Florenskiy P. Voprosy religioznogo samopoznaniya. — Khar'kov : Folio, 2000.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Н. Б. Руженцева
Екатеринбург, Россия

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ:
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. АКСЕНОВА «МОСКОВСКАЯ САГА»)**

АННОТАЦИЯ. Статья написана на материале первой части трилогии В. Аксенова «Московская сага» и посвящена функциям политических текстов в контексте художественного произведения — модификации семейно-бытового романа. Исследуя массив политических текстов, включенных В. Аксеновым в текст произведения, автор статьи приходит к выводу, что политические тексты выполняют в нем три основные функции: организуют архитектуру романа, репрезентируют и транслируют авторскую точку зрения.

С точки зрения архитектуры политический текст в романе В. Аксенова выполняет **функцию фона**, на котором разворачиваются сюжетные линии (истории членов московской интеллигентной семьи). В свою очередь, фоновая целостность обеспечивается внутренней связностью политических текстов: связями между отдельными политическими текстами посредством единства (или близости) интенций, единства тональности собственно политических текстов, единства иронической тональности авторского комментария, логического единства при текстопорождении. Как следствие — основной текст (собственно повествование) как бы «вставляется» в **вертикальный контекст эпохи**.

Кроме того, фон, состоящий из массива политических текстов, призван подчеркнуть **неоднозначность интерпретации политических событий, противоречивость, релятивизм эпохи 20—30-х гг.**, смену оценок в зависимости от политических установаков.

Функцией политического текста является также **репрезентация авторской точки зрения** (неприятие сталинизма во всех его проявлениях). Точка зрения автора репрезентируется прежде всего посредством разнообразия жанровых форм и трансформаций политических текстов

Функцию **трансляции** негативной авторской точки зрения выполняют негативно-оценочная деталь, отражающая разные каналы восприятия окружающей действительности; ирония, сарказм, автокомментарий, использование ближайшего контекста с целью дискредитации политических текстов и — как следствие — идеологической системы 1920—1930-х гг.

Таким образом, политический текст играет в контексте романа В. Аксенова важнейшую роль — он органично вписан в жанровую форму семейно-бытового романа, что поднимает последний на новую высоту, превращая семейную сагу в этическое произведение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический текст; художественный текст; функция; В. Аксенов; жанровые модификации; жанровый корпус; трансформации; интенция; ирония; связность; тональность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: verbalis@mail.ru.

Глубинный смысл художественного произведения соотносим с его концепцией, т. е. с авторской интерпретацией окружающей действительности, репрезентированной и в плане содержания, и в плане выражения, и в плане восприятия текста. Как следствие, любая составляющая художественного текста, в том числе и фрагменты политических текстов в составе текста художественного, подчинена авторской концепции и выполняет определенные функции. Целью статьи является выявление функций политического текста как части текста художественного: а) с позиций архитектуры целостного художественного произведения; б) с позиций репрезентации авторской точки зрения; в) с позиций трансляции авторской точки зрения, его мнений и умозаключений об окружающей действительности.

Одним из наиболее распространенных видов исследования художественного текста является его композиционный анализ, связанный с понятием «точка зрения». Проблема точки зрения «представляется центральной проблемой произведения искусства — объединяющей самые разные виды искусства» [Успенский 1995: 9]. «При анализе про-

блемы точек зрения... существенно то, производится ли идеологическая оценка с некоторых абстрактных позиций (принципиально внешних по отношению к данному произведению) или же с позиций какого-то персонажа, непосредственно представленного в анализируемом произведении. Заметим при этом, что и в первом и во втором случае возможны как одна, так и несколько позиций в произведении; вместе с тем, может иметь место и чередование точки зрения определенного персонажа и абстрактной авторской точки зрения» [Там же: 22].

Понятие «точка зрения» неоднородно: «Организация текста может быть рассмотрена с оценочной, фразеологической, пространственно-временной и психологической точек зрения. Каждая из них несет определенную функцию» [Вартаньянц, Якубовская 1986: 163].

Для анализа нами был выбран текст первой части трилогии В. Аксенова «Московская сага» («Поколение зимы»), в которой речь идет о жизни московской интеллигентной семьи в сталинскую эпоху — с 1925 по 1938 г. Семейные саги иначе могут быть названы семейно-бытовыми романами, для

которых характерны «задушевная тональность», «атмосфера доверительного, интимного контакта» [Хализев 1999: 343]. Однако введение в текст семейной саги массива политических текстов резко трансформирует тональность и общую атмосферу романа, придавая ему как эпические, так и публицистические черты. Происходит это за счет актуализации оценочной (идеологической) точки зрения, т. е. того, с каких позиций «автор в произведении оценивает и идеологически воспринимает изображаемый им мир» [Успенский 1995: 19].

Идеологическая установка автора, В. Аксенова, реализована в тексте «Московской саги» посредством оппозиции: русская интеллигенция, взгляды которой сформировались в дореволюционные и революционные годы, — сталинская эпоха. В свою очередь, изображение сталинской эпохи дается в двух планах: собственно нарративный план (повествование о жизни семьи Градовых) и фоновый план (атмосфера эпохи, которая создается автором и с помощью художественных деталей, и с помощью политических текстов 1920—1930-х г., активно включаемых в произведение). Сказанное — общая оппозитивность романа и двуплановость текстовой ткани — составляет основу его архитектоники, под которой мы понимаем «построение литературного произведения как единого целого, взаимосвязь основных составляющих его частей и элементов» [Словарь литературоведческих терминов].

Оба эти плана способствуют предельно ясной экспликации оценочной (идеологической) авторской точки зрения, которую можно определить как абсолютное неприятие сталинизма во всех его проявлениях. Разумеется, авторская точка зрения реализуется на уровне всех компонентов жанра и его носителей, в том числе на уровне субъектной организации текста, его хронотопа и ассоциативных связей, однако ограниченный объем статьи позволяет нам обратиться лишь к интонационно-речевой организации текста. То же самое относится и к способам трансляции точки зрения.

Но прежде чем перейти к анализу собственно политических текстов, немного коснемся такого средства текстообразования, как художественная деталь, выполняющего в книге В. Аксенова аналогичную политическим текстам функцию. «Художественные тексты не могут быть поняты по законам формальной логики. Их понимание осуществляется особым образом путем интерпретации различных деталей, которые автор тем или иным образом выделил, подчеркнул в тексте» [Майданова 1998: 21]. Приведем не-

сколько примеров художественных деталей, посредством которых В. Аксенов как автор актуализирует собственную негативно-оценочную точку зрения. Использование деталей, соотносимых с разными способами восприятия мира (вербальным, визуальным, акустическим, тактильным, одорическим), призвано приблизить читательскую точку зрения к авторской, сблизить их миропонимание и оценку изображаемой эпохи, ср. иронический пафос деталей, их явную негативную оценочность.

Визуальные детали портрета: *Очереди к этим окошечкам, за которыми сидели энкавэдэшные люди-автоматы, были невыносимы. Широколицые, мыльного цвета, не поймешь какого пола люди-автоматы.*

Визуальные детали одежды: *У входа в импозантное здание аптеки стояли два молодых офицера... Их форма отличалась той же декадентской дикостью, что и вся эта революция, вся эта власть: престраннейшие шапки с острыми шишаками и нашитой на лбу красной звездой, длиннейшие шинели с красными полосами-бранденбурами поперек груди, отсутствие погон, но присутствие каких-то загадочных геометрических фигур на рукавах и воротнике — армия хаоса, Гог и Магог.*

Детали речевого портрета:

- *Когда военные вошли в зал, все к ним обернулись. „Как, Михаил, это ты?! Вот так сюрприз!“ — с дешевой театральностью воскликнул Ворошилов, хотя всем давно уже было известно, что Фрунзе уехал из госпиталя и направился в Кремль.*

- *Пролетарии! — театральным голосом взвыл Бухарин. — Трудящиеся крестьяне! Бойцы Красной Армии и Флота!*

Невербальные детали портрета: *Шкирятов — Бог именем и шельму метит — весь подался вперед, весь к Фрунзе, глаза его пытались влезть поглубже в командарма, на широком лице его отразилась исключительная фальшь, что сделало еще заметней его природную асимметрию.*

Акустические детали: *...Вдруг захрипел на столбе раструб радиорепродуктора. Сквозь хрипы наконец пробилось: „Гражданам Советского Союза...“. Послышались какие-то какафонические шумы, постепенно оформляющиеся в траурную мелодию „Гибели богов“ Вагнера.*

Детали-характеристики, близкие к ярлыкам: *...Сколько выявляется малопривлекательных качеств: вздорность Зиновьева, зловещая непроницаемость*

Сталина, наплеизм Бухарина, никчемность Клина, сутяжничество Уншлихта.

Бытовые детали: *У Берию в здании ЦК был теперь новый кабинет, в котором Нугзар еще не бывал... Повсюду креслица-рококо, пышные люстры, шторы тяжелого шелка; неизменные три портрета — Ленин, Сталин и Дзержинский.*

Перейдем к собственно политическим текстам и их функции в художественном произведении.

«Политический текст может относиться к различным жанрам, он может быть устным или письменным... Содержательный признак рассматриваемого вида текстов — это отражение в них деятельности партий, других общественных организаций, органов государственной власти, общественных и государственных лидеров и активистов, направленной на развитие (в широком смысле) социальной и экономической структуры общества. Целевой признак политического характера текста — это его предназначенность для воздействия на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционального воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям» [Чудинов 2006: 33].

С нашей точки зрения, политический текст, включаемый в текстовую ткань художественного произведения, является сильным средством актуализации авторской точки зрения и экспликации последней. А. Н. Васильева рассматривает актуализацию как широкое многоплановое понятие: «Она может осуществляться на поверхностном и на глубинном уровне, на системной и экстралингвистической базе, носить экспрессивный, импрессионный и скрытый характер. В одном и том же „физическом“ явлении художественного текста могут найти отражение несколько разных видов актуализации» [Васильева 1983: 169]. Автор выделяет ряд способов актуализации. Важнейшей для нашего исследования является «актуализация на базе внешнего, конкретно-исторического контекста» [Там же: 170].

Еще раз подчеркнем **точку отсчета для анализа политического текста в контексте романа В. Аксенова**. С одной стороны, политический текст в трилогии — это фон, на котором разворачиваются сюжетные линии — истории членов семьи Градовых. С другой стороны, политический текст является важнейшим актуализатором авторской точки зрения, средством ее экспликации и трансляции. В качестве иллюстраций нами были взяты как оригинальные, так и созданные В. Аксеновым по реальным образцам политические тексты. К оригинальным текстам относятся материалы прессы как

«субъекта политического анализа» [Симонов 2003; Прохоров 1998], политические лозунги 20—30-х гг. стихотворения на политическую тему, цитаты из выступлений высшего руководства СССР и иные произведения речи, бытующие в указанную эпоху. Попытаемся доказать сказанное, охарактеризовав политические тексты по следующей схеме:

- жанровая дифференциация политических текстов, использованных в первой части трилогии В. Аксенова;
- интенциональная дифференциация политических текстов;
- оценочная направленность политических текстов;
- трансформации политических текстов, их соотношение с ближайшим контекстом;
- связность и ситуативная цельность политических текстов, обеспечивающих концептуально-смысловую завершенность художественного произведения;
- трехаспектная функциональная специфика политических текстов.

ЖАНРОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Политические лозунги

- *Взвейтесь, Красные знамена! Пролетарии мира! Труженики всей земли! Готовьтесь, организуйте победу мировой революции!*
- *Вошь и социализм несовместимы!*
- *Борьба за качество продукции — борьба за социализм!*

Стихи, частушки, строки из песен

- *Мы будем петь и смеяться, как дети, среди упорной борьбы и труда!*
- *Революции семь лет!*
Отрицаем мир котлет!
Революция пылает,
Власть семьи уничтожает!
- *Посмотри-кось ты на стенку*
Ет-та Троцкого портрет,
На носу очки сияют,
Буржуазию пугают!

Пolemические высказывания, отражающие неоднозначность интерпретаций политических событий в 20-е гг.

- *Бухарин поет под дудку кулаков!*
- *...Почему от народа скрывают завещание Ленина? Сталин узурпирует власть!*
- *ЛЕФ — это фальшивые революционеры! Снобы! Эстеты!*

Речи вождей (часто с авторским ироническим комментарием)

- *...Идея нынешнего ЦК о построении коммунизма в одной отдельно взятой стра-*

не разит затхлостью пошехонской старины. Ей-ей това^аистчи („Ей-ей“ в его устах прозвучало не в смысле „ей-ей“, а в смысле „ой-ой“) этот тезис по своей нелепости не может не напоминать сочинений писателя-сатирика Салтыкова-Щедрина о различных старороссийских уездных тугодумах.

Тексты выступлений (на собраниях, митингах и др.)

- Товарищи, — начала она, — никогда не было более страшного момента в моей жизни. В тысячу раз легче бы мне было просто умереть за партию и социализм. Я всегда знала Градова как бескомпромиссного проводника генеральной линии партии, как верного ленинца, несокрушимого сталинца. Он всегда отвергал малейшее отклонение от курса, взятого сталинским Политбюро.

- Гризодубова, перебивая шум, зарокотала ей прямо в ухо, словно пламенный мотор:

— Женщины! Девушки! Мы живем в сказочное время! Кто бы мог предсказать, что российские бабы сбросят оковы вечно-го рабства и будут пилотировать самолеты, командовать кораблями, водить тракторы и танки?! Никто и никогда не мог этого предсказать, как не может этого себе представить и современная порабожденная женщина буржуазного Запада! Мы посвящаем наш полет великой сталинской конституции, самой демократической конституции мира, и ее творцу, солнцу нашей отчизны, Иосифу Виссарионович Сталину!

Отдельные высказывания вождей

- ... Сам товарищ Сталин подчеркивал, что «сын за отца не ответчик».

Тосты, застольные речи

- ... Пусть будет Грузия настоящей витриной социализма в нашем великом СССР, — завершил свой спич Кахабидзе.

Объявления

- Коллективизация и стирание граней между городом и деревней.

- Происки британского империализма на Ближнем Востоке.

Материалы прессы, в том числе газетные заголовки

- Разоблачена и обезврежена еще одна группа фашистских заговорщиков!

- Трудящиеся отвечают на вредительство в пищевой промышленности еще

большим сплочением вокруг большевистской партии, обязательствами с честью вступить в третий, решающий год пятилетки. На места одиночек вредителей рабочий класс выдвигает в аппарат сотни и тысячи организаторов социалистического строительства.

Радиogramмы

Москва, ЦК ВКП (б), товарищу Сталину, товарищу Молотову.

Дорогой Иосиф Виссарионович и Вячеслав Михайлович! Наша четверка восторженно встретила весть о высшей награде родины. Впереди нас ждет большой труд, но мы твердо знаем, что окружены Вашей любовью и заботой и вниманием всей страны.

Мы приложим все силы, чтобы оправдать Ваше доверие и чтобы при любых обстоятельствах хранить честь нашей родины.

Папанин, Кренкель, Ширшов, Федоров

ИНТЕНЦИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

(«за» советскую власть и сталинизм);

«против» советской власти и сталинизма)

«За»

Да здравствует Сталин!

Да здравствует всесоюзный староста!

Да здравствует наше родное Советское правительство!

За ленинизм против троцкизма!

«Против»

- Да здравствует оппозиция!

- Да здравствуют вожди мирового пролетариата товарищи Троцкий и Зиновьев!

- ВКП(б) за решеткой!

- Приезжает сам Калинин,

Язычище мягок, длинен,

Он малиновкою пел,

Но успеха не имел.

Опасаясь грозных кар,

Удирает комиссар!

- Подымайся, люд крестьянский!

Всходит новая заря —

Сбросим Троцкого оковы,

Сбросим Ленина-царя...

- Прочь коварство, тупость, злоба!

Убирайся к черту, Коба!

- Долой жуликов-бюрократов! Долой Сталина!

- Спасение революции в ваших руках! Долой Сталина!

- Остановим попытку Термидора! Позор сталинскому ЦК!

- Долой термидорианцев!

ОЦЕНОЧНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ

Негативная ироническая оценка в автокомментариях политических текстов:

- Мы хотим, чтобы мир стал

Наш!

Минус:

Брех!

Минус:

Грязь!

Минус:

Дряннь!

Равняется:

Это Путь Октября!

Финальный выкрик ударного стиха выгодно подчеркивал корнеую рифму „гря“ — „ября“, чем поэт явно гордился, не задумываясь о двусмысленности, возникающей при сопоставлении слов.

• Фасад Четвертого Дома Советов был украшен большим портретом Троцкого. Неподдалеку от портрета в открытом окне время от времени появлялся **оригинал**, взмахивал пачкой тезисов, пламенно, **в лучшем стиле Южного фронта тысяча девятьсот двадцатого года**, бросал в толпу:

— Вопрос стоит просто, товарищи: или Революция или Термидор!

Позитивная оценка в собственно политических текстах, в том числе цитатах:

• Да здравствует сталинская пятилетка!

• Всех лучше советские скрипки на конкурсах мира звучат, всех ярче сияют улыбки советских веселых девчат...

- Жить стало лучше, жить стало веселее!

ТРАНСФОРМАЦИИ, соотношение с ближайшим контекстом

А. Трансформации прецедентных высказываний (часто с авторским комментарием):

• Пролетариат экспроприирует экспроприаторов, — думали и не выговорит Петя Птахин никогда, оказалось — прекрасно выговаривает.

Б. Несобственно-авторская речь, рассчитанная «на очень чутких к стилистическим оттенкам читателей, способных увидеть переключение речевых регистров» [Фещенко 2004: 41]:

• Пропагандный смысл Московского метрополитена, однако, перекрывал все практические соображения. **Лучшее в мире! Подземные дворцы! Подвиги комсомольцев-метростроителей! Сердца трудящихся переполняются гордостью! Забота партии и правительства и лично товарища Сталина!**

В. Пародии:

• Пародия на Демьяна Бедного, сочиняющего эпитафию на смерть М. Фрунзе:

Потом... мы на море смотрели в телескоп (коп, коп, коп)... Железною рукою в советские скрижали вписал ты „Красный Перекоп“ (коп, коп, коп)... А где же жали-жали-жали?

Г. Искаженные высказывания политических деятелей:

• Нина рассказывала о недавней командировке в Крым, где она интервьюировала важного человека, председателя КрымЦИКа товарища Ибрагимова. Современное положение татарской женщины он охарактеризовал следующим образом: „Раньше татарский женщина был закобыленный женщина, теперь мы сделали из нее публичный женщина!“

Д. Незаконченные высказывания, в том числе заголовки публикаций:

• В траве и кустах видны были ключья газет, разрозненные буквы лишь кое-где собиравались в более или менее осмысленный и чаще всего страшный текст: „Позор пре...“, „очь грязные ла...“, „Суровый приговор нар...“.

Е. Соотношение с ближайшим контекстом, смешение оценочных и тематических планов, способствующее возникновению иронии как «средства атаки на адресата» [Руженцева 2015: 32]:

• Дети бежали с охапками живых цветов к Мавзолею Ленина. Отцы нации, оставшиеся на данный момент в живых, **бандиты Кобы Джугашвили**, протягивали им навстречу **благородные честные руки**. Узбекская девочка Мамлакат, собравшая больше всех хлопка, прижималась **персиковой ланитой к рябой щеке пахана**. „И солнце сильнее заблестало, и кровь ускоряет свой бег, и смотрит с улыбкою Сталин, советский простой человек“;

• Много, много фактов, жизнь в красной республике бурлит; вот еще **отповедь Пилсудскому**; а вот вам и **реклама — краски хна-басма, „тройной“ одеколон, вежеталь... на потребу мещанству...**

СВЯЗНОСТЬ И СИТУАТИВНАЯ ЦЕЛЬНОСТЬ

Связность «обусловлена линейностью компонентов текста, т. е. она синтагматична» [Сорокин 1982: 65]. Во-первых, «эта категория внешне выражается в тексте на уровне синтагматики слов, предложений, текстовых фрагментов. Автор текста в процессе его порождения стремится расчленить континуальный смысл на компоненты, в свя-

зи с чем можно говорить и об интенциональной связности: она обусловлена замыслом автора» [Бабенко, Васильев. Казарин 2000: 57]. Во-вторых, связь политических текстов в единую фоновую ткань достигается повтором идеологем и однотипной (напряженной, драматической или иронической) тональностью политических текстов и авторских комментариев этих текстов. В-третьих, политические тексты, использованные В. Аксеновым, объединены внутренней логикой, базирующейся на трех этапах познавательной деятельности. По мнению Е. П. Прохорова, «первый шаг политического анализа предполагает необходимость „увидеть“ факт или явление, событие или заявление в рамках определенной социальной системы» [Прохоров 1998: 109]. Второй шаг политического анализа — «определение системы требований, выдвигаемых к различным политическим институтам и социальным силам» [Там же]. Третий шаг — «выработка представлений о системе политических акций, ведущих к достижению поставленных целей» [Там же: 110]. Л. Р. Дускаева соотносит данные этапы с конкретными жанровыми системами [Дускаева 2012 :443], однако политические тексты, отобранные В. Аксеновым в качестве сюжетного фона, тяготеют к логике текстообразования, о которой говорит Е. П. Прохоров, безотносительно к их жанровой разновидности. Попытаемся проиллюстрировать указанные виды связности политических текстов в общем контексте романа.

1. Примером **интенциональной** связности политических текстов в контексте романа является, прежде всего, подборка выдержек из прессы 1920—1930-х гг., в которых:

а) информация подается в ракурсе классово-вой борьбы:

- *Избирательного права лишены: кулаки, служители культа, бывшие царские чиновники, подозрительные лица свободных профессий;*
- *„Союз рабочих и науки, слившихся воедино, раздавит в своих железных объятиях все препятствия на пути к прогрессу!“ Лассаль;*
- *Михаил Кольцов: „Не может быть и речи о возвращении нашей торговли на заезженные рельсы капитализма... государство не может допустить анархии рыночного оборота, „свободной игры цен“... ничего зазорного нет в том, что соответствующие органы призвуют кое-кого к порядку...“;*

б) информация подается в форме лозунгов-призывов, которые «призваны решить проблемы мобилизации» [Киселев 2002: 46]:

- *Урожай колхозных полей собран полностью! Большевикским примером повести за собой единоличников!*
- *Шире и крепче опереться на инициативы масс в борьбе за новые миллионы колхозников!*
- *По-боевому убирать и заготовлять!*
- *Привлечь к строжайшей ответственности виновников порчи огородной продукции!*
- *Мобилизовать в двухдневный срок 30 писателей, включив их в состав ударных бригад! Ликвидировать отставание литературы от требований социалистического строительства!*
- *Сильнее огонь по кулаку и правым оппортунистам, тормозящим коллективизацию!*
- *Шире и крепче опереться на инициативы масс в борьбе за новые миллионы колхозников!*
- *Ударными обозами хлеба покрыть сентябрьский недобор!*

2. Связность политических текстов, объединенных **драматической, напряженной, обличительной тональностью**, категоричностью высказываний:

- из прессы: *Выставку нельзя рассматривать иначе, как наглую вылазку украинских националистов. Троцкистско-бухаринские враги, вредители, орудовавшие в Управлении по делам искусств при Совнарком Украины, умышленно направили кисть некоторых художников по вредному пути;*
- политический лозунг: *Отрубим когти кулаку!*

3. Связность посредством **иронической тональности** авторского комментария:

- *„Жить стало лучше, жить стало веселее!“ — гласило короткое изречение, или, вернее, утверждение, а скорее всего, меткое наблюдение, выложенное аршинными красными буквами по окнам центрального телеграфа и окаймленное электрическими лампочками. Засим следовало и имя меткого наблюдателя — И. Сталин, и его гигантский портрет. Ему все и приписывалось — улучшение и дальнейшее увеселение жизни;*
- *Увы, вдобавок к Руставели еще две грузинских личности украшали каждый перекресток — Сталин и Берия. „Да здравствует великий вождь трудящихся всего мира товарищ Сталин!“; „Да здравствует вождь закавказских трудящихся товарищ Берия!“ — там и сям начертано то грузинской вязью, то супрематизмом партийной кириллицы. Какие уж, впро-*

*чем, тут супрематизмы, все бюджет-
ляне давно задвинуты в самые тем-
ные углы, сидят и пикнуть боятся,
а многие уже и покинули этот мир,
оказавшийся столь негостеприимным
для их космического эксперимента. Ис-
кусство принадлежит народу и должно
быть понятно народу! Вот какие пар-
суны социализма выставлены в окнах,
вот какие воздвигнуты скульптуры
пионера с планером, пограничника с
винтовкой, девушки с веслом!*

4.Связность посредством повтора **идеологем**: *Сталин, партия, ленинский путь, генеральная линия партии, большевики, большевистский пример, коммунизм, рабочий класс, трудовое крестьянство, социалистическое строительство, враги, разоблачение, оппозиция, ликвидация и т. д.*

5.Связность посредством единых **«внутренних логических этапов»** (Е. П. Прохоров) политического текстообразования (в качестве иллюстраций приведем разные жанровые формы):

- материалы прессы: *Разоблаченные враги народа, занимавшие руководящие посты в академии сельхознаук и в Главзерно Наркомзема СССР, немало потрудились, чтобы запутать зерновое дело. Было бы непростительным благодушием считать, что после разоблачения на фронте растениеводства все обстоит благополучно. Корни вредительства, несомненно, остались.*

Факт, событие — разоблачение «вредителей» в области сельского хозяйства.

Определение системы требований: не терять бдительности, не поддаваться благодушию.

Выработка представлений о системе политических акций: дальнейшее разоблачение «вредителей» (оставшиеся «корни вредительства»);

- стихотворение:

*В общем, он читал:
Корень квадратный
Из РКП!*

Делим на:

Вперед! В упор глаза!

Жми! И ни шагу назад!

Плюс:

Электрификация!

Смык!

Тренаж!

Плюс:

Мы хотим, чтоб мир стал —

Наш! (С. Третьяков)

Факт — программа РКП.

Определение системы требований: двигаться при выполнении программы только вперед.

Выработка представлений о системе политических акций: электрификация, смычка между городом и деревней, тренировка, вероятно с целью победы мировой революции;

- фрагмент речи секретаря МК: *Главная задача коммунистов Москвы — пресечь все контакты вождей оппозиции с рабочими. Говоря откровенно, лучшим решением вопроса было бы подключение органов ГПУ, но мы сейчас не можем пойти на это: поднимется страшный вой. Сегодня мы должны разослать группы нашего актива по всем предприятиям, где, по надежным сведениям...*

Факт, событие — имеющие место быть контакты вождей оппозиции с рабочими.

Определение системы требований: пресечь все контакты вождей оппозиции с рабочими.

Выработка представлений о системе политических акций: разослать группы актива по всем предприятиям.

* * *

В целом, говоря о функциональной специфике политических текстов в контексте художественного произведения, хотелось бы акцентировать внимание на следующем.

1.С точки зрения архитектоники политический текст в романе В. Аксенова выполняет **функцию фона**, на котором разворачиваются сюжетные линии. В свою очередь, фоновое единство обеспечивается внутренней связностью корпуса использованных автором политических текстов. Континуум достигается связями между отдельными политическими текстами посредством интенциональной общности, единства тональности собственно политических текстов, единства иронической тональности в авторских комментариях, логического единства при текстопорождении. Основной текст (собственно повествование) как бы «вставляется» в фон, который можно охарактеризовать как **вертикальный контекст эпохи**.

2. Кроме того, фон, включающий достаточно широкий репертуар неоднородных политических текстов, призван подчеркнуть **неоднозначность интерпретации политических событий, противоречивость, релятивизм эпохи**, смену оценок в зависимости от политических установок, о чем пишет и сам В. Аксенов: *Вчера был воинствующий атеизм, сегодня „компромисс с церковью“; вчера необузданный интернационализм, сегодня — „учет патриотических настроений“; вчера прокламировался беспрекословный антимилицитаризм и антиимпериализм, давалась вольная всем народам России, сегодня — „Красная Армия, гордость революции“.*

3. Функцией политического текста является также репрезентация авторской точки зрения (неприятие сталинизма во всех его проявлениях) посредством разнообразия высказываний, жанровых форм и трансформаций политических текстов

4. Функцию трансляции негативной авторской точки зрения выполняют негативно-оценочная деталь, отражающая разные каналы восприятия окружающей действительности; ирония, сарказм, автокомментарий, использование ближайшего контекста с целью дискредитации политических текстов и — как следствие — идеологической системы 1920—1930-х гг.

Таким образом, политический текст играет в контексте романа В. Аксенова важнейшую роль: он органично вписан в жанровую форму семейно-бытового романа, что поднимает последний на новую высоту, делая семейную сагу подлинно эпическим произведением.

N. B. Ruzhentseva
Ekaterinburg, Russia

**POLITICAL TEXT IN THE CONTEXT OF FICTION: FUNCTIONAL ANALYSIS
(BASED ON THE NOVEL "MOSCOW SAGA" BY V. AKSENOV)**

ABSTRACT. The article is based on the first part of the trilogy "Moscow Saga" by V. Aksenov; it is devoted to the function of political texts in the context of fiction – modification of domestic novel. Studying political texts, included by V. Aksenov in the novel, the author of the article comes to the conclusion that political texts perform three functions in the novel: they create architectonics of the novel, represent and transmit the author's point of view.

From the point of view of architectonics, political text in the novel by V. Aksenov has the function of ground on which the plot unfolds (the story of the Moscow family of intelligentzia). The integrity of the ground is provided by the internal coherence of political texts: relations between certain political texts by means of coherence (or contiguity) of intentions, coherence of tone of political texts, the unity of ironic tone of the author's comment and logical coherence of text production. As a result, the text of the novel is "inserted" in the vertical context of the epoch.

Besides, ground, consisting of the huge number of political texts, is intended to underline ambiguity of interpretation of political events, contradictions, relativism of the epoch of the 20-30s and the shift of values depending on political directives.

The function of political text is also representation of the author's point of view (rejection of Stalinism in all its forms). The author's opinion is represented first of all by means of different genres and transformations of political texts.

The function of expressing the author's negative point of view is performed by negative-evaluative detail, reflecting different perception channels; irony, sarcasm, the author's comment, the use of the near context to discredit political texts and as a result – to discredit the ideological system of the 20-30s.

Thus political text plays an important role in the context of V. Aksenov's novel – it is fitted into the genre of domestic novel perfectly, which turns a family saga into epic.

KEYWORDS: political text; fiction; function; V. Aksenov; genre modifications; genre corpus; transformations; intention; irony; coherence; tonality.

ABOUT THE AUTHOR: Ruzhentseva Natal'ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Babenko L. G., Vasil'ev I. E., Kazarin Yu. V. Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2000. 534 s.
2. Vartan'yan A. D., Yakubovskaya M. D. Posobie po analizu khudozhestvennogo teksta dlya inostrannykh studentov-filologov. — M. : Russkiy yazyk, 1986. 216 s.
3. Vasil'eva A. N. Khudozhestvennaya rech'. — M. : Russkiy yazyk, 1983. 256 s.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. 534 с.
2. Варганьян А. Д., Якубовская М. Д. Пособие по анализу художественного текста для иностранных студентов-филологов. — М. : Русский язык, 1986. 216 с.
3. Васильева А. Н. Художественная речь. — М. : Русский язык, 1983. 256 с.
4. Дускаева Л. Р. Политический анализ в прессе: жанровостилистический аспект // Язык СМИ и политика. — М. : МГУ, 2012. С. 441—495.
5. Киселев К. В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативной техники. — Екатеринбург : УрО РАН, 2002. 242 с.
6. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. — М. : РИП-холдинг, 1998. 456 с.
7. Руженцева Н. Б. Комическое в политическом дискурсе // Юмор и ирония в политическом дискурсе / Н. Б. Руженцева, Е. В. Шустрова, М. Б. Ворошилова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2015. С. 8—42.
8. Симонов К. В. Политический анализ. — М. : Логос, 2002. 346 с.
9. Словарь литературоведческих терминов / под ред. Л. И. Тимофеева, С. В. Тураева. — М. : Просвещение, 1974. 509 с.
10. Смысловая структура текста / сост. Л. М. Майданова. — Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 1998. 32 с.
11. Сорокин Ю. А. Текст, цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. — М., 1997. С. 60—79.
12. Успенский Б. А. Семиотика искусства. — М. : Школа «Языки русской культуры», июль 1995. 360 с.
13. Фещенко Л. Г. Чужая речь. — СПб. : СПбГУ, 2004. 60 с.
14. Хализев В. Е. Теория литературы. — М. : Высшая школа, 1999. 398 с.
15. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2006. 256 с.

7. Ruzhentseva N. B. Komicheskoe v politicheskom diskurse // Yumor i ironiya v politicheskom diskurse / N. B. Ruzhentseva, E. V. Shustrova, M. B. Voroshilova ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2015. S. 8—42.

8. Simonov K. V. Politicheskij analiz. — M. : Logos, 2002. 346 s.

9. Slovar' literaturovedcheskikh terminov / pod red. L. I. Timofeeva, S. V. Turaeva. — M. : Prosvshchenie, 1974. 509 s.

10. Smyslovaya struktura teksta / sost. L. M. Maydanova. — Ekaterinburg : Gumanitarnyy un-t, 1998. 32 s.

11. Sorokin Yu. A. Tekst, tsel'nost', svyaznost', emotivnost' // Aspekty obshchey i chastnoy lingvisticheskoy teorii teksta. — M., 1997. S. 60—79.

12. Uspenskiy B. A. Semiotika iskusstva. — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», iyul' 1995. 360 s.

13. Feshchenko L. G. Chuzhaya rech'. — SPb. : SPbGU, 2004. 60 s.

14. Khalizev V. E. Teoriya literatury. — M. : Vysshaya shkola, 1999. 398 s.

15. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 256 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'27:81'38
ББК Ш105.55+Ш100.621

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 10.02.19

В. Ф. Белова
Пятигорск, Россия

И. А. Зюбина, М. В. Лесняк, Г. Г. Матвеева
Ростов-на-Дону, Россия

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТАХ

АННОТАЦИЯ. Данная статья отражает исследовательский интерес к коммуникативным стратегиям и их тактикам в парламентских дебатах Германии, Великобритании и Европейского союза. Актуальность темы определяется значимостью политической коммуникации для современного общества как социально структурирующей деятельности. Целью исследования является описание речевых стереотипов современных политиков в коммуникативных рамках дебатов в парламентах на актуальные темы: терроризм и миграция. Исследовательская гипотеза базируется на предположении, что стратегии и тактики, употребляемые политиками, носят универсальный характер для парламентской коммуникации и не зависят от национальности говорящих и тематики дебатов. Выбор соответствующей стратегии скорее зависит от принадлежности депутата к определенному политическому движению (партии, фракции и т. д.) и его речевых привычек. Отсюда вытекает и комплексный подход к изучению универсального характера стратегий в прагма-риторическом аспекте. При этом исследовательский акцент делается на интерперсональном и аргументативно-пропозициональном планах. Анализ осознаваемых выборов политиками лингвистических единиц лексического и синтаксического уровня, лежащих в основе коммуникативных стратегий и их тактик, позволяет выявить универсальный характер стратегий, применяемых в различных парламентах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парламент; дискурс; речевое воздействие; тактика; манипуляция.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Белова Валентина Федоровна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры германистики и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет; 357500, г. Пятигорск, пр-т Кирова, 63; e-mail: belovav2008@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Зюбина Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; 344072, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33, к. 415; e-mail: irinazubina@gmail.com.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Лесняк Марина Валерьевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры теории и практики немецкого языка, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; 344006, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93, к. 21; e-mail: mvlesnyak@sfedu.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Матвеева Галина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 33, к. 409; e-mail: gegemat2337633@rambler.ru.

Понятие коммуникативной стратегии и ее тактик рассматривается в данной статье в аспекте их универсальности для коммуникации в двух разных национальных парламентах, а именно немецком и английском. Гипотеза исследования состоит в признании того, что коммуникативные стратегии и их тактики используются говорящими независимо от национальности политиков и от затрагиваемых ими тем. Своеобразие употребления коммуникативных стратегий и их тактик определяется целями и задачами политиков, их принадлежностью к определенному политическому направлению (демократическому, либеральному и т. п.) и акцентуированностью их личности.

Актуальность темы вытекает из того факта, что в связи с создавшейся в мире политической обстановкой политический дискурс приобретает значительный вес в лингвистических исследованиях. При этом получаемые исследователями «чистые» знания [Лассан 2006] имеют тем не менее

практическое значение, потому что описывают некие лингвистические явления, свидетельствующие о стереотипах речевой деятельности политиков. Эти стереотипы состоят как из осознаваемых говорящими речевых действий по выбору языковых единиц различных языковых уровней, так и из неосознаваемых ими речевых поступков по выбору речевых сигналов грамматических и текстуальных категорий, которые бытуют в составе выбираемых языковых единиц [Матвеева 2016: 146]. Такой комплексный подход к осознаваемому и неосознаваемому выбору речи базируется на общепринятом тезисе о языке как таком объекте лингвистики, который пронизывает все уровни человеческой психики — как осознаваемые, так и бессознательные [Лассан 2006].

Цель исследования состоит в том, чтобы изучить и описать речевые стереотипы современных политиков по материалам их дебатов в Европарламенте, немецком бундестаге и парламенте Великобритании на живо-

Статья написана при поддержке РГНФ — конкурс № 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция. Европарламент)».

© Белова В. Ф., Зюбина И. А., Лесняк М. В., Матвеева Г. Г., 2016
53

трепещущие темы терроризма и миграции (см. список выступлений). Данные стереотипы реализуются в коммуникативных стратегиях и их тактиках, которые, по предположению авторов, имеют универсальный характер в силу того, что встречаются во всех вышеперечисленных типах парламента. А соответственно и анализируемые в статье осознаваемые выборы политиками лингвистических единиц лексического и синтаксического уровня, лежащие в основе коммуникативных стратегий и их тактик, также универсальны для парламентской коммуникации. В пользу универсального характера коммуникативных стратегий говорит также и то, что они предполагают этап планирования не только на вербальном уровне, но и на когнитивном. Это означает, что за коммуникативной стратегией или даже тактикой могут стоять разные концепты или даже концептуальные системы [Лесняк 2013: 112—114].

Единицей анализа дискурса парламентариев выступает высказывание. Оно определяется нами вслед за В. Г. Гаком с позиции функционального подхода как «речевая единица, которая может быть равновеликой предложению, но рассматривается в речи, в непосредственном соотнесении с ситуацией» [Гак 2000: 90]. Для высказывания характерны следующие особенности: ориентация на участников речи (изложение с позиции говорящего и его расчет на знание и определение реакции слушателя); ситуативность (соотнесенность с конкретной ситуацией, известной говорящим); избирательность (обозначение не всех элементов ситуации, что приводит к компрессии или избыточности); вариативность (описание одной и той же ситуации различными способами); эфемерность (описание только для конкретных условий здесь и сейчас); тенденция к стереотипизации (использование сходных высказываний в однотипных ситуациях) [Там же].

Из этих свойств для нашей работы важно первое — ориентация на участников речи. Именно на нем базируется теория коммуникативных стратегий. Коммуникативную стратегию будем рассматривать как вид коммуникативного взаимодействия для достижения коммуникативной цели. Для парламентских дебатов коммуникативную стратегию определим как линию поведения оратора в намерении достичь определенной цели и оказать существенное воздействие на реципиента соответствующим выбором наиболее эффективных языковых средств [Белова 2014а: 49].

Цель коммуникативной стратегии состоит в постановке глобального замысла речевого общения. Коммуникативные тактики в

составе коммуникативной стратегии рассматриваются нами как набор речевых шагов для достижения конкретных задач в конкретных условиях общения.

При изучении парламентского дискурса Германии, Великобритании и Европарламента можно выделить единые коммуникативные стратегии, характеризующие парламентскую речь. Несмотря на то что пропозициональный план парламентского общения может быть различным и тематика дебатов может затрагивать любые темы: события на Украине, миграцию, борьбу с терроризмом или другие, — коммуникативные стратегии остаются одинаковыми. Обсуждение различных тем в парламентах происходит посредством речевого взаимодействия (интеракции) представителей партийных фракций, имеющих или полностью, или частично различное видение положения дел. Сложность и противоречивость политической реальности не может не отражаться на парламентской коммуникации [Алферов, Белова, Кустова 2014: 21]. Исследование парламентского дискурса в проекте «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция. Европарламент)» основывается на методологии лингвопрагматики и включает в себя анализ реализации совпадающего пропозиционального (содержание, тематика) и иллокутивно-аргументативного (коммуникативные стратегии и тактики) планов дискурса [Белова, Матвеева 2015: 157—158]. При этом в иллокутивно-аргументативном плане выделяются деструктивный и конструктивный тип общения. К тактикам деструктивной стороны общения отнесем следующие: конфликтные, полемичные, ироничные (вплоть до сарказма), обвинительные, провокационные, насмешливые, оскорбительные, скептические, критические, негативно оценивающие, предостерегающие, угрожающие, неодобрительные, опровергающие, контраргументативные и др. Этим тактикам противопостоят тактики конструктивной стороны общения. К ним отнесем кооперативные, компромиссные, одобряющие, мотивирующие, поддерживающие, коаргументирующие, положительно оценивающие, аргументативно-аналитические, логические, деловые и др. И деструктивные, и конструктивные стратегии реализуются в речевом жанре дебатов.

Фундаментальной имманентной характеристикой речевого жанра дебатов является агональность (конфронтация, полемика). Полемические стратегии характеризуются в интерперсональном плане эристической агональностью (столкновение мнений, спор

и т. п.), а в пропозиционально-аргументативном (фактуальном) аспекте — контраргументацией [Белова 2014с: 50].

Так, в немецком бундестаге во время дебатов по Украине присутствовала конфронтация в выражении отношения парламентариев к России. Главенствующая пропозиция о виновности России включала в себя прежде всего речевые тактики требований:

1. *Vor diesem Hintergrund lautet die zentrale Botschaft: Herr Putin, tun Sie das, was Sie im Dezember gesagt haben! Die Umsetzung dessen, was im Dezember gesagt wurde, muss nun eingefordert werden. Herr Putin, wenn Sie angeblich bereit sind, mit allen Partnern zu reden, dann fordere ich Sie auf: Stimmen Sie einer OSZE-Vermittlung zu! Stimmen Sie der Einrichtung einer Kontaktgruppe zu! ...Hören Sie auf, mit Gewalt zu drohen oder Gewalt gar anzuwenden!* [Plenarprotokoll 18/20] / В свете вышеизложенного главное послание звучит так: господин Путин, **выполните то**, что Вы сказали в декабре! Теперь **требуется выполнить то**, что было обещано в декабре. Господин Путин, если Вы якобы готовы говорить со всеми партнерами, тогда я от Вас **требую: согласитесь** на посредничество ОБСЕ! **Согласитесь** на создание контактной группы! ...**Прекратите угрожать силой или даже применять насилие!** (здесь и далее перевод немецкого текста В. Ф. Беловой и М. В. Лесняк)

В британском парламенте требование выражается более мягко, чем в немецком парламенте, в силу культурологических особенностей. Как известно, употребление императивных форм не приветствуется в британском парламенте:

2. *Baroness Anelay of St Johns: There is a process in place. Underneath all that is a determination to keep the pressure up on Russia* [Daily Hansard. 10.02.15]. / Существует процесс, который предполагает **решимость продолжать оказание давления на Россию** (здесь и далее перевод английского текста И. А. Зюбиной).

Наиболее ярко конфронтация с Россией нашла выражение при обсуждении в Европарламенте санкций Евросоюза в отношении Москвы. Некоторые политические лидеры пытались зарабатывать политические очки у своих избирателями, делая жесткие заявления о необходимости введения санкций в контексте украинского кризиса:

3. *Das Europaparlament hat am Donnerstag mit breiter Mehrheit weitere Sanktionen der EU gegen Russland wegen der Ukraine-Krise gefordert* [Новости пленарных заседаний Европарламента]. / В четверг Европейский

парламент большинством голосов потребовал наложить дальнейшие санкции на Россию из-за украинского кризиса.

Как мы видим, коммуникативные тактики требования реализуются парламентариями независимо от места дебатов и национальности парламентариев выбором глагола с семой «требование» — нем. *fordern, einfordern, auffordern* (требовать), англ. *to keep the pressure* (продолжать оказание давления).

Дебаты бундестага демонстрируют явные разногласия также в позициях партий правящей коалиции и партии левых по проблеме миграции. Например, наблюдается явное неприятие оратором от партии левых политических позиций, точки зрения и действий депутатов фракции правящей коалиции ХДС/ХСС. В частности, В. Герке (W. Gehrcke) резко критикует их действия и их отношение к иностранцам и беженцам:

4. *W. Gehrcke (DIE LINKE): Ich hatte gehofft, dass Sie sich endlich aus dieser rechtspopulistischen Bewegung lösen* [Plenarprotokoll 18/9]. / Я надеялся, что Вы наконец-то откажетесь от правого популизма.

Жесткая конфронтация посредством оценочного указания прослеживается и в других высказываниях членов бундестага:

5. *W. Gehrcke (DIE LINKE): Ich bin überzeugt davon, dass man über Ursachen von Flucht reden muss, damit endlich die Heuchelei aufhört, wie sie in Sonntagsreden zum Ausdruck kommt, wenn wieder etwas Furchtbares passiert ist* [Plenarprotokoll 18/9]. / Я убежден, что нужно говорить о причинах бегства, чтобы **лицемерие наконец-то прекратилось**, а не появлялось в воскресных выступлениях, когда случается нечто ужасное.

В данном случае мы имеем дело с тактиками обвинения, составляющими стратегию дискредитации оппонента.

Агональность по отношению к депутатам от правящей коалиции ярко прослеживается в эмоционально-оценочной лексике выступлений, живописующих страдания беженцев:

6. *...die Leichen angeschwemmt werden (трупы прибывает к берегу), in Lager gepfercht (загоняют людей в лагерь), drangsaliert (преследуемые), unerwünscht (нежеланные гости), dem Hungertod ausgesetzt (подвергнуты голодной смерти), verhungern (умирать с голода)* [Deutscher Bundestag Drucksache 18/28818].

Несколько раз повторяется слово *Schande* — позор.

7. *Die Bürgermeisterin Lampedusas, Giusi Nicolini, fragte am 11. November 2012, nachdem ihr 21 Leichen übergeben worden waren, in einem offenen Brief: „Wie groß muss der Friedhof auf meiner Insel noch werden?... mei-*

ne ich, dass ihr Tod für Europa **eine Schande** ist.“ / Я считаю, что их смерть является **позором** для Европы; ...dass das **eine Schande** für Europa und die europäischen Regierungen ist. Ich finde in der Tat, das ist auch ganz konkret **eine Schande** für die Bundesregierung, für die vorangegangene und die jetzige, (позор для правительства, предыдущего и настоящего), ... **eine Schande**, mit der man sich nicht abfinden darf, **eine Schande**, weil...

Аналогичные тактики конфронтации при использовании эмоционально-оценочной лексики мы находим в дебатах парламентариев Великобритании:

8. *Baroness Stowell of Beeston: This is the moment for a **strong and determined EU** to step up to its responsibilities and **confront Russian actions** [Daily Hansard. 21.07.14]. / Наступило время для **сильного и решительного Евросоюза** выполнить свои обязанности и **противостоять действиям России**.*

Конфронтация присутствует и в диалоге депутатов Европарламента. Так, мнения расходятся в дебатах о коалиции в борьбе против терроризма с государствами Лиги арабских государств:

9. *Cornelia Ernst (im Namen der GUE/NGL-Fraktion): ...und da sind wir beim Problem — relevante Staaten gehören, in denen Staatsterrorismus und Menschenrechtsverletzungen gewissermaßen das tägliche Brot sind. Ich sage Ihnen ganz offen: Sicherheitskooperation, die letztlich mit solchen undemokratischen Despotien ausgehandelt werden, gehören sich nicht [Plenardebatten, 11. März 2015 Straßburg]. / И тут появляется проблема — важные государства относятся к тем, где государственный терроризм и нарушения прав человека в определенной мере являются обыденными. Я скажу вам совершенно откровенно: не должно быть кооперации в безопасности с такими недемократичными деспотическими режимами.*

10. *Arne Gericke (ECR): Doch eine vertrauliche Zusammenarbeit mit der Arabischen Liga ist durchaus zweifelhaft. Die vergangenen 70 Jahre, ja die vergangenen 500 Jahre sprechen eigentlich dagegen [Plenardebatten, 11. März 2015 Straßburg]. / Но доверительное сотрудничество с Арабской лигой очень сомнительно. История 70 лет, даже 500 лет, говорит об обратном.*

Ср. выступления на английском языке в национальном парламенте:

11. *Baroness Anelay of St Johns: Equally, there is a clear consensus that the European Union does not, and will not, recognize Russia's illegal annexation of Crimea [Daily Hansard. 10.02.15]. / Точно так же существует единое мнение о том, что Европейский союз*

не признаёт и не будет признавать незаконную аннексию Крыма Россией.

Представители партий, однако, постепенно переходят от конфронтации к компромиссам, к конструктивным предложениям. В снижении накала агональности большую роль играет переход от субъект-субъектной направленности к субъект-объектной перспективе (оценка положения дел, осмысленные ситуации). Поэтому деструктивное общение меняется на конструктивное, стратегия конфронтации — на стратегию кооперации, которая находится на втором месте по частотности применения в парламентском дискурсе бундестага, парламента Великобритании и Европарламента. В основном конструктивная стратегия участников дебатов, несмотря на неприятие многими депутатами многих высказываний, реализуется через тактики согласования позиций, попытки через диалог добиться согласия и найти компромисс, чтобы не допустить прекращения процесса коммуникации [Белова 2014b: 66].

Руководитель фракции социал-демократов в Европарламенте Х. Свобода подчеркнул как достижение прямые переговоры ЕС, США, Украины и России и призвал стороны к дальнейшему диалогу:

12. *Die Tatsache, dass alle vier Mächte — die EU, USA, Ukraine und Russland — sich für direkte Gespräche treffen, ist für sich selbst eine Leistung....Anstatt verbaler und militärischer Aggression, **muss nun der Dialog der bevorzugte Ansatz sein** [Новости пленарных заседаний Европарламента]. / Тот факт, что все четыре державы — ЕС, США, Украина и Россия — встретятся для прямых переговоров, уже само по себе является достижением... Вместо вербальной и военной агрессии **нужно стремиться к диалогу**.*

При обсуждении меморандума по борьбе с терроризмом также преобладает тактика кооперации. Особенно в позиции социал-демократов:

13. *Knut Fleckenstein (im Namen der S&D-Fraktion): Aber da Terrorismus ein globales Problem ist, kann er auch nur global, sprich **miteinander**, gelöst werden. ... Wir begrüßen eine verbesserte **Zusammenarbeit** zwischen der Arabischen Liga und uns... [Plenardebatten, 11. März 2015 Straßburg] / Поскольку терроризм является глобальной проблемой, решить ее можно только глобально, **сообща**. ...Мы приветствуем улучшенное **сотрудничество** между Арабской лигой и нами...*

14. *Josef Weidenholzer (S&D): Bei keinem anderen Thema gibt es in diesem Haus mehr Einigkeit, als dass Daesh eine existenzielle Bedrohung unserer Freiheit darstellt und mit allen Mitteln bekämpft werden muss...Dieses Memo-*

randum ist daher zu begrüßen [Plenardebatten, 11. März 2015 Straßburg]. / *Никакая другая тема не вызывает в парламенте больше единения, [чем то,] что ИГ представляет экзистенциальную угрозу для нашей свободы, и всеми средствами его необходимо победить... Поэтому данный меморандум надо приветствовать.*

Во всех этих случаях присутствует единение, действия сообща, сотрудничество.

См. также высказывания парламентариев Великобритании:

15. *Baroness Anelay of St Johns: My Lords, none of us in the European Union is seeking a confrontation with Russia; it is the Russians who have sought confrontation with Ukraine and others* [Daily Hansard. 10.02.15]. / *Уважаемые члены Палаты лордов, никто из нас в Европейском союзе не стремится к конфронтации с Россией; это именно русские стремятся к конфронтации с Украиной и другими.*

В первой части данного примера присутствует стремление нивелировать конфронтацию, но во второй части мы уже наблюдаем тактику обвинения.

Важной речевой тактикой депутатов бундестага является формирование у слушающих отношения к событию путем оценивания. Актуализаторами данной стратегии являются речевые сигналы, вызывающие у слушателей положительные или отрицательные ассоциации, а именно: экспрессивная лексика, вопросительные предложения, вынос за рамку и эмфатический порядок слов:

16. *Tragödien (трагедии), Notstand (нужда), die tragischen Schiffsunglücke (трагические крушения лодок), Massaker (бойня, резня), eine große Schande (великий позор), skrupellos (бессовестный), menschen verachtend (бесчеловечный), beschämend (постыдный), Katastrophen (катастрофы)* и т. д.

Аналогичная лексика встречается в высказываниях, вызывающих у слушателей отрицательные ассоциации, в дебатах парламента Великобритании:

17. *Baroness Stowell of Beeston: The work has been made more difficult by the presence of armed separatists* [Daily Hansard. 21.07.14]. / *Работа стала сложнее из-за присутствия вооруженных сепаратистов.*

Автор высказывания называет ополченцев «сепаратистами», вследствие чего происходит формирование у адресата соответствующего негативного отношения к событию путем оценивания. Намеренное искажение или утаивание информации или подача определенным способом и в определенный момент с помощью особых приемов — важная составляющая манипулятивного воздей-

ствия [Зюбина, Матвеева, Лесняк 2015а: 187]. Справедливо замечание, что «любая лингвистическая единица в тексте — от выбора слова до синтаксической структуры — может иметь определенную мотивацию. Одна и та же идея, мысль может быть выражена различными способами, и выбор, который делает субъект дискурса, не бывает случайным» [Зюбина, Матвеева, Лесняк 2015b: 108].

Мнение аудитории формируется путем обращения к оценкам, выраженным метафорически; эмоционально-модальное наполнение создается средствами экспрессивного синтаксиса (параллелизм, анафора). Стратегия формирования у слушающих отношения к событию путем оценивания тесно связана с речевой стратегией акцентирования элементов высказывания. Намерение эффективно воздействовать на слушателей приводит к экспрессивизации речей. Это находит в дискурсе Европарламента выражение на всех уровнях языка:

18. *Es gibt zahlreiche Bereiche, in denen wir nur **gemeinsam** etwas erreichen können. / Diese Bedrohung können wir nur **gemeinsam** mit muslimischen Gemeinschaften in der EU und muslimischen Staaten außerhalb der EU erfolgreich bekämpfen* [Plenardebatten, 11. März 2015 Straßburg]. / *Существует множество сфер, в которых мы можем чего-то достигнуть **только вместе**. / Эту угрозу мы можем успешно преодолеть **только совместно** с мусульманскими сообществами в ЕС и мусульманскими государствами за пределами ЕС.*

То же — в речах английских парламентариев:

19. *Baroness Anelay of St Johns: Is it therefore sensible for every European member state to take decisions separately about arming the Ukrainian Government in the absence of any coordinated EU position?* [Daily Hansard. 10.02.15] / *Следовательно, разумно ли для каждого государства — члена ЕС принимать отдельно решения о вооружении украинского правительства в отсутствие какой-либо скоординированной позиции ЕС?*

С точки зрения воздействия интересен риторический вопрос в примере, приведенном выше. Риторические вопросы содержат утверждение или отрицание, оформленное в виде вопроса, но не требуют ответа. Такое эмоционально окрашенное предложение служит для выражения чувств и привлечения внимания адресата речи, причем эмоции в нем выражаются с помощью интонации [Зюбина 2013: 13—21].

В парламентской коммуникации важную роль играет стратегия самопрезентации. В речи многих политиков положительная пре-

зентация себя тесно связана с критикой представителей других партий. Защищая свою позицию, депутаты дистанцируются от оппонентов, их речи нацелены на убеждение слушателей в своей правоте, преимуществе выдвигаемых ими аргументов, в необходимости принять их предложения, а не оппонентов:

20. *Marian Wendt (CDU/CSU): Vor kurzem habe ich persönlich in meinem Wahlkreis syrische und tschetschenische Flüchtlingsfamilien besucht und kennengelernt [Plenarprotokoll 18/9]. / Недавно я лично посетила и узнала поближе семьи сирийских и чеченских беженцев в своем избирательном округе.*

Выступающий подчеркивает свой высокий авторитет и значимость своего мнения, на первое место выходит его право на оценку.

Стратегия самопрезентации реализуется в любых дебатах, при обсуждении в Европарламенте вопросов любой тематики, например, борьбы с терроризмом:

21. *Marcus Pretzell (ECR): Die ECR-Fraktion hat einen hervorragenden Entschließungsantrag eingebracht, und als Einzige haben wir dabei als Reaktion auf die terroristische Bedrohung ein Gleichgewicht zwischen Freiheit und Sicherheit angemahnt [Plenardebatten, 11. März 2015 Straßburg]. / Фракция ECR внесла великолепный проект резолюции, и мы единственные напомнили о балансе между свободой и безопасностью как о реакции на террористическую угрозу.*

Аналогичный пример на английском языке:

22. *Baroness Warsi: On 29 July, the EU agreed a package of significant additional restrictive measures targeting sectoral co-operation and exchanges with the Russian Federation. These restrictive measures will:*

- *limit access to EU primary and secondary capital markets for Russian state-owned financial institutions;*
- *impose an embargo on trade in arms;*
- *establish an export ban for dual use goods for military end users; and*
- *curtail Russian access to certain technologies that can be used for oil production and exploration [Daily Hansard. 30.07.14].*

29 июля ЕС согласовал пакет значительных дополнительных ограничительных мер в отношении секторного сотрудничества и обмена с Российской Федерацией. Эти ограничительные меры будут:

- *ограничивать доступ к начальным и вторичным рынкам капитала ЕС для российских государственных финансовых учреждений;*
- *вводить эмбарго на торговлю оружием;*
- *устанавливать запрет на экспорт товаров двойного назначения для военных конечных пользователей; а также*

– *ограничивать доступ России к некоторым технологиям, которые могут быть использованы для разведки и добычи нефти.*

В примере 22 британский парламентарий поет хвалу Евросоюзу, его новым сдерживающим мерам, являющимся, по собственному мнению выступающего, «значительными». Причем тактика самопрезентации здесь плавно перетекает в тактику кооперации.

Все речевые стратегии, применяемые в парламентском дискурсе, взаимосвязаны. Депутат, выступающий в парламенте, преследует, как правило, сразу несколько целей, для достижения которых требуется применение разных стратегий. Из приведенных примеров убедительно следует, что коммуникативные стратегии универсальны, как универсальны и тактики, их составляющие.

ИСТОЧНИКИ

1. Plenarprotokoll 18/20 Deutscher Bundestag Stenografischer Bericht 20. Sitzung Berlin, Donnerstag, den 13. März 2014. URL: www.heenemann-druck.de/www.betrifft-gesetze.de (дата обращения: 28.03.2014).
2. Deutscher Bundestag Drucksache 18/28818. Wahlperiode 15.01.2014. URL: www.heenemann-druck.de/www.betrifft-gesetze.de (дата обращения: 14.02.2014).
3. Plenarprotokoll 18/9 Deutscher Bundestag Stenografischer Bericht, 9. Sitzung, Berlin, Freitag, den 17. Januar 2014. URL: www.heenemann-druck.de/www.betrifft-gesetze.de (дата обращения: 14.02.2014).
4. Новости пленарных заседаний Европарламента. URL: <http://www.europarl.europa.eu/news/de/news-room/plenary/2014-07-01> (дата обращения: 12.08.2014).
5. Plenardebatten, 11. März 2015 Straßburg /18. Beziehungen zwischen der EU und der Liga der Arabischen Staaten und Zusammenarbeit im Kampf gegen den Terrorismus (Aussprache). URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150311+ITEM-018+DOC+XML+V0//LT> (дата обращения: 28.04.2016).
6. Daily Hansard. House of Lords (10.02.15). URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201415/ldhansrd/text/150210-0001.htm#15021045000870> (дата обращения: 28.05.2016).
7. Daily Hansard. House of Lords (21.07.14). URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201415/ldhansrd/text/140721-0002.htm#14072118000102> (дата обращения: 28.05.2016).
8. Daily Hansard. House of Lords (30.07.14). URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201415/ldhansrd/text/140730-wms0001.htm#14073050000109> (дата обращения: 28.05.2016).

ЛИТЕРАТУРА

9. Алферов А. В., Белова В. Ф., Кустова Е. Ю. Агональность парламентской коммуникации (на материале дебатов в немецком парламенте) // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 21—26.
10. Белова В. Ф. Replying Component in German Parliamentary Discourse // Вопросы трансформации образования. 2014а. № 1. С. 48—58.
11. Белова В. Ф. Лингвопрагматические черты немецкого парламентского дискурса (на материале запроса-заявления партии и дебатов в Бундестаге) // Вестник ПГЛУ. 2014б. № 2. С. 63—67.
12. Белова В. Ф. The Functions of the Replying Component in the German Parliamentary Discourse // Наука и общество. 2014с. № 2-2. С. 46—56.
13. Белова В. Ф., Матвеева Г. Г. Конструктивно-деструктивное общение (по материалам протоколов Бундестага и Европарламента) // Вестник МГЛУ. Германистика: перспективы развития. 2015. № 20 (731). С. 157—168.
14. Гак В. Г. Высказывание // Языкознание : большой энцикл. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Большая Российская энцикл., 2000. С. 90.

15. Зюбина И. А. Коммуникативная стратегия обвинения в аспекте синтаксического языкового уровня // *Speech and Context*. — Молдова, 2013. Т. 1, № 5. С. 13—21.

16. Зюбина И. А., Матвеева Г. Г., Лесняк М. В. Коммуникативные стратегии манипулирования в парламентском дискурсе // *Вестник Пятигор. гос. лингвист. ун-та*. 2015а. № 4. С. 187—192.

17. Зюбина И. А., Матвеева Г. Г., Лесняк М. В. Манипулятивно-смысловые усложнения синтаксиса высказывания на материале парламентских выступлений Великобритании // *Известия ЮФУ. Филологические науки*. 2015б. №4. С. 107—114.

18. Лассан Э. Лингвистика как ангажированное знание // *Современная политическая лингвистика* / Э. В. Будаев,

А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2006. С. 199—213. Цит. по: Русский филологический портал. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/lassan-06.htm> (дата обращения: 11.04.2016).

19. Лесняк М. В. Тактика «создание светлого будущего» в политической коммуникации // *Политическая лингвистика*. 2013. № 4. С. 110—116.

20. Матвеева Г. Г. Речевой сигнал и его роль в практике прагмалингвистического исследования // *Инновационные технологии и креативность в исследовании и преподавании языков и культур* // *Материалы междунар. науч.-практ. конф.* (27—28 апр. 2016 г.). — Пятигорск : ПГЛУ, 2016. С. 145—150.

V. F. Belova

Pyatigorsk, Russia

I. A. Zyubina, M. V. Lesnyak, G. G. Matveeva

Rostov-on-Don, Russia

UNIVERSAL NATURE OF COMMUNICATIVE STRATEGIES IN PARLIAMENTARY DEBATES

ABSTRACT. *This article reflects the research interest in communication strategies and tactics in the parliamentary debates in Germany, the UK and the European Union. The theme urgency is determined by the importance of political communication for modern society as a socially structuring activity. The purpose of the study is to describe the speech stereotypes of the modern politicians in the communication framework of the parliaments on the topical issues: terrorism and migration. The research hypothesis is based on the assumption that the strategies and tactics which are used by politicians are universal for parliamentary communication and do not depend on speakers' nationality and debate topics. The choice of the most appropriate strategy depends on the deputies' belonging to a particular political movement (a party, a faction, etc.) and speech habits. Hence it follows an integrated approach to the study of the universal nature of the strategies in the pragmatic-rhetorical aspect. At the same time the research focuses on interpersonal and argumentative-propositional plans. The analysis of the politicians' conscious choices of linguistic units of lexical and syntactic levels underpinning communicative strategies and tactics reveals the universal character of the strategies used in the various parliaments.*

KEYWORDS: *parliament; discourse; speech influence; tactics; manipulation.*

ABOUT THE AUTHOR: *Belova Valentina Fedorovna, Candidate of Philology, Professor of Department of German Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zyubina Irina Anatol'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Lesnyak Marina Valerjevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Theory and Practice of the German Language, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Matveeva Galina Grigor'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of German Philology, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

REFERENCES

1. Plenarprotokoll 18/20 Deutscher Bundestag Stenografischer Bericht 20. Sitzung Berlin, Donnerstag, den 13. März 2014. URL: www.heenemann-druck.dewww.betrifft-gesetze.de (data obrashcheniya: 28.03.2014).

2. Deutscher Bundestag Drucksache 18/28818. Wahlperiode 15.01.2014. URL: www.heenemann-druck.de www.betrifft-gesetze.de (data obrashcheniya: 14.02.2014).

3. Plenarprotokoll 18/9 Deutscher Bundestag Stenografischer Bericht, 9. Sitzung, Berlin, Freitag, den 17. Januar 2014. URL: www.heenemann-druck.de www.betrifft-gesetze.de (data obrashcheniya: 14.02.2014).

4. Novosti plenarnykh zasedaniy Evroparlamenta. URL: <http://www.europarl.europa.eu/news/de/news-room/plenary/2014-07-01> (data obrashcheniya: 12.08.2014).

5. Plenardebatten, 11. März 2015 Straßburg /18. Beziehungen zwischen der EU und der Liga der Arabischen Staaten und Zusammenarbeit im Kampf gegen den Terrorismus (Aussprache). URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP/TEXT+CRE+20150311+ITEM-018+DOC+XML+V0/LT> (data obrashcheniya: 28.04.2016).

6. Daily Hansard. House of Lords (10.02.15). URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201415/ldhansrd/text/150210-0001.htm#15021045000870> (data obrashcheniya: 28.05.2016).

7. Daily Hansard. House of Lords (21.07.14). URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201415/ldhansrd/text/140721-0002.htm#14072118000102> (data obrashcheniya: 28.05.2016).

8. Daily Hansard. House of Lords (30.07.14). URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201415/ldhansrd/text/1407>

30-wms0001.htm#14073050000109 (data obrashcheniya: 28.05.2016).

9. Alferov A. V., Belova V. F., Kustova E. Yu. Agonal'nost' parlamentskoy kommunikatsii (na materiale debatov v nemetskom parlamente) // *Politicheskaya lingvistika*. 2014. № 4. S. 21—26.

10. Belova V. F. Replying Component in German Parliamentary Discourse // *Voprosy transformatsii obrazovaniya*. 2014a. № 1. S. 48—58.

11. Belova V. F. Lingvopragmaticheskie cherty nemetskogo parlamentskogo diskursa (na materiale zaprosa-zayavleniya partii i debatov v Bundestage) // *Vestnik PGLU*. 2014b. № 2. S. 63—67.

12. Belova V. F. The Functions of the Replying Component in the German Parliamentary Discourse // *Nauka i obshchestvo*. 2014c. № 2-2. S. 46—56.

13. Belova V. F., Matveeva G. G. Konstruktivno-destruktivnoe obshchenie (po materialam protokolov Bundestaga i Evroparlamenta) // *Vestnik MGLU. Germanistika: perspektivy razvitiya*. 2015. № 20 (731). S. 157—168.

14. Gak V. G. Vyskazyvanie // *Yazykoznanie: bol'shoy entsikl. slov. / gl. red. V. N Yartseva*. — M.: Bol'shaya Rossiyskaya entsikl., 2000. S. 90.

15. Zyubina I. A. Kommunikativnaya strategiya obvineniya v aspekte sintaksicheskogo yazykovogo urovnya // *Speech and Context*. — Moldova, 2013. Т. 1, № 5. С. 13—21.

16. Zyubina I. A., Matveeva G. G., Lesnyak M. V. Kommunikativnye strategii manipulirovaniya v parlamentskom diskurse // *Vestnik Pyatigor. gos. lingvist. un-ta*. 2015a. № 4. С. 187—192.

17. Zyubina I. A., Matveeva G. G., Lesnyak M. V. Manipulyativno-smyslovye uslozhneniya sintaksisa vyskazyvaniya na materiale parlamentskikh vystupleniy Velikobritanii // Izvestiya YuFU. Filologicheskie nauki. 2015b. №4. S. 107—114.

18. Lassin E. Lingvistika kak angazirovannoe znanie // Sovremennaya politicheskaya lingvistika / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2006. S. 199—213. Tsit. po: Russkiy filologicheskiy portal. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/lassan-06.htm> (data obrashcheniya: 11.04.2016).

19. Lesnyak M. V. Taktika «sozdanie svetlogo budushchego» v politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4. S. 110—116.

20. Matveeva G. G. Rechevoy signal i ego rol' v praktike pragmalingvisticheskogo issledovaniya // Innovatsionnye tekhnologii i kreativnost' v issledovanii i prepodavanii yazykov i kultur // Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (27—28 apr. 2016 g.). — Pyatigorsk : PGLU, 2016. S. 145—150.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. В. Алферов.

М. К. Борисова
Пятигорск, Россия

**ПРОДУКТИВНЫЕ МОДЕЛИ ТЕРМИНОДЕРИВАЦИИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ
НА ПРИМЕРЕ ТЕМАТИЧЕСКИХ ОБЛАСТЕЙ «МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»,
«ЯДЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА)**

АННОТАЦИЯ. В связи с общественно-политической ситуацией в мире сфера безопасности является весьма актуальной для исследования, в том числе с лингвистических позиций, когда объектом исследования выступает терминосистема сферы международной безопасности. Статья посвящена изучению моделей терминодеривации в русском языке в сфере международной безопасности на примере тематических областей «международная безопасность» и «ядерная безопасность». При рассмотрении русскоязычной терминосистемы сферы безопасности было выявлено, что она включает в себя семь тематических областей, однако автор останавливается на двух тематических областях, являющихся самыми репрезентативными по числу терминов. Как показывает анализ, закономерности терминодеривации, выявленные в рамках данных областей, характерны для всей терминосистемы. В ходе работы подробно исследуются морфологические, морфолого-синтаксические и синтаксические способы образования русскоязычных терминов с выделением конкретных словообразовательных моделей и приведением по ним статистических данных. Автор приходит к выводу о том, что русскоязычная терминосистема сферы международной безопасности характеризуется преобладанием терминодеривации по синтаксическим моделям и значительным количеством заимствований полноструктурных и аббревиатурных терминологических единиц, как правило, из английского языка с частичной ассимиляцией или без таковой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терминосистема; термин; безопасность; ядерная безопасность; модель терминообразования; деривация; аффиксация; словосложение; аббревиация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Борисова Марина Константиновна, аспирант кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения и многоязычия, Пятигорский государственный лингвистический университет; 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9; e-mail: marisha49@list.ru.

Изучение терминов и терминологических систем в рамках терминоведения привлекает значительное количество ученых [Алимурадов, Лату 2006; Алимурадов, Лату 2012; Алимурадов, Чурсин 2011; Борхвальдт 2000; Гандалоева 2014; Голованова 2011; Гринев 1993; Гринев-Гриневиц 2008; Кушко, 2015; Лату 2009; Лейчик 2006; Раздубов 2011; Раздубов, Хакиева, 2012; Татаринцев 2006 и др.]. Настоящая статья посвящена реконструкции моделей терминообразования, реализуемых в рамках терминосистемы сферы безопасности. Исчисление структурных моделей терминодеривации мы выполним на материале русского языка. Отметим, что в русском языке было проанализировано 2 тематические области исследуемой терминосистемы — «*международная безопасность*» и «*ядерная безопасность*». Если рассматривать русскоязычную терминосистему сферы безопасности в целом, то можно заключить, что она включает в себя 7 тематических областей [см. подробнее об этом: Борисова 2015: 153]. В рамках данной публикации мы остановимся лишь на двух, самых репрезентативных по числу терминов, тематических областях, поскольку, как показывает анализ, закономерности терминодеривации, выявленные в рамках данных областей, характерны для всей терминосистемы в целом.

Свое исследование начнем с области «*международная безопасность*» (о ее специфике см. подробнее: [Борисова 2014: 793]). Интересно, что морфологический способ деривации в данной тематической области практически не представлен, следовательно, представляется целесообразным

основное внимание обратить на синтаксические способы терминодеривации. В результате словосложения (то есть именно морфологическим путем) образованы лишь 2 термина рассматриваемой области: *государства-члены* и *пресс-секретарь* [Борисова 2014: 793; Борисова 2015: 52, 153]. Остальные типичные морфологические модели, такие как, например, аффиксация, в данной области не реализуются.

В этой терминологической области мы выделяем термины, образованные по синтаксическому способу [Гринев-Гриневиц: 2008; см. также: Алимурадов, Горбунова 2014] — их 16; представим их частеречные модели:

– *сущ. + сущ.* (6 фразеологических выражений): *группа друзей, группы экспертов, записка Председателя, Совет Безопасности, организаторы брифинга, список выступающих* [Глоссарий к Справочнику по Совету Безопасности];

– *прил. + сущ.* (8 фразеологических выражений): *вспомогательный орган, ежемесячная оценка, избранные члены (отметим в данной связи присутствие в нашей выборке термина-дублета «непостоянные члены»), негосударственные субъекты, неофициальные диалоги, открытое заседание, стенографический отчет; неофициальные консультации* [Там же];

– *прич. + сущ. + сущ.* (1 фразеологическое выражение): *предоставляющие войска страны* [Там же].

Значимым для характеристики данной тематической области нам представляется также и то, что она содержит только один аббревиатурный термин: *ООН* — *Органи-*

зация *Объединенных Наций*. Строго говоря, аббревиацию можно назвать синтаксическим способом терминообразования лишь опосредованно, так как в ходе собственно аббревиации имеет место лишь сокращение полноструктурного термина, который, впрочем, изначально был образован именно синтаксическим способом.

Отметим также, что один термин рассматриваемой области является заимствованным из французского языка в русский и английский: *коммунике*, но если в английском языке он сохранил первоначальное французское написание, то в русском языке данный термин сохранил французское произношение, а орфографически ассимилировался.

Итак, в данной терминологии мы выделили 19 терминов. Морфологический способ деривации не представлен, за исключением словосложения (2 лексические единицы, далее ЛЕ); синтаксическим способом образовано 16 терминов; аббревиация представлена 1 термином, заимствование — тоже 1 термином.

Далее рассмотрим тематическую область **«ядерная безопасность»** [Борисова 2015: 52, 153], которая наиболее широко представлена в русском языке. По нашему мнению, согласно морфологическому способу образовано 74 термина. Рассмотрим конкретные модели морфологического терминологического образования.

Префиксация (7 ЛЕ, в том числе содержащих префиксоиды): *контрмера, биоанализ, биосфера, геосфера, выброс, изъятие* [IAEA Safety Glossary].

Суффиксация (27 ЛЕ): *адсорбция, активация, адвекция, валидация, верификация, калибровка, локализация, эвакуация, аттестация, злонамеренность, радиоактивность* [Там же].

Термины с префиксами и суффиксами (29 ЛЕ; сюда включаются как слова, образованные префиксально-суффиксальным способом, так и суффиксальные образования от префиксальных основ, а также слова, в которых морфемы выделяются этимологически): *иммобилизация, восстановление, выведение, засыпка, излучение, облучение, высвобождение, переработка, перевозчик* [Там же].

Словосложение (2 ЛЕ): *керма-фактор, компания-поставщик* [Там же].

Словосложение + аффиксация (5 ЛЕ): *грузоотправитель, грузополучатель* [Там же].

Синтаксический способ также представлен 417 терминами; приведем ниже краткие модели данных терминологических единиц.

– *Прил. + сущ.* (205 фразеологических выражений): *аварийная фаза, аварийное облучение, годовая доза, грузовой контейнер, радиационная защита, радиоактивное загрязнение, урановый ряд, ядерная авария, ядерная установка, ядерное топливо* [Там же];

– *сущ. + сущ.* (92 фразеологических выражения): *анализ безопасности, захоронение отходов, контейнер отходов, концентрация активности, мощность дозы, путь облучения, система защиты, уровень радиации, флюенс частиц* [Там же];

– *прил. + сущ. + сущ.* (15 фразеологических выражений): *амбиентный эквивалент дозы, биологический период полувыведения, весовой множитель излучения, комплексная система управления, конечная система теплообмена, конечный поглотитель тепла, направленный эквивалент дозы, нижний предел обнаружения* [Там же];

– *сущ. + сущ. + сущ.* (14 фразеологических выражений): *величины эквивалента дозы, задача обеспечения безопасности, задача обеспечения защиты, модель прогноза риска, параметры источника выброса, правило пересчета дозы, требования приемлемости отходов, уставки системы безопасности* [Там же];

– *сущ. + прил. + сущ.* (29 фразеологических выражений): *безопасность радиоактивных источников, дочерние продукты торона, зона радиоактивного загрязнения, класс аварийной ситуации, классификация аварийных ситуаций, компоненты активной зоны, период радиоактивного полураспада* [Там же];

– *прил. + прил. + сущ.* (32 фразеологических выражения): *долгосрочная защитная мера, значительный трансграничный выброс, ожидаемая эквивалентная доза, радиационная аварийная ситуация, трансграничная аварийная ситуация, фиксированное радиоактивное загрязнение, ядерная аварийная ситуация, ядерный топливный цикл* [Там же];

– *прич. + сущ.* (30 фразеологических выражений): *высокообогащенный уран, короткоживущие отходы, долгоживущие отходы, корректирующая мера, низкообогащенный уран, предотвращенная доза, делящийся материал, ионизирующее излучение, слабопроникающее излучение, сильнопроникающее излучение* [Там же].

Показательно, что терминологический фонд данной тематической группы во многих случаях строится по **«гнездовой» системе**. Так, например, адъективный терминологический элемент «аварийный» входит в состав 12 производных терминов, сочетаясь со следующими номинативными основообразующими тер-

миноэлементами: фаза, ситуация, готовность, ситуация на территории площадки, реагирование, работник, класс, службы, условия, процедуры, зоны. В результате образуются двухкомпонентные термины, многие из которых при опущении классифицирующего терминологического элемента либо теряют свой терминологический статус полностью (например, терминологические единицы «аварийный работник», «аварийный класс» и др.), либо же утрачивают системную принадлежность (ср., в частности, термин «ава-

рийная фаза»). Описанное терминологическое гнездо представлено на рис. 1.

Номинативный основообразующий терминологический элемент «авария» входит в состав 8 производных терминов, сочетаясь со следующими классифицирующими элементами: *запроектная, проектная, без риска за пределами площадки, в пределах проектных основ, с возникновением критичности, с риском за пределами площадки, тяжелая, ядерная*. Описанное терминологическое гнездо представлено на рис. 2.

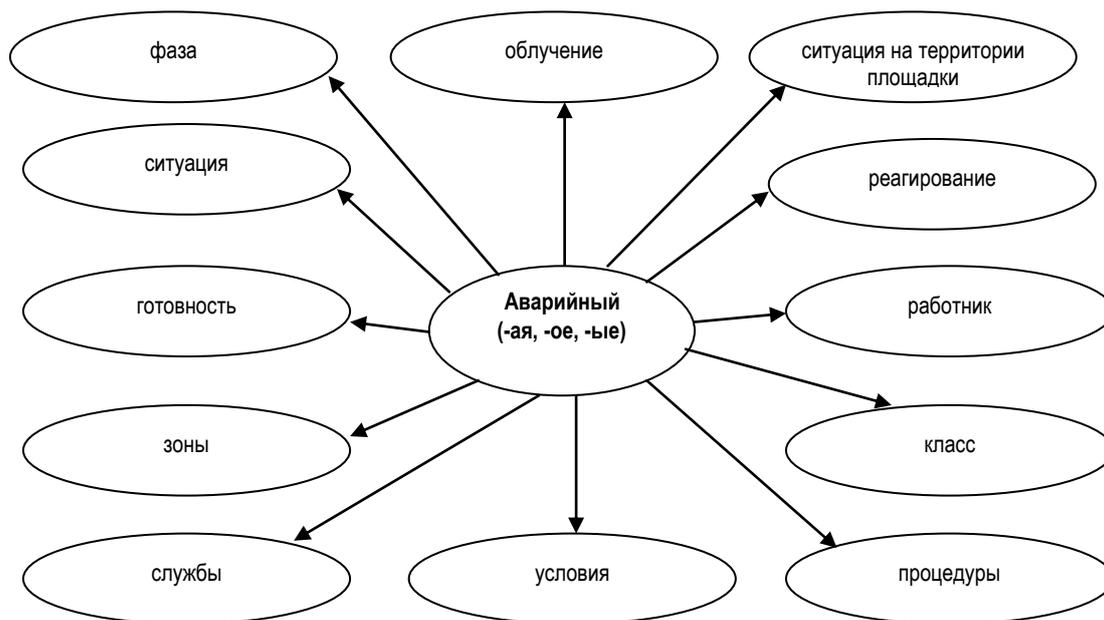

Рис. 1. Терминологическое гнездо единиц с опорным терминологическим элементом «аварийный»

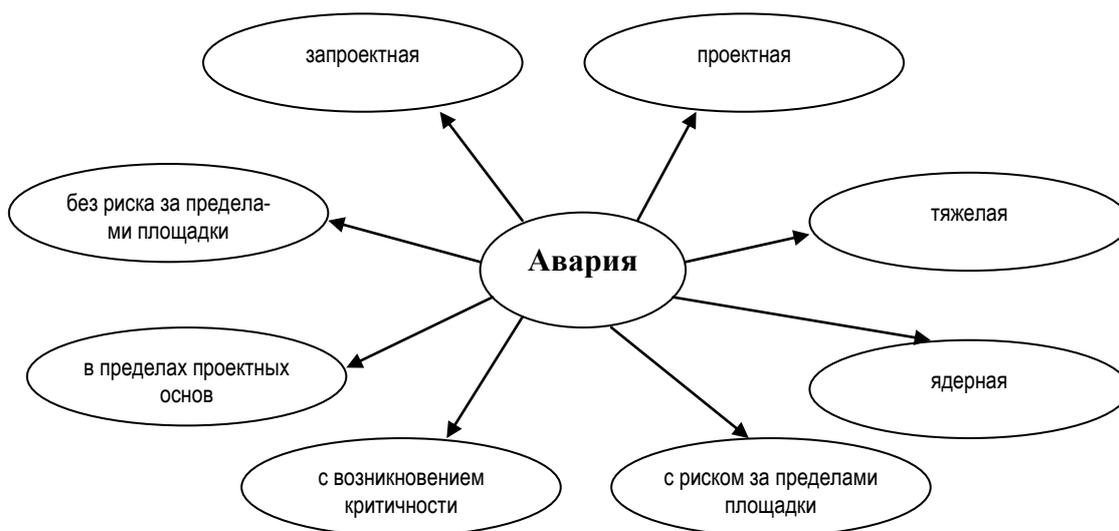

Рис. 2. Терминологическое гнездо с опорным терминологическим элементом «авария»

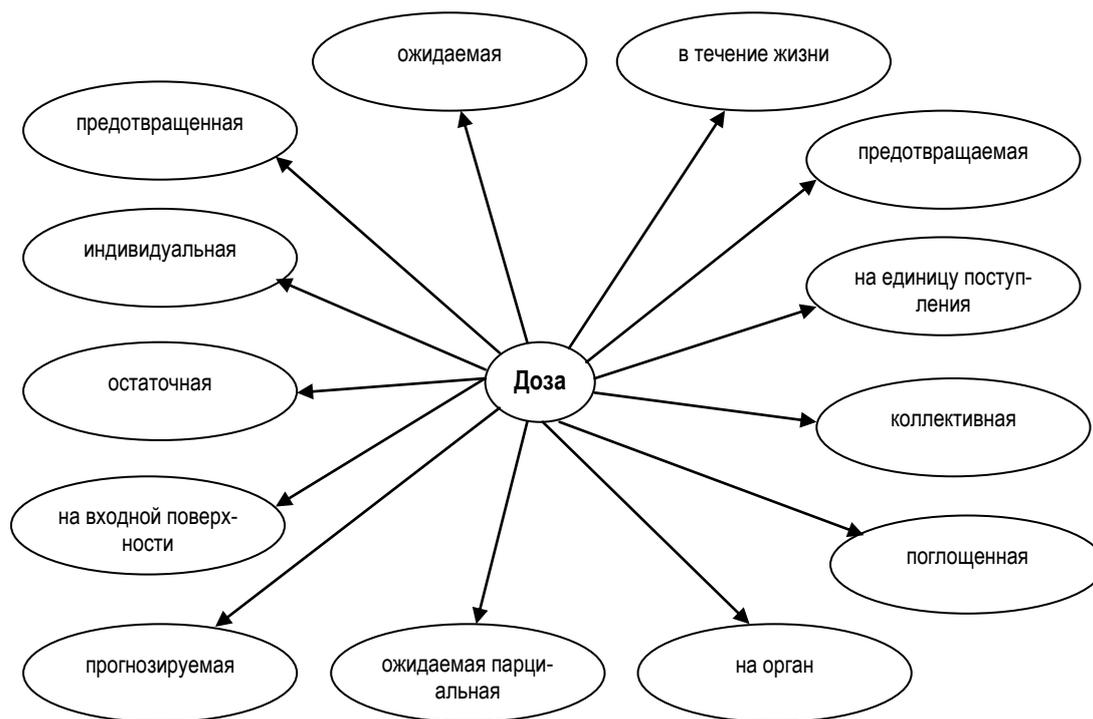

Рис. 3. Терминологическое гнездо единиц с опорным термином «доза»

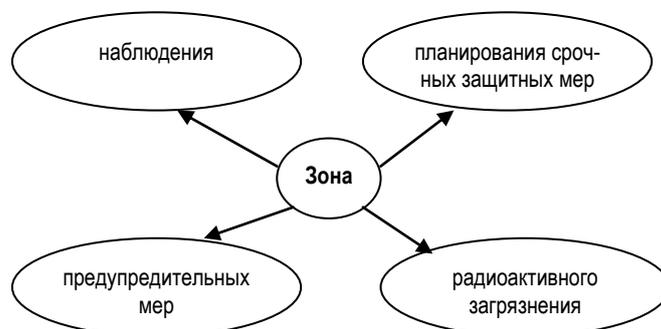

Рис. 4. Терминологическое гнездо единиц с опорным термином «зона»

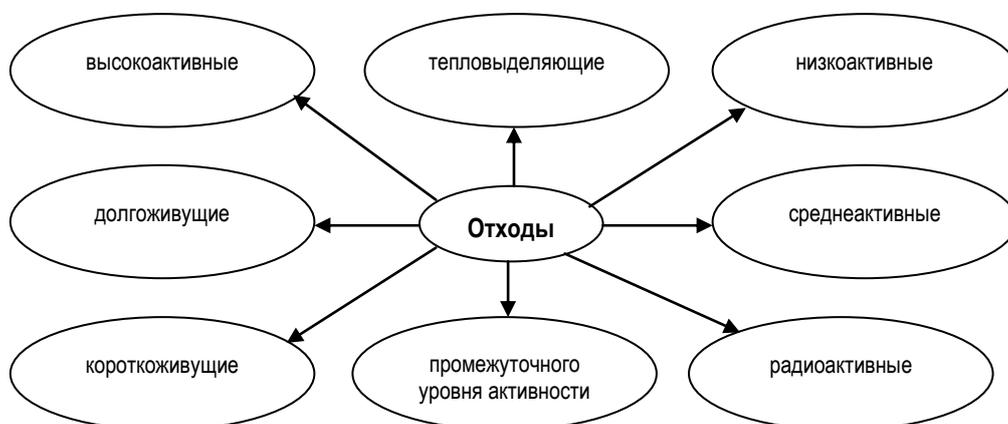

Рис. 5. Терминологическое гнездо единиц с опорным термином «отходы»

Рис. 6. Терминологическое гнездо единиц с опорным термином «мониторинг»

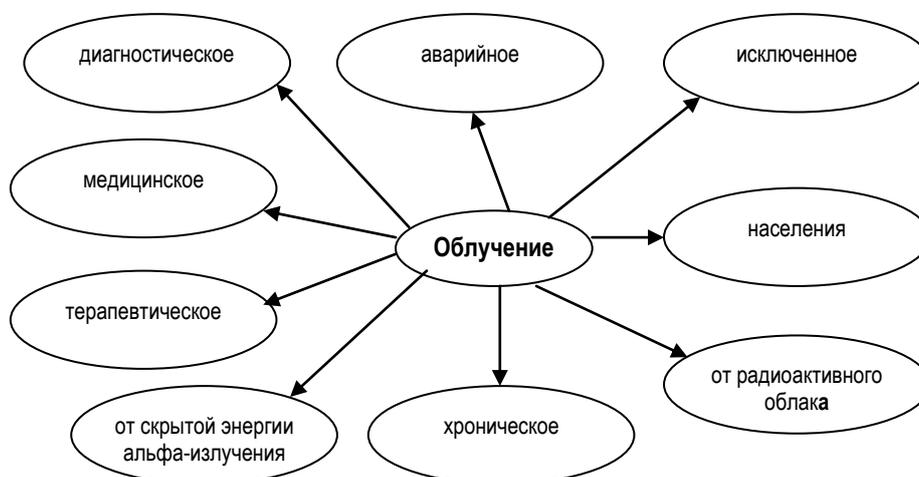

Рис. 7. Терминологическое гнездо единиц с опорным термином «облучение»

Существуют и более объемные «гнезда». Так, например, основообразующий номинативный терминологический элемент «доза» входит в состав 13 производных терминов, сочетаясь со следующими компонентами: *ожидаемая, предотвращенная, индивидуальная, остаточная, на входной поверхности, прогнозируемая, поглощенная, ожидаемая парциальная, на орган, коллективная, на единицу поступления, предотвращаемая, в течение жизни*. Описанное терминологическое гнездо представлено на рис. 3.

Терминологический элемент «зона» включается в состав 4 производных терминов, входя в коллокации с такими классифицирующими элементами, как *наблюдения, предупредительных мер, планирования срочных защитных мер, радиоактивного загрязнения*. Описанное терминологическое гнездо представлено на рис. 4.

Терминологический элемент «отходы» входит в состав 8 производных терминов, сочетаясь со следующими классифицирующими элемен-

тами: *высокоактивные, долгоживущие, короткоживущие, промежуточного уровня активности, радиоактивные, среднеактивные, низкоактивные* (см. рис. 5).

Терминологический элемент «мониторинг» входит в состав 9 производных терминов, образуемых с использованием следующих классифицирующих терминологических элементов: *индивидуальный, источника, окружающей среды, территории, состояния, рабочего места, текущий, персональный, персонала* (в данном случае отметим существование синонима для данной терминологической единицы: *дозиметрический контроль персонала*). Описанное терминологическое гнездо представлено на рис. 6.

Наконец, основообразующий номинативный терминологический элемент «облучение» входит в состав 9 производных терминов: *диагностическое, медицинское, терапевтическое, от скрытой энергии альфа-излучения, хроническое, от радиоактивного облака, населения, исключенное, аварийное* (рис. 7).

Как видно из представленных схем, отдельные однословные термины функционируют в качестве опорных элементов при создании на их основе целой группы лексических единиц по синтаксическим моделям. Частеречные модели образованных терминов могут различаться, однако семантические отношения внутри полученных терминов, как правило, отличаются мало и сводятся к отношениям определительности.

В рассматриваемой терминологии отмечаем также 10 терминов-заимствований. Все заимствованные терминологические единицы данной области представляют собой единицы измерения и являются либо эпонимами, образованные по механизму антономазии: **беккерель (Бк)** — единица СИ для активности, равной одному преобразованию в секунду, **грей (Гр)** — единица СИ для кермы и поглощенной дозы, равная 1 Дж/кг, **зиверт (Зв)** — единица СИ для эквивалентной дозы и эффективной дозы, равная 1 Дж/кг, **кюри (Ки)** — единица активности, равная $3,7 \times 10^{10}$ Бк (точно), либо аббревиатурами, в частности: **бэр** — единица эквивалентной дозы и эквивалента эффективной дозы, равная 0,01 Зв. (сокращенная форма от англ. roentgen equivalent man, rem — устаревшая внесистемная единица измерения эквивалентной дозы ионизирующего излучения), **керма, К** — величина К; первоначально это было сокращение термина «кинетическая энергия, высвободившаяся в веществе облучение», но теперь оно воспринимается как самостоятельное слово; **[рад]** — единица поглощенной дозы, равная 0,01 Гр. (сокращенная форма от от англ. radiation absorbed dose — внесистемная единица измерения поглощенной дозы ионизирующего излучения); заменена греем (Гр). Отмечаем также наличие двух терминов-омонимов (омонимия с номинациями химических элементов): **радон (radon)** — 1. Любое сочетание изотопов элемента радон. 2. Радон-222, **торон thoron** — радон-220 [IAEA Safety Glossary].

Помимо единиц измерения, заимствования в данной терминологии представлены также акронимическими и неакронимическими аббревиатурами, например (4 ЛЕ): **ИНЕС** — международная шкала ядерных событий (*INES — International Nuclear Event Scale*), **АМАД** — медианный по активности аэродинамический диаметр (*AMAD — activity median aerodynamic diameter*), **АМТД** — медианный по активности термодинамический диаметр (*AMTD — activity median thermodynamic diameter*), **АТВС** — ожидаемый переходный режим без аварийного останова (*ATWS — anticipated transient without scram*) [Там же]. Как видно из приведенных

примеров, в данную категорию попадают также неассимилированные аббревиатуры, заимствуемые в русский язык в их изначальном англоязычном написании. Мы не считаем необходимым относить такие лексические единицы к аббревиатурам, а относим их именно к заимствованиям, поскольку они не возникают в русском языке в результате сокращения полноструктурного русскоязычного термина, а заимствуются из английского языка уже в готовом виде.

Наконец, мы отмечаем присутствие 4 полноструктурных заимствованных терминов. Показательно, что часть таких терминологических единиц подвергается в русском языке ассимиляции, что проявляется в присутствии в их структуре русских суффиксов и окончаний, например: *мультиплексирование*. В то же время в нашей выборке имеются и неассимилированные единицы, такие как *саботаж, контейнмент, мониторинг*.

Аббревиация в исследуемой тематической области представлена 35 терминами, например: **ВАБ** — вероятностный анализ безопасности / вероятностная оценка безопасности (ВОБ), **ВАО** — высокоактивные отходы, **ВОУ** — высокообогащенный уран, **ДУВ** — действующий уровень вмешательства, **ДКВ** — допустимая концентрация в воздухе, **ЗПВ** — значение проектной вероятности, **ЗУВ** — значение условной вероятности, **ЗПСМ** — зона планирования срочных защитных мер, **ЗПМ** — зона предупредительных мер, **ЛПЭ** — излучение с высокой линейной передачей энергии, **ЛПЭ** — излучение с низкой линейной передачей энергии, **ИБК** — индекс безопасности по критичности, **НСАО** — низко- и среднеактивные отходы, **ОСА** — отходы средней активности, **САО** — среднеактивные отходы, **тепловыделяющие отходы, КСГМГ** — контейнер средней грузоподъемности для массовых грузов, **КЭДМД** — коэффициент эффективности дозы и мощности дозы, **ЛБГ** — линейная беспороговая гипотеза, **ЛПЭ** — линейная передача энергии, **НУА** — материал с низкой удельной активностью, **МЗА** — минимальная значимая активность, **МОА** — минимальная обнаруживаемая активность, **НАО** — отходы низкого уровня активности, **НОУ** — низкообогащенный уран, **ОПРЗ** — объект с поверхностным радиоактивным загрязнением, **ОБЭ** — относительная биологическая эффективность, **ОДП** — отходы добычи и переработки, **ПГДО** — предел годовой дозы облучения, **РУМ** — рабочий уровень за месяц, **РМПП** — радиоактивный материал природного происхождения, **РСО** — расстояние для скрининговой оценки, **ТВО** — теп-

ловыделяющие отходы, ТИ — транспортный индекс, УВСО — уровень вероятности для скрининговой оценки, УДАС — уровень действия в аварийной ситуации [Там же].

Подчеркнем, что в рамках данной тематической области некоторые из представленных аббревиатур подвергаются креолизации за счет введения числовых терминологических элементов (таких терминов насчитывается 5), в частности: *НУА-I (LSA-I)*, *НУА-II (LSA-II)*, *НУА-III (LSA-III)*, *ОПРЗ-I (SCO-I)*, *ОПРЗ-II (SCO-II)* [Там же].

Итак, в двух терминосистемах нами было проанализировано 568 терминов. В первой терминосистеме, «**международная безопасность**», мы выделили 19 терминов, а во второй терминосистеме, «**ядерная безопасность**», мы проанализировали 549 терминов, из которых морфологическим способом образовано 74 термина, синтаксический способ представлен 417 терминами, есть 10 терминов-заимствований, 4 полноструктурных заимствованных термина. Аббревиация во второй проанализированной терминологической области представлена 44 терминами: 35 аббревируемых терминов, 4 термина, относящихся к акронимическим и неакронимическим аббревиатурам, 5 креолизованных терминов.

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить о том, что в русскоязычной терминосистеме сферы безопасности выражены следующие тенденции, характеризующие процессы терминологической деривации:

- 1) слабая выраженность морфологического терминологического образования;
- 2) превалирование терминологической деривации по синтаксическим моделям;
- 3) тяготение к заимствованию терминологических единиц (как правило, донором в данном случае выступает английский язык) как на уровне полноструктурных однословных терминов, так и на уровне аббревиатур с частичной ассимиляцией либо вообще без таковой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимуратов О. А., Горбунова Н. Н. Основные синтаксические словообразовательные модели, реализуемые в англоязычной терминологии менеджмента // Известия высших учебных заведений. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. Т. 5, № 2. С. 95—101.

М. К. Borisova
Pyatigorsk, Russia

PRODUCTIVE MODELS OF DERIVATION OF TERMS IN THE SPHERE OF SECURITY ON THE EXAMPLE OF THE TOPICS “INTERNATIONAL SECURITY”, “NUCLEAR SECURITY” (ON THE BASIS OF MODERN RUSSIAN)

ABSTRACT. Social and political situation in the modern world determines the urgency of the sphere of security for different types of research including linguistic research, when the object of research is the system of terms belonging to the sphere of international security. The article is devoted to the study of the derivational models of terms belonging to the sphere of international security on the example of the topics “international security” and “nuclear security”. While studying the Russian system of terms belonging to the sphere of international security it was revealed that it includes seven topics, but the author pays special attention to the two spheres being the most numerous. The

2. Алимуратов О. А., Лату М. Н. Динамические процессы в терминологических системах (на материале современных англоязычных терминосистем) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. С. 250—259.

3. Алимуратов О. А., Лату М. Н. Метафоричность термина как переводческая проблема // Вестн. Пятигор. гос. лингвистич. ун-та. 2006. № 4. С. 24—27.

4. Алимуратов О. А., Чурсин О. В. Фреймовое моделирование специализированного знания и его репрезентация в речи (на материале терминологической музыкальной лексики современного английского языка) // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2011. № 6. С. 6—27.

5. Борисова М. К. Критерии выделения совокупности терминов международной безопасности и построения терминосистемы // Молодой ученый. 2014. № 18. С. 793—799.

6. Борисова М. К. Критерии отграничения терминосистемы международной безопасности в системе специальной лексики современного английского, французского и русского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5-1. С. 52—59.

7. Борисова М. К. Тематическая классификация лексических единиц, входящих в терминосистему международной безопасности в русском, английском и французском языках // Вестн. Пятигор. гос. лингвистич. ун-та. 2015. № 2. С. 153—161.

8. Борхвальдт О. В. Историческое терминоведение русского языка. — Красноярск : РИО КГПУ, 2000. 199 с.

9. Гандалоева З. С. К вопросу об основных характеристиках термина (на материале англоязычной терминологии парфюмерии) // Вестн. Пятигор. гос. лингвистич. ун-та. 2014. № 2. С. 67—76.

10. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2011. 224 с.

11. Гринев С. В. Введение в терминоведение. — М. : Московский лицей, 1993. 309 с.

12. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. — М. : Академия, 2008. 304 с.

13. Глоссарий к справочнику по совету безопасности. URL: un.org/ru/sc/about/methods/glossary.shtml (дата обращения: 20.04.2016).

14. Кушко Н. В. Термины ойкосферы и их концептуальные трансформации в составе французских паремий // Вестн. Пятигор. гос. лингвистич. ун-та. 2015. № 2. С. 116—119.

15. Лату М. Н. Основные характеристики термина в современном английском языке: эталон и динамика (на материале современного английского языка военно-исторической терминологии) // Вестн. Пятигор. гос. лингвистич. ун-та. 2009. № 2. С. 93—96.

16. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : КомКнига : УРСС, 2006. 256 с.

17. Раздубов А. В. История возникновения и развития терминологии нанотехнологий // European Social Science Journal. 2011. № 8 (11). С. 60—69.

18. Раздубов А. В., Хакиева З. У. Основные индивидуальные (вариативные) характеристики англоязычных систем строительной и нанотехнологической терминологии // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2012. № 7. С. 191—206.

19. Татаринцев В. А. Общее терминоведение : энцикл. слов. — М. : Московский лицей, 2006. 528 с.

20. IAEA Safety Glossary 2007 Edition. URL: pub.iaea.org/MTCD/publications/PDF/Pub1290_web.pdf (дата обращения: 20.04.2016).

analysis showed that the rules of term derivation found in those spheres are typical for the whole system of terms. The author examines morphological, morphological and syntactic and syntactic derivational means typical of the Russian terms; certain derivational models were revealed; statistics is provided. The conclusion is made about the fact that the Russian system of terms belonging to the sphere of international security is characterized by the syntactical derivational models and there is a great number of borrowings of the whole structure of a term and abbreviations usually from English with partial assimilation or without assimilation.

KEYWORDS: system of terms; security; nuclear security; model of term formation; derivation; affixation; stem-composition; abbreviation.

ABOUT THE AUTHOR: Borisova Marina Konstantinovna, Post-graduate Student, Department of Western European Languages and Cultures, Institute of Translation Studies and Multilingualism, Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russia.

REFERENCES

1. Alimuradov O. A., Gorbunova N. N. Osnovnye sintaksicheskie slovoobrazovatel'nye modeli, realizuemye v angloyazychnoy terminologii menedzhmenta // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2014. T. 5, № 2. S. 95—101.
2. Alimuradov O. A., Latu M. N. Dinamicheskie protsessy v terminologicheskikh sistemakh (na materiale sovremennykh angloyazychnykh terminosistem) // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2012. № 14. S. 250—259.
3. Alimuradov O. A., Latu M. N. Metaforichnost' termina kak perevodcheskaya problema // Vestn. Pyatigor. gos. lingvistich. un-ta. 2006. № 4. S. 24—27.
4. Alimuradov O. A., Chursin O. V. Freymovoe modelirovanie spetsializirovannogo znaniya i ego reprezentatsiya v rechi (na materiale terminologicheskoy muzykal'noy leksiki sovremennogo angliyskogo yazyka) // Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. 2011. № 6. S. 6—27.
5. Borisova M. K. Kriterii vydeleniya sovokupnosti terminov mezhdunarodnoy bezopasnosti i postroeniya terminosistemy // Molodoy uchenyy. 2014. № 18. S. 793—799.
6. Borisova M. K. Kriterii otgranicheniya terminosistemy mezhdunarodnoy bezopasnosti v sisteme spetsial'noy leksiki sovremennogo angliyskogo, frantsuzskogo i russkogo yazykov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 5-1. P. 52—59.
7. Borisova M. K. Tematicheskaya klassifikatsiya leksicheskikh edinit, vkhodyashchikh v terminosistemu mezhdunarodnoy bezopasnosti v russkom, angliyskom i frantsuzskom yazykakh // Vestn. Pyatigor. gos. lingvistich. un-ta. 2015. № 2. S. 153—161.
8. Borkhval'dt O. V. Istoricheskoe terminovedenie russkogo yazyka. — Krasnoyarsk : RIO KGPU, 2000. 199 s.
9. Gandaloeva Z. S. K voprosu ob osnovnykh kharakteristikakh termina (na materiale angloyazychnoy terminologii parfyumerii) // Vestn. Pyatigor. gos. lingvistich. un-ta. 2014. № 2. S. 67—76.
10. Golovanova E. I. Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2011. 224 s.
11. Grinev C. B. Vvedenie v terminovedenie. — M. : Moskovskiy litsey, 1993. 309 s.
12. Grinev-Grinevich S. V. Terminovedenie. — M. : Akademiya, 2008. 304 s.
13. Glossariy k spravochniku po sovetu bezopasnosti. URL: un.org/ru/sc/about/methods/glossary.shtml (data obrashcheniya: 20.04.2016).
14. Kushko N. V. Terminy oykosfery i ikh kontseptual'nye transformatsii v sostave frantsuzskikh paremiy // Vestn. Pyatigor. gos. lingvistich. un-ta. 2015. № 2. S. 116—119.
15. Latu M. N. Osnovnye kharakteristiki termina v sovremennom angliyskom yazyke: etalon i dinamika (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka voenno-istoricheskoy terminologii) // Vestn. Pyatigor. gos. lingvistich. un-ta. 2009. № 2. S. 93—96.
16. Leychik V. M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura. Izd. 2-e, ispr. i dop. — M. : KomKniga : URSS, 2006. 256 s.
17. Razduev A. V. Istoriya vozniknoveniya i razvitiya terminologii nanotekhnologii // European Social Science Journal. 2011. № 8 (11). S. 60—69.
18. Razduev A. V., Khakieva Z. U. Osnovnye individual'nye (variativnye) kharakteristiki angloyazychnykh sistem stroitel'noy i nanotekhnologicheskoy terminologii // Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. 2012. № 7. S. 191—206.
19. Tatarinov V. A. Obshee terminovedenie : entsikl. slov. — M. : Moskovskiy litsey, 2006. 528 s.
20. IAEA Safety Glossary 2007 Edition. URL: pub.iaea.org/MTCD/publications/PDF/Pub1290_web.pdf (data obrashcheniya: 20.04.2016).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. О. А. Алимуратов.

О. В. Кряхтунова
Астрахань, Россия

АГРЕССИЯ В КОММЕРЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ КАК АСПЕКТ ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ)

АННОТАЦИЯ. Реклама является распространенным компонентом информационной среды, в которой формируются нормы поведения в социуме. В связи с этим реклама должна соответствовать не только юридическим, но и общегуманитарным нормам. Реклама, как правило, представляет собой поликодовый текст, сочетающий элементы различной знаковой природы: изображение, текст, музыка (ритмизированный текст). В рамках научных исследований различают враждебную и инструментальную агрессию. Цель враждебной — нанесение вреда, инструментальная является средством достижения нейтральной цели (например, наказание в воспитательных целях). Инструментальную агрессию делят на индивидуально мотивированную и социально мотивированную. Реклама, содержащая агрессивное изображение или текст, может быть деструктивной или конструктивной по цели воздействия, а с учетом массовости, публичности и доступности таких сообщений могут возникнуть ситуации их спорной оценки. От рекламных текстов, изображающих насилие как возможные последствия применения рекламируемого продукта, следует отличать варианты так называемой «социальной рекламы», осуждающей действия, о жестокости которых рядовые граждане не задумываются (убийство животных, несоблюдение правил дорожного убийства). Установлены признаки, позволяющие считать рекламный текст агрессивным: бранные слова; выражения, содержащие жанровые признаки угрозы, оскорбления, насмешки, призыва к насильственным действиям; изображения половых органов или непристойного поведения; изображения трансформаций человеческого тела; изображения жестоких действий по отношению к человеку или животному.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: агрессия; поликодовый текст; конфликт; прецедентное изображение; трансформация физиологии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кряхтунова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент подготовительного факультета для иностранных граждан, Астраханский государственный технический университет; 414056, г. Астрахань ул.Татищева,16; e-mail: olgakryhtunova@mail.ru.

Рекламный дискурс является одним из активно развивающихся видов коммуникативного взаимодействия. В настоящее время реклама обеспечивает наиболее быстрый способ воздействия не только с коммерческой целью, не только в пользу политических деятелей, но и в общественных интересах.

Интерес к рекламным текстам основан на сочетании в них вербального и визуального компонентов (Г. Н. Тельминов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Е. Е. Анисимова, О. Н. Горбачёва, В. А. Каменева), специфике пунктуационного оформления (А. А. Зарубина), языковой игры (Л. П. Амири), прецедентных феноменов (Е. В. Куликова), гендерных стереотипов (А. М. Тупкиова), а также этических аспектов (В. В. Савватеева).

Сложная когнитивная природа поликодовых текстов проанализирована А. Г. Сониным. Он отмечает, что «первоначальный этап построения ментальной репрезентации содержания текста происходит с учетом невербальной информации, а вербальные составляющие оказывают на репрезентацию моделирующее влияние» [Сонин 2006: 140]. В качестве визуальных параметров И. В. Вашунина выделяет «реалистичность, сложность, тривиальность, яркость, контраст, геометрическую форму, цвет» [Вашунина 2008: 81—83].

Наличие агрессии в тексте может спровоцировать конфликт интерпретации. В теории конфликтологии это обосновано самой природой текста как многоуровневого образования. Н. Д. Голев указывает на неизбежную антиномию «интересов» продуцента речевых произведений (автора) и их адреса-

та-интерпретатора. В речевой деятельности продуцента стремление к свободе самовыражения и стремление быть адекватно понятым достаточно часто конфликтуют. Естественно, что интерпретатор более комфортно себя чувствует в ситуации, когда он уверен, что полученное им речевое произведение соответствует нормам, хранимым в его языковом сознании. Поэтому конфликт, когда автор имел в виду одно, а адресат другое — наиболее типичное основание речевых конфликтов.

С точки зрения психологии агрессия — это поведение, «ориентированное на нанесение вреда объектам, в качестве которых могут выступать живые существа или неодушевленные предметы. Агрессивное поведение служит формой реагирования. Кроме того, оно может выступать в качестве средства достижения какой-либо значимой цели, в том числе повышения собственного статуса за счет самоутверждения» [Косицкая 2005]. Д. Финкельхор целью агрессии считает власть и доминирование: агрессор стремится утвердить собственные доминирующие позиции [Pagelow 77].

В рамках научных исследований различают «враждебную» и «инструментальную» агрессию. Цель враждебной — нанесение вреда, инструментальная является средством достижения нейтральной цели (например, наказание в воспитательных целях). Инструментальную агрессию делят на «индивидуально мотивированную» (свокорыстная и бескорыстная) и «социально мотивированную» (S. Feshbach). Последний вид агрессии осуществляется в морально приемлемых для общества рамках и социально

приемлемым образом, предполагает социальный контроль и служит побочным продуктом достижения общественно значимых целей. Таким образом, агрессия может быть включена как в деструктивную, так и в конструктивную деятельность.

Рекламный текст априори не является конфликтным, но и не может быть нейтральным в силу своей функции — привлечения внимания. Реклама является одним из жанров медиакommunikации, однако отличается, к примеру, от газетных статей или журналистских видеосюжетов спецификой авторства. В области рекламной индустрии как профессиональной сферы авторство текста не принадлежит, как правило, одному человеку, художнику или автору текста, — рекламное сообщение выполняется по заказу коммерческой или общественной организации либо частного лица. В случае размещения частных объявлений ответственность за их содержание является персональной.

Еще одним специфическим свойством рекламных текстов с вербальным и невербальным компонентом является тип размещения, что, в свою очередь, определяет специфику адресата. В зависимости от размещения рекламы меняется и характер аудитории. При размещении в Интернете, газете или журнале круг лиц, на которых рассчитана реклама, ограничен читателями/пользователями. А при размещении на улице — на рекламных щитах, в общественных местах — это довольно широкая аудитория. К тому же время воздействия уличной рекламы не регулируется воспринимающим субъектом, поскольку реклама присутствует как часть организации пространства.

В федеральном законе о рекламе с возможным агрессивным содержанием коррелируют некоторые пункты ст. 5. Реклама не должна: 1) побуждать к совершению противоправных действий; 2) призывать к насилию и жестокости; 3) формировать негативное отношение к лицам, не пользующимся рекламируемыми товарами, или осуждать таких лиц; 4) содержать информацию порнографического характера (п. 4). В рекламе не допускается демонстрация процессов курения и потребления алкогольной продукции (п. 5). В рекламе не допускается использование бранных слов, непристойных и оскор-

бительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении пола, расы, национальности, профессии, социальной категории, возраста, языка человека и гражданина, официальных государственных символов (флагов, гербов, гимнов), религиозных символов, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, а также объектов культурного наследия, включенных в Список Всемирного наследия (п. 6).

С другой стороны, существует социальный контроль, опирающийся на этническую, социальную, культурную самопрезентацию обычных людей. Не являясь профессионалами, они тем не менее подвергают общественной оценке рекламные плакаты, стенды, листовки [Кузнецова 2014: 190—194].

В данной работе рассматриваются рекламные тексты, относящиеся к поликодовым [Ейгер 1974: 103—109], т. е. текстам, в которых естественный языковой код сочетается с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т. п.), поэтому при оценке степени агрессии в тексте необходимо учитывать соотношение вербальной и невербальной его частей. Визуальный компонент рекламы обычно занимает основное пространство плаката/баннера, поэтому первоначальный этап построения ментальной репрезентации содержания текста происходит с учетом невербальной информации, а вербальные составляющие оказывают на репрезентацию моделирующее влияние [Сонин 2006: 140]. В качестве визуальных параметров выделяют реалистичность, сложность, тривиальность, яркость, контраст, геометрическую форму, цвет [Вашунина 2008: 81—83]. Невербальная же информация определяет напряженность текста и до некоторой степени ограничивает свободу понимания, в некоторых случаях можно говорить о «давлении социальных образов», прецедентных феноменов [Куликова 2014: 301—309]. Прецедентные феномены, с одной стороны, усиливают прагматический потенциал рекламы, с другой — могут спровоцировать конфликт при некорректном использовании (рис. 1). В случае снижения идеологической ценности прецедентного изображения его конфликтность снижается (рис. 2).

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

В поликодовых текстах между вербальной и изобразительной составляющей возможны разные отношения: дополнительные (когда изображение может быть вспомогательным или ведущим по отношению к вербальному тексту), интегративные и отношения семантического контраста [Чернявская 2013: 105]. Так, возмущение жителей Благовещенска вызвал рекламный стенд пивного магазина, на котором изображена маленькая девочка. Коллаж сопровождается призывом: «Выпей в пятницу пивка для отрыва и рывка» (рис. 3).

Интересно, что найденный нами в Интернете оригинал изображения девочки является частью рекламного плаката 50-х годов, рекламирующего полиэтиленовую упа-

ковку продуктов, т. е. в случае рис. 3 имеет место ещё и нарушение авторских прав (ср. рис. 4 — исходный плакат «Bread's better 'cause it's fresher in Cellophane», 1954).

В рекламном тексте угроза может быть выражена вербально (рис. 5, 6), но содержание текста фактических угроз для потребителей не транслирует, поскольку использованные формы глаголов омонимичны глаголам со значением «дать».

Как агрессия в тексте однозначно может быть оценена вульгарная, бранная лексика (рис. 7) или ее визуализация (рис. 8). С другой стороны, мы понимаем, что адресатами данного выражения/предупреждения являются люди, поступающие некорректно по отношению ко всем остальным.

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

На рис. 9 и 10 нет визуализации жестких действий, причиняющих ущерб человеку, однако изображенная физиологическая трансформация не свойственна нормальному состоянию человека, следовательно, не могла быть произведена по желанию изображаемого персонажа.

Очевидно агрессивное содержание рекламы, если в ней демонстрируется причинение боли, реальных жестких действий (рис. 11 — драка) или их последствий в виде, приближенном к натуральному (рис. 12 — кадр из фильма «Убить Билла», рис. 13 — реклама джинсов для любителей драться, рис. 14 — «Не обрезай ногти — пригодятся на распродаже»).

Рис. 11

Рис. 12

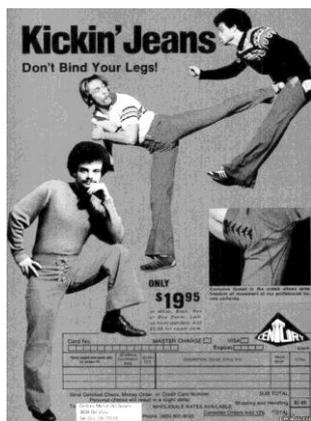

Рис. 13

Рис. 14

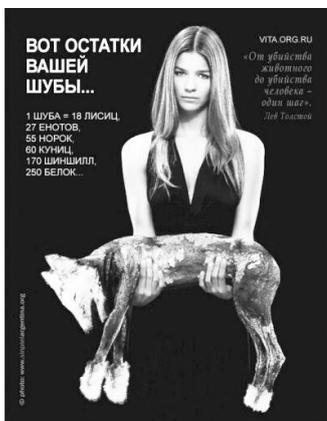

Рис. 15

Рис. 16

Агрессия часто не самоцель рекламы — содержание, к примеру, социальной рекламы может быть конструктивным, т. е. направленным на решение проблемы — реклама показывает не возможные, а реальные последствия действий, осуждаемых в обществе (рис. 15 — протест против изделий из натурального меха).

На рис. 16, призывающем к защите животных, демонстрируется сходство строения всех живых существ, причем содержится неявная угроза расчленения. Особое значе-

ние изображению придает участие в рекламе мировой знаменитости — модели как эталона красоты и символа физического и материального благополучия.

Агрессивная форма подачи в социальной рекламе используется с конструктивной целью — чтобы обратить внимание, заставить задуматься; ради этого может демонстрироваться угроза жизни или здоровью (рис. 17, 18). Такие тексты могут копировать структуру рекламного текста, содержать «призывы» (рис. 19).

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 21

В рекламе, направленной против наиболее тяжелых форм социальной дезадаптации, может использоваться слово «СМЕРТЬ» или визуализация действий, приводящих к смерти (рис. 20). Поведение, приводящее к ущербу здоровью, даже если оно не направлено на другого человека, приравнивается к социально неодобряемым (социально опасным) формам поведения (наркомания, самоубийство), поэтому реклама правомерно содержит упрек (рис. 21).

Итак, печатный рекламный текст, как правило, является креолизированным, поэтому исследователю необходимо оценить все компоненты сообщения, которые передают информацию, относящиеся к любым кодовым системам. При этом визуальный образ

правомерно считать элементом, поддающимся оценке лингвиста-эксперта, так как и анализ текста, и декодирование изображения являются операциями интерпретации, требующими вербального оформления.

Как показал анализ рекламных текстов, к признакам, по которым они могут считаться агрессивными, относятся вербальные и образительные компоненты следующего содержания:

- непосредственно бранные слова;
- выражения, содержащие жанровые признаки угрозы, оскорбления, насмешки, призыва к насильственным/жестоким действиям;
- изображения половых органов или непристойного поведения;

- изображения несвойственной для нормального состояния человека трансформации тела;
- изображения жестоких действий по отношению к человеку или животным.

От рекламных текстов, изображающих насилие как возможное, желаемое следствие применения рекламируемого продукта (например, «джинсы, в которых можно драться»), следует отличать так называемую социальную рекламу, осуждающую действия, о жестокости которых рядовые граждане не задумываются (убийство животных, несоблюдение правил дорожного движения и т. п.).

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Рис. 1. URL: <http://geometria.ru/gioconda/announcements/317738>.
2. Рис. 2. URL: <https://vk.com/ataiomurzakov2>.
3. Рис. 3. URL: <http://debri-dv.ru/article/1709>.
4. Рис. 4. URL: <http://anastgal.livejournal.com/1042798.html?page=1>.
5. Рис. 5. URL: <http://ngs24.ru/news/68691/view/>.
6. Рис. 6. URL: <http://m.forbes.ru/article.php?id=52966>.
7. Рис. 7. URL: <https://www.ridus.ru/news/111251>.
8. Рис. 8. URL: <http://pozitiv-ads.ru/ads/voditel-ne-bud-baranom-bud-vezhliv.html>.
9. Рис. 9. URL: <http://joyreactor.cc/post/740456>.
10. Рис. 10. URL: http://adsoftheworld.com/media/print/rubiks_cube_baby.
11. Рис. 11. URL: <http://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/genij-virusnoj-reklamy-iz-saranska-draka-na-svadbestala-reklamnoj-operatora-19680/>.
12. Рис. 12. URL: http://www.dv-reclama.ru/kaleidoskop/vidy/naruzhka/16413/neobychnaya_unikalnaya_kreativnaya_reklama_na_domakh_reklamnyy_plakat/.
13. Рис. 13. URL: http://pikabu.ru/story/reklama_dzhinsov_dlya_draki_ssha_1970e_godyi_19.
14. Рис. 14. URL: https://adsoftheworld.com/media/print/planet_girls_sale_3?size=original.
15. Рис. 15. URL: http://4put.ru/pics/s_46_0/r_140_1/max_1417552/.
16. Рис. 16. URL: <https://secure.peta.org/site/Advocacy?cmd=display&page=UserAction&id>.
17. Рис. 17. URL: <http://www.novate.ru/blogs/210111/16619/>.
18. Рис. 18. URL: <http://www.adsmarket.com.ua/articles/digital/8208/>.
19. Рис. 19. URL: <http://social-market.ru/>.
20. Рис. 20. URL: http://gorn.pro/discussion/reportazh/010207_kolonka_kritikov_sotsialna.
21. Рис. 21. URL: <http://trezvenie.ortox.ru/v-pomoshh-brosa-yushhim-kurit/>.

О. В. Kryahtunova
Astrakhan, Russia

AGGRESSION IN COMMERCIAL AND SOCIAL ADVERTISING AS THE ASPECT OF LINGUISTIC CONFLICTOLOGY (ON THE BASIS OF POLY-CODE TEXTS)

ABSTRACT. Advertising is a common component of the information environment in which norms of behavior in society are formed. Thus promotion must comply not only with legal, but also with the general humanitarian norms. Advertising, as a rule, is a poly-code text, combining elements of different semiotic nature: it is an image, text, music (rhythmic text). In scientific research we usually distinguish hostile and instrumental aggression. The purpose of a hostile aggression is to do harm, while an instrumental aggression is a means of achieving the goal of a neutral nature (for example, punishment for educational purposes). Instrumental aggression is divided into individually motivated and socially motivated. Advertisements containing violent images or text can have destructive or constructive effects on the target, and taking into account their mass character, publicity and availability of these messages there may be situations of contradictory evaluation of the ad. It is necessary to distinguish between the ad containing violence as a possible consequence of using the advertised product and the so-called social ad, which condemns actions that may seem normal for the ordinary citizens (killing of animals, violation of the traffic code

ЛИТЕРАТУРА

1. Амири Л. П. Феномен языковой игры как средство умеренной вулгаризации рекламного пространства в современной языковой ситуации // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4 (1). С. 377—382.
2. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). — М.: Академия, 2003. 128 с.
3. Вашунина И. В. Обобщение экспериментального исследования восприятия креолизованных текстов // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. Вып. 6 (62). С. 81—83.
4. Голев Н. Д. Речевой конфликт в аспекте множественности интерпретации речевых произведений (на материале русских игровых текстов). URL: http://siberia-expert.com/publ/rechevoj_konflikt_v_aspekte_mnozhestvennosti_interpretaci_i_rechevykh_proizvedenij_na_materiale_russkikh_igrovyykh_tekstov/3-1-0-211/
5. Горбачёва О. Н., Каменева В. А. Типы креолизованных текстов социально-коммерческой интернет-рекламы // Вестн. Челяб. ун-та. 2014. № 10 (339). С. 52—55. (Филология, искусствоведение; вып. 90).
6. Ейгер Г. В., Юхт В. Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы науч. конф. при МГПИИЯ им. М. Тореза. — М., 1974. Ч. 1. С. 103—109.
7. Зарубина А. А. Пунктуационное оформление рекламного текста: разделительные параграфы // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 1 (292). С. 46—52. (Филология, искусствоведение; вып. 73).
8. Косицкая Ф. Л. Письменно-речевые жанры рекламного дискурса моды в аспекте межязыковой контрастивности (на материале франц. и рус. каталогов мод): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 2005.
9. Кузнецова Е. М. Проблема восприятия визуального образа // Наука. Искусство. Культура. 2014. Вып. 3. С. 190—194.
10. Куликова Е. В. Прецедентные феномены в поликодовом рекламном тексте // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3 (1). С. 301—309.
11. Психологический словарь. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/psihologic/>.
12. Савватеева В. В. Реклама лекарственных средств (этические и экономические аспекты) // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2015. Т. 5, № 5. 33 с.
13. Сонин А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: дис. ... д-ра филол. наук. / МГЛУ. — М., 2006. 323 с.
14. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. — М.: Наука, 1990. 240 с.
15. Тельминов Г. Н. Интернет-реклама как вид креолизованного текста // Вестн. Нижегород. ун-та им. Лобачевского. 2009. № 5. С. 300—304.
16. Тупикова А. М., Каменева В. А. Визуальные и образительные компоненты рекламного дискурса как средство трансляции гендерных стереотипов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 21 (275). С. 125—131. (Филология. Искусствоведение; вып. 66).
17. Чернявская В. Е. Текст в медиальном пространстве: учеб. пособие. — М.: Либроком, 2013. 232 с.
18. Pagelow M. D. Family violence. — New York: Praeger, 1984. 314 p.

etc.). The features that allow to consider the advertisement aggressive are: abusive and vulgar words; phrases that contain threat, abuse, mockery, riotous statements; the pictures of sex organs or obscene acts; pictures of transformation of a human body; pictures of cruel acts against people or animals.

KEYWORDS: aggression; poly-code text; conflict; precedent image; physiology transformation.

ABOUT THE AUTHOR: Kryahtunova Olga Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Preparatory Faculty for Foreign Citizens, Astrakhan State Technical University.

PICTURES

1. Pic. 1. URL: <http://geometria.ru/gioconda/announcements/317738>.
2. Pic. 2. URL: <https://vk.com/ataiomurzakov2>.
3. Pic. 3. URL: <http://debri-dv.ru/article/1709>.
4. Pic. 4. URL: <http://anastgal.livejournal.com/1042798.html?page=1>.
5. Pic. 5. URL: <http://ngs24.ru/news/68691/view/>.
6. Pic. 6. URL: <http://m.forbes.ru/article.php?id=52966>.
7. Pic. 7. URL: <https://www.ridus.ru/news/111251>.
8. Pic. 8. URL: <http://pozitiv-ads.ru/ads/voditel-ne-bud-baranom-bud-vezhliv.html>.
9. Pic. 9. URL: <http://joyreactor.cc/post/740456>.
10. Pic. 10. URL: http://adsofttheworld.com/media/print/rubiks_cube_baby.
11. Pic. 11. URL: <http://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/genij-virusnoj-reklamy-iz-saranska-draka-na-svadbe-stala-rekla-moj-operatora-19680/>.
12. Pic. 12. URL: http://www.dv-reclama.ru/kaleidoskop/vidy/naruzhka/16413/neobychnaya_unikalnaya_kreativnaya_reklama_na_domakh_reklamnyy_plakat/.
13. Pic. 13. URL: http://pikabu.ru/story/reklama_dzhinsov_dlya_draki_ssha_1970e_godyi_19.
14. Pic. 14. URL: https://adsofttheworld.com/media/print/planet_girls_sale_3?size=original.
15. Pic. 15. URL: http://4put.ru/pics/s_46_0/r_140_1/max_1417552/.
16. Pic. 16. URL: <https://secure.peta.org/site/Advocacy?cmd=display&page=UserAction&id>.
17. Pic. 17. URL: <http://www.novate.ru/blogs/210111/16619/>.
18. Pic. 18. URL: <http://www.adsmarket.com.ua/articles/digital/8208/>.
19. Pic. 19. URL: <http://social-market.ru/>.
20. Pic. 20. URL: http://gorn.pro/discussion/reportazh/010207_kolonka_kritikov_sotsialna.
21. Pic. 21. URL: <http://trezvenie.ortox.ru/v-pomoshh-brosayu-shhim-kurit/>.

REFERENCES

1. Amiri L. P. Fenomen yazykovoy igry kak sredstvo namerennoy vul'garizatsii reklamnogo prostranstva v sovremennoy yazykovoy situatsii // Vestn. Nizhegor. un-ta im. N. I. Lobachevskogo. 2013. № 4 (1). S. 377—382.
2. Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov). — M. : Akademiya, 2003. 128 s.
3. Vashunina I. V. Obobshchenie eksperimental'nogo issledovaniya vospriyatiya kreolizovannykh tekstov // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2008. Vyp. 6 (62). S. 81—83.

4. Golev N. D. Rechevoy konflikt v aspekte mnozhestvennosti interpretatsii rechevykh proizvedeniy (na materiale russkikh igrovyykh tekstov). URL: http://siberia-expert.com/publ/rechevoj_konflikt_v_aspekte_mnozhestvennosti_interpretatsii_rechevykh_p_roizvedenij_na_materiale_russkikh_igrovyykh_tekstov/3-1-0-211/
5. Gorbacheva O. N., Kameneva V. A. Tipy kreolizovannykh tekstov sotsial'no-kommercheskoy internet-reklamy // Vestn. Chelyab. un-ta. 2014. № 10 (339). S. 52—55. (Filologiya, iskusstvovedenie ; vyp. 90).
6. Eyger G. V., Yukht V. L. K postroeniyu tipologii tekstov // Lingvistika teksta : materialy nauch. konf. pri MGPIIYa im. M. Toreza. — M., 1974. Ch. 1. S. 103—109.
7. Zarubina A. A. Punktuatsionnoe oformlenie reklamnogo teksta: razdelitel'nye paragrafy // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2013. № 1 (292). S. 46—52. (Filologiya, iskusstvovedenie ; vyp. 73).
8. Kositskaya F. L. Pis'menno-rechevye zhanry reklamnogo diskursa mody v aspekte mezh'yazykovoy kontrastivnosti (na materiale frants. i rus. katalogov mod) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Tomsk, 2005.
9. Kuznetsova E. M. Problema vospriyatiya vizual'nogo obraza // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2014. Vyp. 3. S. 190—194.
10. Kulikova E. V. Pretsedentnye fenomeny v polikodovom reklamnom tekste // Vestn. Nizhegor. un-ta im. N. I. Lobachevskogo. 2014. № 3 (1). S. 301—309.
11. Psikhologicheskiy slovar'. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/psihologic/>.
12. Savvateeva V. V. Reklama lekarstvennykh sredstv (eticheskoe i ekonomicheskoe aspekty) // Byulleten' meditsinskikh internet-konferentsiy. 2015. T. 5, № 5. 33 s.
13. Sonin A. G. Modelirovanie mekhanizmov ponimaniya polikodovykh tekstov : dis. ... d-ra filol. nauk. / MGLU. — M., 2006. 323 s.
14. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya // Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya. — M. : Nauka, 1990. 240 s.
15. Tel'minov G. N. Internet-reklama kak vid kreolizovannogo teksta // Vestn. Nizhegor. un-ta im. Lobachevskogo. 2009. № 5. S. 300—304.
16. Tupikova A. M., Kameneva V. A. Vizual'nye i izobrazitel'nye komponenty reklamnogo diskursa kak sredstvo translyatsii gendernykh stereotipov // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2012. № 21 (275). S. 125—131. (Filologiya. Iskusstvovedenie ; vyp. 66).
17. Chernyavskaya V. E. Tekst v medial'nom prostranstve : ucheb. posobie. — M. : Librokom, 2013. 232 s.
18. Pagelow M. D. Family violence. — New York : Praeger, 1984. 314 p.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук О. Н. Паршина.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'42:81'38:81'27
ББК Ш105.51+Ш100.621+Ш104

ГСНТИ 16.21.29

Код ВАК 10.02.19; 10.02.20

С. А. Анисимова
Сургут, Россия

РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ДИСКУРСОВ ПРЕЗИДЕНТОВ В. В. ПУТИНА И Б. ОБАМЫ)

АННОТАЦИЯ. Исследование выполнено в рамках политической дискурсологии как научного направления, ориентированного на изучение национального ментального пространства русских и американцев на основе выступлений главных представителей нации — президентов России и США. Целью настоящей статьи является сопоставительное когнитивное исследование механизмов употребления прецедентных имен и феноменов в политическом дискурсе Владимира Путина и Барака Обамы. Когнитивный подход к политическому дискурсу предполагает исследование его ментальных структур, к которым относятся стереотипные и стандартные представления о мире политики, отличающиеся структурной и образно-эмоциональной устойчивостью. Таковы, в частности, стереотипные образы различных национально-этнических общностей, отдельных государств, дуальные стереотипы «свой/чужие», «наши / не наши», формирующие образы «друзей» и «врагов». Сопоставлены материалы выступлений лидеров указанных стран на саммите «Большой двадцатки» в Санкт-Петербурге (2013 г.), рассматриваются важные аспекты формирования и бытования культурно-детерминированных знаний и представлений. Лингвистический анализ политического дискурса в целом и политической речи в частности является успешным, когда охватывает детали от лингвистического до политического поведения. Лексико-семантический подход к анализу политического дискурса направлен на изучение лексем конкретных политических высказываний и текстов. В центре внимания автора лежат прецедентные феномены — репрезентации ментального пространства. Результаты сопоставительного анализа позволяют комплексно охарактеризовать рассматриваемый фрагмент национального ментального пространства, выделить общие черты и национальные особенности, свойственные представителям российской и американской политической элиты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ментальное пространство; менталитет; прецедентное имя; прецедентный феномен; перевод; дискурс; концептуальное смешение; стереотипные воздействия; язык; социальные репрезентации; когнитивное пространство; Б. Обама; В. В. Путин.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Анисимова Софья Анатольевна, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, бюджетное учреждение высшего профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Сургутский государственный университет»; общество с ограниченной ответственностью «КИНГС ТРЭВЭЛ ГРУП»; 628415, г. Сургут, ул. Иосифа Каролинского, 14/1, 3 эт., оф. 1; e-mail: kings.sofya@gmail.com.

Одним из наиболее сложных аспектов перевода политических текстов и текстов иной международной специфики в современной науке считается перевод национально-маркированной лексики, раскрывающей феномен национальной уникальности — ментальное пространство. Перевод в данном смысле является не простым механическим перекодированием высказывания из одного языка в другой, а целенаправленной передачей авторской интенции, когда семантические средства репрезентации национальных особенностей рассматриваются как способ передачи культурного контекста.

С целью передачи максимального количества эксплицитной информации переводчиком осуществляется изучение текста на дискурсивном уровне в лингвориторической парадигме, раскрытие базовых концептов, таких как менталитет и ментальное пространство. В данной статье также применяется метод сравнительного анализа феноменов, обладающих высокой степенью прецедентности с точки зрения их роли в ментальном пространстве представителя нации. В данном исследовании принципиальным отличием прецедентного имени/феномена от простого имени собственного является наличие имплицитной информации, верба-

лизованной в имени, что делает его уникальным прецедентным феноменом.

Менталитет — термин, появившийся в терминологическом аппарате повседневной жизни во всех сферах человеческой науки. Коллективное и индивидуальное сознание определяются не только разумом, знанием и логикой бытия, но также нормами, ценностями и традициями культуры, историческим опытом поколений и общего состояния национального духа. Национальный менталитет формируется в течение длительного периода времени и включает в себя опыт многих поколений, оказывающих значительное стереотипное воздействие на общество.

Национальный менталитет — это набор особых атрибутов, исходящих из интеллектуальных, умственных и физиологических особенностей людей, на которые влияют исторические, климатические, социальные, геополитические и этнические предпосылки. Основными составляющими элементами национального менталитета являются язык, коллективная память, социальные репрезентации, коллективные чувства, эмоции и настроения, нормы поведения, ценности и отношения, ментальные репрезентации культуры, стиль мышления, социальное воспри-

ятие, национальный характер и темперамент, национальное самосознание.

Феномен ментального пространства был изучен в большом количестве аспектов. Лингвисты и ученые из смежных сфер научного знания (Ё. Матсумото, 1996, И. Свитесер, 1990, Ш. Сакахару, 1996, Ю. Такубо, 1990, С. Кинсуи, 1992) размышляли о важных аспектах управления дискурсом, связанных с организацией ментального пространства. Дж. Лакофф (1987) детально описал сложную английскую конструкцию «there» относительно пространств. Ё. Рубба (1996) и П. Энкриве (1988) представили глубокий анализ феномена ментального пространства с культурной и социологической точки зрения. Дж. Лакофф (1996) продемонстрировал взаимодействие национально-теоретической структуры и пространства с целью создания конструкции «множественное я». Дж. Динсмор (1991), Т. М. Манини и К. Страппарава (1990), Э. Маида (1984) рассматривают ментальные пространства в рамках искусственного интеллекта.

Создатель и главный идеолог теории Жиль Фоконье формально определяет ментальные пространства как упорядоченные множества с элементами (a, b, c, ...) и отношениями между ними (R1ab, R2ad, R3cbf...), открытые для пополнения их новыми элементами и отношениями соответственно [Fauconnier 1994: 16].

Ментальные пространства — это частичные совокупности, формирующиеся из нашего мышления и речи с целью локального понимания и действия. Они состоят из элементов и структурированы с помощью фреймов и когнитивных моделей. Ментальные пространства связаны с долгосрочным схематичным знанием, таким как фрейм «прогуливаться по тропинке», и с долгосрочным особым знанием, таким как воспоминание о восхождении на Рейнер в 2001 году [Fauconnier 1994: 16].

Термин «ментальные пространства» указывает на социальные установки этнических репрезентаций, которые важны в изучении лингвистических способов передачи национальных ценностей на определенном историческом уровне социального развития.

В лингвистике данный термин выходит за рамки структурных элементов когнитивной теории, таких как фрейм и гештальт. Ментальное пространство является сочетанием менталитета и ценностных установок в динамике социальных репрезентаций.

Когнитивный антрополог Эд Хатчинс продемонстрировал, что материальные объекты являются мощными якорями концептуальных смешений. В частности, технологии

развиваются для того, чтобы производить культурные человеческие артефакты, такие как часы, гаджеты, компасы, авиационные приборные панели со структурой, специально созданной для того, чтобы соответствовать концептуальным параметрам и интегрироваться с ними, создавая стабильные смешанные фреймы восприятия и действия, которые могут быть запомнены и изучены новыми поколениями и, таким образом, переданы культурно. Как математика и грамматика, технология развивается через последовательное смешение, как, например, в случае смешения банковской и компьютерной сфер, которое привело человечество к возможности управлять банковскими автоматами. Таким образом, необходимо понимать, что язык, реализующийся в устной или письменной речи, материально скрепляется жестами, звуками и письмом [Fauconnier 1994: 16].

Ментальные пространства, связи, соединяющие их, лингвистические, прагматические и культурные стратегии их построения являются значительной частью того, что происходит за их видимыми пределами внутри когнитивного фона повседневной речи и рассуждений здравого смысла. Данные операции строятся по простым и общим принципам. Они кажутся универсальными по отношению к языкам и культурам. В случае их комбинирования и применения к высокопрагматичным ситуациям такие принципы способны производить бесконечное количество значимых конструкций и безграничных ячеек смысла. Генеративность является фундаментальным свойством значений, полученных только из синтаксиса. Грамматика играет основную роль во всей этой схеме, так как является видимой связью непостижимой закулисной когниции и внешним очевидным поведением мышления человека. Причиной этого является следующее: для того чтобы появились мышление и коммуникация, должны появиться разработанные конструкции, которые указывают на концептуальные возможности, высокоструктурированный фон и контекстное знание, схема индукции и возможности переноса.

Язык сам по себе не производит когнитивное построение, он просто дает нам минимальные, но эффективные подсказки, позволяя найти домены и принципы, подходящие для построения в конкретной ситуации. Как только эти подсказки соединены с уже существующими конфигурациями, имеющимися когнитивными принципами и фоновыми знаниями, возникает уместная конструкция, и результат намного превосходит любую очевидную эксплицитную информацию. Дан-

ное свойство языка является контринтуитивным: в фольклорной теории слова содержат значения — мы говорим то, что хотим сказать, мы вкладываем значение в слова [Fauconnier 1994: 16].

Выражения не значимы, они являются подсказками для нас, чтобы воссоздать значения, работая с уже известными нам процессами. Нет смысла в высказывании «без скрытого смысла». Когда мы понимаем высказывание, это не значит, что мы понимаем «только слова, из которых оно состоит»; сами по себе слова ничего не значат без обширного детального фонового знания и мощного когнитивного процесса, который осуществляется в данной ситуации [Fauconnier, Turner 1998].

Дискурс разворачивается, многое выходит из тени: появляются новые доминанты, связи, осуществляются абстрактные схемы, появляется и расширяется внутренняя структура, точка зрения и фокус продолжают сдвигаться. Повседневное общение и рассуждения здравого смысла подкрепляются невидимыми, высокоабстрактными ментальными образованиями, которые помогают разобрататься, но сами по себе не определяют значение.

Общим свойством конфигураций ментального пространства является то, что идентификационные соединения связывают элементы пространств, не подразумевая того, что они имеют одинаковые черты и свойства. Пространства возникают из различных источников. Ментальные пространства строятся динамично в работающей памяти, но они могут также укрепляться в долговременной памяти. Фреймы — это укрепившиеся ментальные пространства, которые мы можем активировать одновременно. [Fauconnier 1994: 16].

Важной характеристикой прецедентного феномена является его сфера-источник. Сфера-источник по своей семантической организации представляет собой фрейм, содержащий набор слотов, которые, в свою очередь, могут быть представлены как суб-сферы.

Что касается статуса лингвистических форм, таких как предложения, предложение, появляющееся на какой-либо стадии построения дискурса, содержит несколько видов информации, на которые указывают многочисленные грамматические механизмы. Представим некоторые из данных механизмов.

• **Информация о новых появляющихся пространствах обычно выражается с помощью пространственных конструкций** [Fauconnier 1994].

Например: *Совсем недавно, если оставаться на азиатском треке, я был в очередной раз на Дальнем Востоке, во Владивостоке, посмотрел, как развивается Дальневосточный федеральный университет, который мы построили во Владивостоке к саммиту АТЭС* [Путин В. В., 2013]. Анализируются феномены ментального пространства, относящиеся к политической терминологии (прецедентный феномен, доступный к раскрытию ограниченной аудитории). *Азиатский трек*, имплицитная информация, — тема развития Азиатско-Тихоокеанского региона. Сфера-источник — политика.

• **Подсказки относительно того, какое пространство в данный момент находится в фокусе, каким образом оно относится к основе, насколько оно доступно** [Fauconnier 1994]. Такая информация обычно выражается грамматическими временами и наклонениями.

Например: *Let me begin by thanking President Putin and the people of St. Petersburg and the people of Russia for hosting this G20. This city has a long and storied history, including its heroic resistance and extraordinary sacrifices during the Second World War* [Обама Б., 2013] / *Разрешите начать с выражения слов благодарности президенту Путину и петербуржцам, а также россиянам за организацию Саммита „Большой двадцатки“. Этот город имеет длительную и легендарную историю, и такие ее эпизоды, как героическая стойкость и огромные жертвы, понесенные во время Второй мировой войны.* Анализируются феномены укрепившегося ментального пространства. *Санкт-Петербург — «Блокадный Ленинград» во время Второй мировой войны* (прецедентный феномен, доступный к раскрытию массовой аудитории) — ссылка на исторические фоновые знания. Сфера-источник — Вторая мировая война.

• **Описания, вводящие новые элементы (и, возможно, их составные части) в пространства** [Fauconnier 1994].

Например: *Мы много раз предлагали: „Давайте заключим соглашение о выдаче“. — „Нет, не будем“. Мы говорили: „Отдайте преступников, которые на вашей территории, которые не какое-то эфемерное преступление совершили, связанное с распространением информации, а преступление против личности: убийства, похищения людей“. — „Нет, они на нашей территории, забудьте про них“. Ну ладно. Почему в одностороннем порядке мы должны это делать? Просто некорректно даже ставить*

такой вопрос. Президент и не ставил сегодня, Президент США [Путин В. В., 2013]. Прецедентные высказывания — ссылка на ранее обсуждаемые темы и документы. Сфера-источник — политика.

• **Описания или анафоры и имена, которые определяют существующие элементы (и, возможно, их составные части)** [Fauconnier 1994].

Например: *We discussed Syria, and that was primarily the topic of conversation. Mr. Snowden did not come up beyond me saying that — reemphasizing that where we have common interests I think it's important for the two of us to work together* [Обама Б., 2013]. / Мы осуждали ситуацию в Сирии, это было основной темой нашего разговора. Господин Сноуден не являлся предметом обсуждения со мной — это подчеркивает, что у нас есть общие интересы, и я считаю, что важно для нас обоих работать вместе [Перевод: Обама Б., 2013]. Анализируются феномены укрепившегося ментального пространства. (прецедентные имена Сирия = ситуация в Сирии = единство интересов, Сноуден — одна из точек преткновения в дипломатических отношениях России и США — противостояние, доступное к раскрытию массовой аудитории). Сфера-источник — политика.

I'm not drawing an analogy to World War II other than to say when London was getting bombed it was profoundly unpopular both in Congress and around the country to help the British...To bring the analogy closer to home, the intervention in Kosovo — very unpopular; but ultimately I think it was the right thing to do...When people say that it is a terrible stain on all of us that hundreds of thousands of people were slaughtered in Rwanda, well, imagine if Rwanda was going on right now, and we asked should we intervene in Rwanda [Обама Б., 2013]. Я не привожу аналогию со Второй мировой войной, если не принимать во внимание ситуацию, когда Лондон был подвержен бомбардировке — было чрезвычайно непопулярным решение помогать британцам как в Конгрессе, так и по всей стране... Если приводить аналогию ситуации в недавнем прошлом, вмешательство в Косово было очень непопулярным решением, но в итоге оказалось, что мы поступили верно... Когда говорят, что на всех нас это кровавое пятно сотен тысяч людей убитых в Руанде, и представьте, если бы такая Руанда происходила прямо сейчас, и мы предложили бы вмешаться. Вторая мировая война (прецедентный феномен, доступный к раскрытию массовой аудиторией) — ссылка на исторические фоновые знания. Сфера-источник —

всемирная история. ...Когда Лондон был подвержен бомбардировке (прецедентная ситуация, доступная к раскрытию ограниченным количеством людей, владеющих фоновой информацией) — ссылка на исторические фоновые знания. Сфера-источник — всемирная история. Руанда (прецедентная ситуация, доступная к раскрытию ограниченным количеством людей, владеющих фоновой информацией) — ссылка на исторические фоновые знания. Сфера-источник — политика.

Заметные успехи достигнуты в области реформирования финансового регулирования, в том числе в сфере банковского регулирования, так называемый Базель III, и реформирования рынков внебиржевых деривативов, а также в отношении системно значимых финансовых институтов [Путин В. В., 2013]. Базель III — ссылка на нормативный международный документ по банковскому регулированию (прецедентное имя, доступное к раскрытию ограниченным количеством людей, владеющих фоновой информацией). Сфера-источник — политика.

В целом за последние три года работы с момента принятия в 2010 году Сеульского многолетнего плана действий „двадцатка“ достигла ощутимых успехов в сфере содействия развитию [Путин В. В., 2013]. Сеульского многолетнего плана — ссылка на нормативный международный документ по обеспечению уверенного, устойчивого и сбалансированного экономического роста (прецедентное имя, доступное к раскрытию ограниченным количеством людей, владеющих фоновой информацией). Сфера-источник — политика.

• **Синтаксическая информация, которая обычно определяет схемы и фреймы родового уровня** [Fauconnier 1994].

Например: *Чеченцы, во-первых, пострадали в результате репрессий. Но война и вообще, и чеченцы, и ингуши, очень многое сделали для победы в Великой Отечественной войне. Вели себя исключительно мужественно, проявили себя как храбрые воины и защитники Отечества. Это очевидный факт, этому есть многочисленные документальные подтверждения. Чеченцы — героический народ по менталитету. Так себя и вели в условиях, когда пришла беда в наш общий дом* [Путин В. В., 2013]. Чеченцы, вайнахи, ингуши — этническая принадлежность (прецедентный феномен, доступный к раскрытию ограниченным количеством людей, владеющих фоновой информацией; Великая Отечественная война — укрепившийся прецедентный феномен). Сфера-источник — история.

• **Лексическая информация, которая объединяет элементы ментального пространства в фреймы и когнитивные модели из фоновой информации; данная информация структурирует пространства внутри, пользуясь доступными пресструктурированными фоновыми схемами.** Такие пресструктурированные схемы могут, однако, быть изменены и раскрыты внутри конструкций в процессе [Fauconnier 1994].

Например: *The Arab League foreign ministers have said the Assad regime is responsible and called for “deterrent and necessary measures against the culprits of this crime.” The Organization of Islamic Cooperation — its general secretariat has called the attack a “blatant affront to all religious and moral values and a deliberate disregard of international laws and norms, which requires a decisive action”* [Обама Б., 2013].

Министры иностранных дел **Арабской лиги** заявили, что режим Асада несет за это ответственность, и призвали к „сдерживающим и необходимым мерам против виновников этого преступления“. **Организация исламского сотрудничества**, ее генеральный секретариат назвал атаку „вопиющим оскорблением всех религий и моральных ценностей и умышленным пренебрежением международными законами и нормами, что требует решительных действий“. Арабская лига, Лига арабских государств / Организация исламского сотрудничества — ссылка на существующую международную организацию (прецедентное имя, доступное к раскрытию ограниченным количеством людей, владеющих фоновой информацией). В речи содержатся элементы прецедентных высказываний, связанных с предшествующими событиями на политической арене. Сфера-источник — политика.

А **Сноуден** не осужден, он у нас не совершал никаких преступлений. Еще раз хочу подчеркнуть: **господин Сноуден** оказался у нас случайно, мы сюда его не пригласили и не заманивали. Он бы транзитом так и просвистел куда-нибудь в **Латинскую Америку**, но ваши соотечественники, как бы это сказать, чтобы лишнего не ляпнуть, — в общем, они с присутствующим им обычным блеском всех так напугали, что он застрял на нашей территории, просто застрял... Они взяли и посадили самолет президента Боливии без всяких истребителей, просто воздушное пространство закрыли, и всё. Ведь так же могли поступить и со **Сноуденом**, если бы он летел на гражданском самолете, — посадили бы его, и всё, закрыв воздушное

пространство [Путин В. В., 2013]. Сноуден — бывший сотрудник разведки США, находящийся на территории РФ, один из «каменных преткновения» в дипломатических отношениях между Россией и США — противостояние, доступное к раскрытию массовой аудиторией. Сфера-источник — политика.

Мне очень сложно ответить на этот вопрос. Ведь с чего началось и к чему пришли в Египте, для всех понятно. Началось с устранения от власти **президента Мубарака**, легализации „**Братьев-мусульман**“, а теперь „**Братья-мусульмане**“, опять практически в подполье [Путин В. В., 2013]. „Братья-мусульмане“ — ссылка на существующую международную организацию (прецедентное имя, доступное к раскрытию ограниченным количеством людей, владеющих фоновой информацией). Сфера-источник — политика.

• **Пресуппозиционные маркировки, которые позволяют некоторым структурам мгновенно распространяться в пространственной конфигурации** [Fauconnier 1994].

Например: *Вы знаете, большие планы у „Газпрома“ и по поставкам газа, и по поставкам сжиженного газа. Мы впервые допустили китайских партнеров в одно из наших крупнейших месторождений. Наша компания „НОВАТЭК“ будет работать вместе с китайскими партнерами на Ямале, на одном из самых перспективных участков по разработке газовых и нефтяных месторождений, в данном случае газовых* [Путин В. В., 2013]. Описание предпосылок с помощью элементов будущего времени, используются прецедентные имена — **Газпром**, **НОВАТЭК** — крупнейшие российские предприятия, **китайские партнеры** — прецедентный феномен-ссылка на серьезные партнерские отношения с Китаем. Сфера-источник — политика.

• **Прагматическая и риторическая информация, передаваемая такими словами, как «даже» (even), «но» (but), «уже» (already), которые обычно сигнализируют о масштабе имплицитности в рассуждениях и аргументации** [Fauconnier, 1994].

Предложение любого естественного языка когнитивно сложное, так как оно инкорпорирует информацию и создает направления на различных уровнях. Какой тип значения будет получен, зависит от конфигурации ментального пространства, созданного ранее возникшим дискурсом, к которому фактически относится предложение.

Например: *If we're just issuing another statement of condemnation, or passing resolutions saying “wasn't that terrible,” if people who decry international inaction in Rwanda*

and say how terrible it is that there are these human rights violations that take place around the world and why aren't we doing something about it — and they always look to the United States — why isn't the United States doing something about this, the most powerful nation on Earth? [Обама Б., 2013]. / *Если бы мы в очередной раз выносили ноту осуждения или принимали бы резолюции типа „не так уж и плохо, могло быть и хуже“, если бы люди, которые порицают международное бездействие в Руанде, и говорили, как плохо то, что нарушаются права человека по всему миру и почему мы ничего не делаем, чтобы этому противостоять — и они всегда смотрят на Соединенные Штаты: почему Соединенные Штаты, самая мощная держава на Земле, ничего не делают? Руанда —* прецедентное имя, скрывающее имплицитную информацию — ссылка на современный геноцид, *Соединенные Штаты, самая мощная держава на Земле —* прецедентное высказывание, ссылка на высказывание — феномен укрепившегося ментального пространства американцев о величии своей страны. Сфера-источник — политика.

Такое видение языка и значения получило значительную поддержку в работах других когнитивных лингвистов, в особенности в исследованиях Дж. Лакоффа по концептуальной метафоре и идеализированным когнитивным моделям, в фреймовой семантике и грамматике конструкций Ч. Дж. Филлмора, когнитивной и концептуальной теориях грамматики Р. Лангакера и Л. Талми, а также в анализе модальности, условных конструкций и диахронических семантических изменений И. Свитсера.

Конструкции ментальных пространств когнитивны, они не являются указателями, они сами по себе могут указывать на реальные или, возможно, воображаемые миры. И, что важно, они содержат элементы, которые не имеют и не могут иметь прямой ссылки на мир. В таком расширенном смысле ментальные пространственные конфигурации являются ментальными моделями, но, конечно, они являются ментальными моделями дискурса, а не ментальными моделями мира.

Ментальные пространства возникают и изменяются в раскрытии мысли и дискурса и связываются друг с другом различными видами переносов, в особенности идентичных и аналогичных переносов. Была выдвинута гипотеза, что на нейтральном уровне ментальные пространства — это наборы активированных нейронных соединений и что связь элементов относится к коактивационным связям. С этой точки зрения, менталь-

ные пространства действуют в работающей памяти, но они построены частично с помощью активации структур, хранящихся в долгосрочной памяти.

Взаимоотношения России и США демонстрируют длительную историю противостояния, что также очевидно при сравнительном анализе прецедентных имен в рамках ментального пространства. Это противостояние подчеркивается принципиальным различием существующего прецедента мировой истории со сферой-источником «Вторая Мировая война» в ментальном пространстве двух наций. Данный прецедентный феномен является наиболее частотным в двухстороннем контексте, по-разному укрепившимся в ментальном пространстве двух наций — русской и американской. В сознании русского народа феномен «Вторая мировая война» равен основному в русском ментальном пространстве родительскому феномену «Великая Отечественная война», что подчеркивает осознание, существующее в менталитете русского народа, себя как народа-победителя, приложившего нечеловеческие усилия в достижении мира на земле. В ментальном пространстве русского народа роль остальных наций во Второй мировой войне фактически является второстепенной. Ментальное пространство американцев содержит в себе укрепившийся феномен Второй мировой войны, где объединенными усилиями российской армии и союзников была достигнута победа над фашизмом. Данное принципиальное противоречие в построении схемы ментального пространства и его основных феноменов определяет сущность противоречий двух национальных картин мира и различие во взглядах на остальные современные вопросы: Сирию, Сноудена, Руанду, Косово, отношения с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Таким образом, в результате сравнительного анализа использования прецедентных феноменов в политическом дискурсе мы выяснили, что процедура концептуальной интеграции в большинстве случаев ведет не к порождению нового знания, а к адаптации уже существующего знания к мировосприятию рядового носителя языка и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пресс-конференция Владимира Путина по итогам саммита «Группы двадцати». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19168> (дата обращения: 04.05.2016).
2. Чудинов А. П., Будаев Э. В. Метафора в политической коммуникации. — М.: Флинта : Наука, 2008.
3. Gilles Fauconnier, Mark Turner. Conceptual Integration Networks. Cognitive Science. Cognitive Science Society, Inc., 1998.
4. Gilles Fauconnier, Mark Turner. Conceptual Projection and Middle Spaces. Report 9401 // Department of Cognitive Science University of California, San Diego La Jolla, California 92093—0515. April 1994.

5. Gilles Fauconnier, Mark Turner. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. — New York : Basic Books, 2002.
6. Gilles Fauconnier, Eve Sweetser (Foreword), George Lakoff (Foreword). *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. 2nd ed. ed. — Cambridge Univ. Pr., 1994.
7. Gilles Fauconnier. *Mappings in Thought and Language*. Cambridge Univ. Pr., 1997.
8. George Lakoff. *Presupposition and Relative Well-formedness // Philosophical Linguistics. Series I: Great Expectations: An Interdisciplinary Reader / W. Todd (ed.)*. — Cambridge Univ. Pr., 1971.
9. Matsumoto Y. *Subjective-change expressions in Japanese and their cognitive linguistic bases // Spaces, Worlds and Grammar / G. Fauconnier, E. Sweetser (eds.)*. — Univ. of Chicago Pr., 1996.

S. A. Anisimova
Surgut, Russia

THE ROLE OF PRECEDENT PHENOMENA IN THE PROCESS OF MENTAL SPACE FORMATION (BASED ON THE COMPARATIVE ANALYSIS OF V.V. PUTIN AND B. OBAMA DISCOURSES)

ABSTRACT. *This research is made within the scope of political discoursesology research area, oriented to study the national mental space of the Russians and the Americans on the ground of the national representatives' speeches — the presidents of Russia and the USA. This article aims to perform the comparative cognitive research of application mechanism of the precedent names and phenomena in the political discourse of Vladimir Putin and Barack Obama. The cognitive approach to the political discourse intends to study its mental structures including stereotyped and standard conceptualization of the political world which are distinguished by its structure and image—bearing emotional stability. In particular, the research recognizes stereotyped images of different national and ethnical communities, separate countries, dual stereotypes such as “insiders and outsiders”, “us and them” creating the images of “friends and enemies”. The public materials of the mentioned countries' leaders on the summit G20 in Saint—Petersburg in 2013 have been compared, the important aspects of the culturally determined knowledge existence and conceptualization have been consequently studied. The linguistic analysis of the political discourse in general and the political speech in particular can be successful on condition of taking into account the details of both linguistic and political behavior. Lexical—semantic approach to the political discourse analysis aims to study the lexical items of the specific political speeches and texts. The author is focused on the precedent phenomena—representations of the mental space. The results of the comparative analysis provide the opportunity to define the viewed extract of the national mental space and to emphasize the general characteristics and national peculiarities relevant to the representatives of the Russian and American political elite.*

KEYWORDS: *mental space; mentality; precedent name; precedent phenomenon; translation; discourse; conceptual blending; stereotyped impacts; language; social representations; cognitive space.*

ABOUT THE AUTHOR: *Anisimova Sofia Anatolyevna, Post-graduate Student of the Linguistics and Cross-cultural Communication Department at “Surgut State University”; Limited Liability Company “KINGS TRAVEL GROUP, Surgut, Russia.*

REFERENCES

1. *Press-konferentsiya Vladimira Putina po itogam sammita «Gruppy dvadtsati»*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19168> (data obrashcheniya: 04.05.2016).
2. Chudinov A. P., Budaev E. V. *Metafora v politicheskoy kommunikatsii*. — M. : Flinta : Nauka, 2008.
3. Gilles Fauconnier, Mark Turner. *Conceptual Integration Networks*. Cognitive Science. Cognitive Science Society, Inc., 1998.
4. Gilles Fauconnier, Mark Turner. *Conceptual Projection and Middle Spaces*. Report 9401 // Department of Cognitive Science University of California, San Diego La Jolla, California 92093—0515. April 1994.
5. Gilles Fauconnier, Mark Turner. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. — New York : Basic Books, 2002.
6. Gilles Fauconnier, Eve Sweetser (Foreword), George Lakoff (Foreword). *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. 2nd ed. ed. — Cambridge Univ. Pr., 1994.
7. Gilles Fauconnier. *Mappings in Thought and Language*. Cambridge Univ. Pr., 1997.
8. George Lakoff. *Presupposition and Relative Well-formedness // Philosophical Linguistics. Series I: Great Expectations: An Interdisciplinary Reader / W. Todd (ed.)*. — Cambridge Univ. Pr., 1971.
9. Matsumoto Y. *Subjective-change expressions in Japanese and their cognitive linguistic bases // Spaces, Worlds and Grammar / G. Fauconnier, E. Sweetser (eds.)*. — Univ. of Chicago Pr., 1996.
10. Todd Oakley, Anders Hougaard. *Mental Spaces in Discourse and Interaction*. — John Benjamins Publishing Company, 2008.
11. *Analogic and Metaphoric Mapping in Blended Spaces: Menendez Brothers Virus*. Seana Coulson Department of Cognitive Science, UCSD // CRL Newsletter. URL: <http://crl.ucsd.edu/newsletter/9-1/> (date of access: 04.04.2016).
12. *The Cognitive Science of Presocratic Metaphysics / George Lakoff* // URL: <https://georgelakoff.files.wordpress.com/2011/04/the-cognitive-science-of-presocratic-metaphysics-lakoff-1994.pdf> (date of access: 04.04.2016).
13. *Remarks by President Obama in a Press Conference at the G20*. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/09/06/remarks-president-obama-press-conference-g20> (date of access: 04.05.2016).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Е. Е. Коптякова
Сургут, Россия

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТЕРЕОТИПНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГЕРМАНИИ
В РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ**

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена специфике исследования этнических стереотипов, проводимого с использованием психолингвистического эксперимента. Целесообразность экспериментального изучения языковой картины мира, языкового сознания в настоящее время признается многими исследователями. Автор раскрывает преимущества использованных в работе методов и приводит примеры применения ассоциативных экспериментов для изучения стереотипов. В данном исследовании, посвященном экспериментальному изучению стереотипных представлений о Германии в национальном сознании русских и американцев, методологической основой выступает метод свободных ассоциаций, методика лексико-семантического анализа коннотаций этнонимов и методика семантического дифференциала. Автор описывает участников эксперимента, его ход, процедуру обработки материала. В процессе проведения эксперимента наряду со стереотипными представлениями о Германии и немецкой нации, общими для российской и американской картин мира, были выявлены некоторые особенности стереотипного образа Германии, характерные для американского и российского менталитетов. Выявленная этноспецифика образа объясняется отличиями в национальных системах ценностей и особенностями межнациональных отношений в историческом аспекте. Для американского национального сознания специфично акцентирование таких характеристик, как «сильный», «умный», «культурный», «агрессивный», «националист», в русском языковом сознании дифференцирующими чертами немецкого национального характера выступают «аккуратность» и «грубость», также российские информанты указывают на следующие представления: «Германия — это страна новаторов», «Германия — это символ высокого качества».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этнические (национальные) стереотипы; картина мира; образ Германии; немцы; экспериментальное исследование.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Коптякова Елена Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания английского языка и перевода, Сургутский государственный университет; 628400, г. Сургут, пр-т Ленина, 1; e-mail: koptyakova-elena@yandex.ru.

Познание закономерностей живого языка невозможно без учета психологической составляющей [Щерба 2007]. Целесообразность экспериментального изучения языковой картины мира, языкового сознания в настоящее время признается многими исследователями. Одним из самых адекватных методов построения картины мира является изучение материала, полученного от носителей языка при помощи ассоциативного эксперимента.

История изучения социальных и национально-культурных стереотипов насчитывает немало случаев применения ассоциативных экспериментов. Ю. Е. Прохоров объясняет просматриваемую закономерность тем, что «стереотипность реакции — уже сам по себе факт, связанный с определенной культурой» [Прохоров 2006: 119]. В этой связи следует отметить диссертационное исследование В. А. Буряковской [Буряковская 2000], в котором производилась реконструкция различных этнических образов. Значительный вклад в изучение стереотипов внес Н. В. Уфимцевой [Уфимцева 1998], которая проводила анализ свойств русского национального характера, выявленных в результате ассоциативного эксперимента. О. А. Леонтович использовала психолингвистический эксперимент для определения соотношения авто- и гетеростереотипов во взаимовосприятии [Леонтович 2005]. Направленный вариант ассоциативного эксперимента приводится в качестве примера, использованного для выявления специфики

коммуникативного поведения финнов, в работе Ю. Е. Прохорова и И. А. Стернина [Прохоров, Стернин 2006: 73—82].

Для исследования образа Германии и немецкой нации, бытующих в российской и американской картинах мира, за **методологическую основу** были взяты следующие методики: методика свободного ассоциативного эксперимента, методика семантического дифференциала и методика проведения лексико-семантического эксперимента по выявлению стереотипов национального характера через анализ коннотаций этнонимов, разработанная И. М. Кобозевой [Кобозева 2007: 185—197]. Преимущество анализа коннотаций этнонимов перед ассоциативным экспериментом, по мнению И. М. Кобозевой, заключается в том, что степень свободы ассоциации в данном случае оказывается значительно сужена заранее заданным контекстом с целью отклонения индивидуальных, субъективных ассоциаций и акцентуации общепринятых ассоциативных норм [Кобозева 2007: 187]. Процедуры, составляющие методику семантического дифференциала, состоят в предъявлении каждому индивиду набора полярных шкал, которые необходимо оценить по трех-, пяти- или семибалльной системе. Основными преимуществами данной методики выступают возможность не только качественного определения, но и количественного измерения стереотипов, а также возможность проведения сопоставительных исследований. Наиболее наглядным примером использования метода

семантического дифференциала является работа польского исследователя Е. Бартминского, который рассмотрел стереотипные характеристики поляков и немцев, бытующие среди польских студентов [Бартминский 1995: 7—8].

Эксперимент по исследованию стереотипных представлений проводился на базе Сургутского государственного университета (СурГУ) и молодежного лагеря в Соединенных Штатах Америки (штат Массачусетс). В роли русскоязычных респондентов выступили студенты и преподаватели различных факультетов СурГУ общей численностью 100 человек. С американской стороны в тестировании участвовали персонал и воспитатели молодежного летнего лагеря, их количество составило также 100 человек. В общей сложности в анкетировании участвовало 200 человек в возрасте от 18 до 50 лет. Тестирование испытуемых проводилось в несколько взаимосвязанных этапов, на каждом из которых использовались особые виды заданий.

Задачей первого этапа эксперимента являлось выявление у испытуемых свободных ассоциаций на предъявляемое слово-стимул «Германия».

Тест 1. Какие ассоциации у вас возникают при упоминании *Германии*?

Анализируя данные, полученные от российских и американских респондентов, мы пришли к выводу, что приведенные испытуемыми реакции на слово-стимул *Германия* можно разбить на шесть тематических групп, присутствующих в обеих национальных языковых картинах мира: «война», «персоналии», «автомобили», «пиво и сосиски», «географические названия», «культурные феномены».

В подгруппу «война» были объединены такие реакции, как *фашист, война, фриц* (реакции русских респондентов), *Nazi, Holocaust* (реакции американских респондентов) и др. Категория «персоналии» включает имена известных представителей немецкой нации: *Гётте, Ницше, Гессе* (ассоциаты русскоязычного теста), *Bismarck, Angela Merkel* (варианты ответов американских информан-

тов) и т. д. Категория «автомобили» представлена названиями популярных немецких автомобильных марок: в российской картине мира это *Mercedes Benz, BMB, Фольксваген*, в американской лидируют *Audi, Mercedes Benz*. Еще одной частотной в обеих национальных картинах мира категорией является раздел, отражающий кулинарные пристрастия немцев. Как показал эксперимент, среди большого количества немецких национальных блюд именно пиво и сосиски прочно связаны с образом Германии в российском и американском национальном сознании. Достаточно большое количество ассоциатов, представляющих собой названия рек (в русских тестах — *Рейн*, в американских — *Rhein*), городов Германии (в русском варианте — *Берлин, Мюнхен*, в американском — *Munich, Frankfurt, Berlin*), земель (среди русских информантов — *Бавария*, среди американских испытуемых — *Bavaria*) и других объектов обусловило выделение отдельного тематического раздела «географические названия». В категорию «культурные феномены» были объединены различные ответы: в российской картине мира — *Октоберфест, Фауст, Бременские музыканты*; в американской картине количественно значимым культурным феноменом выступает *Octoberfest*.

Обобщенные результаты тестирования, отражающие компоненты, общие для образа Германии в русском и американском национальном сознании, представлены в таблице 1.

Как видно из представленной таблицы, наблюдается сравнительная количественная идентичность реакций, относящихся к сфере «география», «автомобили», «культурные феномены». Несовпадение количественных параметров просматривается в сферах «война», «персоналии» и «пиво и сосиски». Американскому сознанию присуща более высокая частотность ассоциаций Германии со Второй мировой войной, с конкретными известными представителями Германии, в то время как в российском сознании количественно преобладает ассоциация с Германией как с родиной сосисок и пива.

Таблица 1

Тип реакции	Кол-во в российской картине мира (из 650 реакций)	Кол-во в американской картине мира (из 500 реакций)
война	201 (31 %)	190 (38 %)
любовь к пиву и сосискам	123 (19 %)	65 (13 %)
географические названия и достопримечательности	110 (17 %)	95 (19 %)
автомобили	33 (5,1 %)	30 (6 %)
культурные феномены	33 (5,1 %)	35 (7 %)
персоналии	26 (4 %)	45 (9 %)

С нашей точки зрения, ассоциаты, входящие в категории «географические названия и достопримечательности», «культурные феномены», «персоналии», ценны тем, что отражают компоненты концепта «Германия», но не могут быть отнесены к разряду национальных стереотипов, по причине чего не будут учитываться на последующих этапах эксперимента.

В задачу второго этапа эксперимента входило определение стереотипных представлений о немецкой нации, бытующих в российской и американской картинах мира.

Тест 2. Продолжите следующее высказывание: *Он по-немецки...*

Методика проведения данного теста предполагает специфический порядок обработки результатов [Кобозева 2007: 185—197]. Простое выявление релевантных реакций, общее число которых составило 100 среди ответов американских и 100 — русских респондентов, не определяет бытующие стереотипы сознания в силу большого разнообразия реакций. Для установления стереотипных представлений необходимо произвести анализ семантических компонентов приведенных в ответах испытуемых лексем. На этом этапе производится обобщение полученных результатов: близкие по семантике ассоциаты сводятся в один ряд, которому приписывается единый дескриптор, а их частотность суммируется. Так, реакции *пунктуален* (9), *педантичен* (10), *собран* (8), *дисциплинирован* (10), *законопослушен* (10), *точен* (10), *четок* (3) сводятся в дескриптор «ПЕДАНТИЧНЫЙ», которому приписывается суммарная частота всех входящих в него лексем (60). Подведя разнородные лексемы под определенные дескрипторы, целесооб-

разно, по мнению И. М. Кобозевой, провести последующую декомпозицию слов-дескрипторов с целью выявления общих для них сем. Так, например, для лексем *педантичный*, *вежливый* общим интегральным семантическим компонентом является «соблюдающий норму».

В результате обработки и сопоставления результатов эксперимента, проведенного среди российских и среди американских респондентов, были выявлены следующие стереотипы национального немецкого характера, общие для русской и американской картин мира: *соблюдающий правила* (130 реакций) — *following the rules* (90), *трудолюбивый* (31) — *hard-working* (25), *сдержанный* (20) — *cold* (25), *образованный* (2) — *educated* (35), *жестокий* (2) — *aggressive* (10), *аккуратный* (15) — *neat* (2). Между тем, несмотря на наличие в ответах как российских, так и американских респондентов лексем *образованный* (*educated*), *жестокий* (*aggressive*), *аккуратный* (*neat*), слишком явное несовпадение их количественных параметров скорее указывает не на общность этих свойств, а на значимое различие в восприятии представителей немецкой нации русским и американским национальным сознанием, вследствие чего общими стереотипными представлениями о немцах для американской и российской картины мира выступают характеристики *соблюдающий норму* (*following the rules*) и *трудолюбивый* (*hard-working*).

Обобщенный результат обработки данных теста 2, отражающий доминирующие стереотипы немецкого национального характера в российском и американском сознании, представлен в таблице 2.

Таблица 2

Дескриптор	Частота	Реакции (общее количество реакций российских респондентов — 300, американских — 280)
соблюдающий норму <i>following the rules</i>	130 90	<i>пунктуален, собран, дисциплинирован, законопослушен, точен, щепетилен, вежлив, скучен</i> и т. д. <i>ordered, disciplined, well-organized, strict, following the rules, traditional</i>
трудолюбивый <i>hard-working</i>	31 25	<i>трудолюбив, целеустремлен, работоспособен</i> и т. д. <i>hard-working, industrious, good at work and others</i>
сдержанный <i>cold</i>	20 25	<i>сдержан, замкнут, необщительный</i> и т. д. <i>cold, not friendly, serious and others</i>

Задачей третьего этапа эксперимента стало выявление доминирующих стереотипных представлений о немецком национальном характере путем определения количественных параметров стереотипов согласно методике семантического дифференциала.

Тест 3. Напротив каждого прилагательно-го, обозначающего черты характера, поставь-

те 0 — если данная черта практически отсутствует в немецком характере, 1 — если данная черта присутствует, но выражена слабо, 2 — если данная черта присутствует, но не определяет характер, 3 — если данная черта является характерной для немецкой нации.

В разделе бытовых признаков, включавшем такие черты характера, как *предприим-*

чивый, практичный, бережливый, зажиточный, трудолюбивый, трезвенник, аккуратный и их антонимичные корреляты, объединяющими для российской и американской картин мира выступили характерные признаки *трудолюбивый* (*industrious*), получивший маркер «3» у 50 российских респондентов и 71 американского, и *практичный* (*practical*), отмеченный 69 российскими и 40 американскими информантами.

В подгруппе психических и интеллектуальных признаков, состоявшей из характеристик *храбрый, гордый, чувствительный, умный, серьезный, терпеливый, романтический* и их антонимичных соответствий, как российскими, так и американскими испытуемыми были отмечены признаки *серьезный* (*serious*), *сдержанный* (*reserved*), *гордый* (*proud*) — их доминирование в обеих национальных картинах мира подтверждается большим количеством маркеров «3», поставленных респондентами, что в сопоставительном плане показывает следующее соотношение: *серьезный* (63), *сдержанный* (57), *гордый* (51) в российской картине мира и *serious* (71), *reserved* (42), *proud* (53) в американской.

Анализ результатов дифференциального шкалирования черт характера, относящихся к социальным признакам, а именно: *законопослушный, щедрый, пунктуальный, педантичный, общительный, независимый, культурный, спокойный, мягкий, терпимый, организованный* и их антонимичных соответствий показал, что преобладающее количество маркеров «3» и в российской, и в американской картине мира получили признаки *законопослушен* (*law-obedient*), отмеченный 61 российским и 57 американскими

респондентами, *пунктуален* (*punctual*) — выделен 77 и 57 испытуемыми соответственно и *организован* (*well-organized*) — определен 69 российскими и 60 американскими респондентами.

В подгруппе идеологических признаков, к которым, согласно заданию теста, были отнесены *патриотичный* (*patriotic*), *религиозный* (*religious*), *националистичный* (*nationalistic*), было выявлено отчетливо выраженное в обеих национальных картинах мира преобладание такой черты, как *патриотичный* (*patriotic*), отмеченной 63 российскими и 64 американскими респондентами.

Как видно из результатов анализа, список черт немецкого национального характера, выявленных на данном этапе эксперимента, несколько объемнее набора характеристик, выявленных на втором этапе тестирования, и, помимо *трудолюбия, законопослушности, организованности, пунктуальности*, включает также *серьезность, сдержанность, гордость и патриотизм* в качестве доминирующих свойств, приписываемых представителю немецкой нации русскими и американцами.

Обобщенные данные отражены в диаграмме (см. рис.).

Таким образом, **результаты проведенного эксперимента** позволяют выделить в образе Германии ряд стереотипных представлений, идентичных для российского и американского национального сознания. К таковым, в частности, относятся следующие: «Германия — это Вторая мировая война», «Германия — это страна пива и сосисок», «Германия — это страна знаменитых автомобилей».

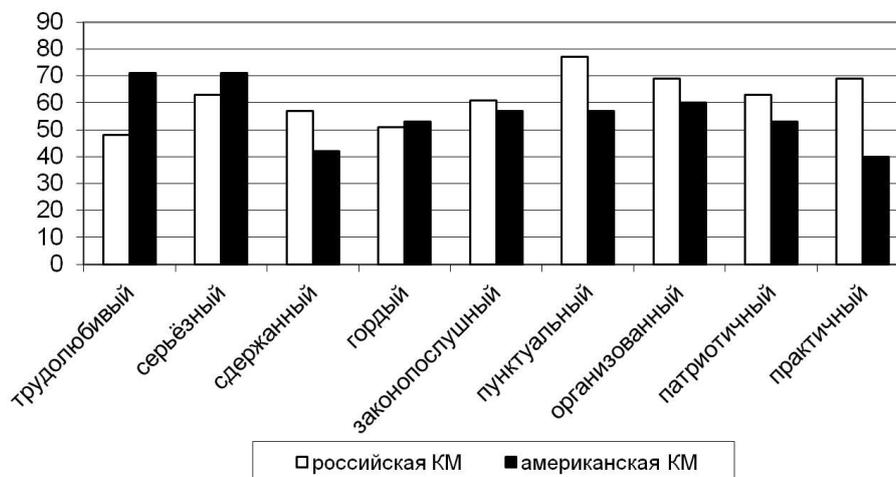

Рис. Стереотипы немецкого национального характера в русской и американской картинах мира

Образ представителя немецкой нации концептуализируется в определенных чертах характера. К числу наиболее выраженных черт немецкого национального характера, с точки зрения российского и американского менталитета, относятся *трудолюбие, серьёзность, сдержанность, гордость, законопослушность, пунктуальность, организованность, практичность, патриотизм*.

В процессе проведения эксперимента наряду со стереотипными представлениями о Германии и немецкой нации, общими для российской и американской картин мира, нами были выявлены некоторые особенности стереотипного образа Германии, характерные для американского и российского менталитетов.

Специфической особенностью американского национального сознания является акцентирование характеристик *strong (сильный), intelligent (умный), cultured (культурный), aggressive (агрессивный), nationalistic (националист)* по отношению к типичному представителю немецкой нации.

Российские информанты фиксируют внимание на следующих представлениях: «Германия — это страна новаторов», «Германия — это символ высокого качества», дифференцирующими чертами немецкого национального характера в русском языковом сознании выступают *аккуратность и грубость*.

Вполне закономерно, что способы представления о мире могут быть различными у разных народов. Применение методики свободного эксперимента, методики лексико-семантического анализа коннотации этнонимов и метода семантического дифференциала позволило выявить общие черты образа Германии в российском и американском национальном сознании и определить национально-культурную специфику представления Германии в указанных картинах мира.

Е. Е. Коптыakova
Surgut, Russia

EXPERIMENTAL RESEARCH OF STEREOTYPES OF GERMANY IN THE RUSSIAN AND AMERICAN MENTALITIES

ABSTRACT. *The article studies ethnic stereotypes peculiarities revealed with the help of a psycholinguistic experiment. An experimental approach in linguistics is well acknowledged nowadays. The author describes advantages of the methods used in the study and gives examples of cases when experimental procedures have been applied to national stereotypes studies. This paper is aimed at experimental study of the image of Germany in the Russian and American mentalities. The methodological basis includes a method of free associations, a method of lexical semantics used for the ethnicon connotation analysis, and a semantic differential test. The author describes the subjects, the test and results evaluation procedures of the experiment. As the study shows there are common features of the image of Germany that the Russians and Americans share as well as those that are peculiar for a particular mentality. The results can be explained by the differences in the both countries' national values and the nature of historic relations between the countries. It is typical of the American mentality to stress such characteristics as "strong", "clever", "polite", "aggressive", "nationalist" when describing the Germans, in the Russian mentality among the differential features of the German national character are "orderliness" and "rudeness"; besides the Russian interviewees name the following: "Germany is a country of innovators", "Germany is the symbol of high quality".*

KEYWORDS: *ethnic (national) stereotypes, world view, image of Germany, Germans, experimental study.*

ABOUT THE AUTHOR: *Koptyakova Elena Evgen'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Methods of Teaching English, Translation and Interpretation, Surgut State University, Surgut, Russia.*

Выявленная этноспецифика образа Германии в российской и американской картинах мира обусловлена различиями в системе ценностных ориентиров, характерных для различных национальных менталитетов, а также контекстом межнациональных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е. Ксеностереотипы в языковой картине мира и в дискурсе Европейского парламента // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 74—79.
2. Бартминский Е. Этноцентризм стереотипа: результаты исследования немецких (Бохум) и польских (Люблин) студентов в 1993—1994 гг. // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии : тез. конф. — М., 1995. С. 7—9, 161—162.
3. Буряковская В. А. Признак этничности в семантике языка (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2000. 24 с.
4. Горшунов Ю. В., Горшунова Е. Ю. Этнические ярлыки в речи детей и подростков англоязычного мира // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 156—161.
5. Иванова М. Г. Особенности русского национального характера в контексте системы верований и языка // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 199—203.
6. Качмазова А. У., Тамерьян Т. Ю. Когнитивные механизмы этностереотипизации «своих» и «чужих» // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 298—305.
7. Качмазова А. У., Тамерьян Т. Ю. Метафорическое поле социоэтнического типажа «кударец» // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 102—112.
8. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : учеб. 3-е изд., стер. — М. : КомКнига, 2007. 352 с.
9. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. — СПб., 1998.
10. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения : моногр. — М. : Гнозис, 2005. 352 с.
11. Маклашова Е. Г. Дискурс этничности в правовом поле национального субъекта Федерации (на материале Республики Саха (Якутии)) // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 153—156.
12. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. — М. : КомКнига, 2006. 224 с.
13. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. 2-е изд., доп. и испр. — М. : Флинта : Наука, 2006. 328 с.
14. Уфимцева Н. В. Этнические и культурные стереотипы: кросс-культурное исследование // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 1995. Т. 54, № 3. С. 55—62.
15. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. — М. : КомКнига, 2007. 432 с.

REFERENCES

1. Alferov A. V., Kustova E. Yu., Popova G. E. Ksenostereotipy v yazykovoy kartine mira i v diskurse Evropeyskogo parlamenta // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3. S. 74—79.
2. Bartminskiy E. Etnotsentrizm stereotipa: rezul'taty issledovaniya nemetskikh (Bokhum) i pol'skikh (Lyublin) studentov v 1993—1994 gg. // Rechevye i mental'nye stereotipy v sinkhronii i diakhronii : tez. konf. — M., 1995. S. 7—9, 161—162.
3. Buryakovskaya V. A. Priznak etnichnosti v semantike yazyka (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2000. 24 s.
4. Gorshunov Yu. V., Gorshunova E. Yu. Etnicheskie yarlyki v rechi detey i podrostkov angloyazychnogo mira // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2. S. 156—161.
5. Ivanova M. G. Osobennosti russkogo natsional'nogo kharaktera v kontekste sistemy verovaniy i yazyka // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3. S. 199—203.
6. Kachmazova A. U., Tamer'yan T. Yu. Kognitivnye mekhanizmy etnostereotipizatsii «svoikh» i «chuzhikh» // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4. S. 298—305.
7. Kachmazova A. U., Tamer'yan T. Yu. Metaforicheskoe pole sotsioetnicheskogo tipazha «kudarets» // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2. S. 102—112.
8. Kobozeva I. M. Lingvisticheskaya semantika : ucheb. 3-e izd., ster. — M. : KomKniga, 2007. 352 s.
9. Kuznetsov S. A. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. — SPb., 1998.
10. Leontovich O. A. Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniya : monogr. — M. : Gnozis, 2005. 352 s.
11. Maklashova E. G. Diskurs etnichnosti v pravovom pole natsional'nogo sub'ekta Federatsii (na materiale Respubliki Sakha (Yakutii)) // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4. S. 153—156.
12. Prokhorov Yu. E. Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev. — M. : KomKniga, 2006. 224 s.
13. Prokhorov Yu. E., Sternin I. A. Russkie: kommunikativnoe povedenie. 2-e izd., dop. i ispr. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 328 s.
14. Ufimtseva N. V. Etnicheskie i kul'turnye stereotipy: krosskul'turnoe issledovanie // Izv. RAN. Ser. literatury i yazyka. 1995. T. 54, № 3. S. 55—62.
15. Shcherba L. V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. — M. : KomKniga, 2007. 432 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Т. И. Шутова
Нижний Новгород, Россия

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА В АМЕРИКАНСКОМ ДИСКУРСЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ (1972—2012): ОПЫТ КОРПУСНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА

АННОТАЦИЯ. В статье на материале специально составленного автором корпуса текстов рассматривается эволюция дискурсивного представления мира (*the world*) в официальном американском дискурсе противодействия терроризму в период с 1970-х гг. до 2012 г. Для этого весь корпус объемом порядка 730 тыс. слов был поделен на четыре подкорпуса, хронологические границы между которыми проходят по знаковым для современной истории США событиям и терактам. С помощью онлайн-инструмента для анализа нарративных структур «Texttexture» была обоснована важность концепта «world» в изучаемом дискурсе. Далее с помощью компьютерных программ для анализа корпусов «AntConc» и «kwic» были отобраны и проанализированы производные от «world» лексемы. Анализу также подверглись отобранные с помощью функции KWIC («KeyWord-In-Context») различные типы словосочетаний со словами «world» и «worldwide», а также результаты статистического теста на взаимную сочетаемость MI (Mutual Information), позволяющего выявлять наиболее значимые ассоциации со словом «world» для каждого отдельного подкорпуса. Проведенное исследование выявило ряд значимых модификаций в репрезентации мира и места США в мире в контексте борьбы с терроризмом за последние 40 лет.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс; корпусно ориентированный дискурс-анализ; концептуализация; мир.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Шутова Татьяна Игоревна, ассистент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова; 603255, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а, к. 3213; e-mail: tatiana_925@mail.ru.

Дискурс противодействия терроризму начал формироваться в США в начале 1970-х гг. и получил глобальное распространение после событий 11 сентября 2001 г. В настоящее время феномен противодействия терроризму изучается в основном в сферах политики, социологии и культурологии; языковая специфика данного явления до настоящего времени исследована мало. В то же время в свете последних мировых событий слово «терроризм» приобретает новые оттенки смысла, а упоминаемые в контексте борьбы с терроризмом понятия наполняются новыми ассоциациями. В этой связи все более настоятельной становится необходимость лингвистического анализа дискурса войны с терроризмом и разработка методик такого анализа.

Определяющую роль в формировании глобального дискурса войны с терроризмом играет американская политическая риторика и, в частности, официальный дискурс противодействия терроризму. Мир (*the world*) является одним из базовых (фоновых) концептов рассматриваемого дискурса, что подтверждается данными корпусно ориентированного дискурс-анализа, позволяющего выявлять и описывать смысловые доминанты дискурса войны с терроризмом с помощью анализа корпусов [Tognini-Bonelli 2001; Baker 2010; Baker, Gabrielatos, Khosravini, Krzyzanowski, McEneaney, Wodak 2008; Mautner 2009; McEneaney, Xiao, Tono 2006; O'Keefe, McCarthy 2010]. В настоящей статье языковое конструирование мира в американском дискурсе противодействия терроризму анализируется в динамике.

Обращение к методам корпусной лингвистики в рамках дискурс-анализа обуслов-

лено тем, что такое взаимодействие подразумевает как качественный, так и количественный анализ, что существенно уменьшает предвзятость исследователя. Количественный подход к дискурсивным явлениям придает важное значение так называемому «приращенному эффекту дискурса» (*incremental effect of discourse*) [Baker 2006: 13], а именно тому, что дискурсивные представления о людях, событиях, институтах и т. д. создаются посредством повторения речевых образцов, и кумулятивный эффект влияет как на восприятие этих людей и событий, так и на формулировку последующих мыслей о них. Кроме того, поскольку под значением лексической единицы понимается «всё то, что было сказано о ней в изучаемом дискурсе» [Teubert 2010] (перевод здесь и далее наш. — Т. Ш.), использование методов корпусной лингвистики в рамках критического дискурс-анализа позволяет оптимизировать процесс поиска упоминаний лексической единицы и ее лексического окружения.

Материалом для исследования послужил специально составленный корпус текстов объемом около 730 тыс. слов, включающий доклады, интервью, обращения официальных лиц США (президентов, государственных секретарей, министров обороны, послов и представителей ЦРУ и т. п.) в период с 1972 по 2012 г. В основу корпуса 1972—2007 гг. положены тексты из книги «The Evolution of U.S. Counterterrorism Policy» [Alexander, Kraft 2007]. Помимо этого, методом сплошной выборки на сайтах органов государственной власти США [The White House; U. S. Department of State; U. S. Department of Defense] были отобраны тексты (речи, документы) более позднего периода, посвященные во-

просам противодействия терроризму и связанным с данной темой событиям (например, событиям 11 сентября 2001 г.).

Сформированный таким образом корпус был разделен на четыре подкорпуса:

- 1) 1972 — 25.02.1993 (до атаки на Всемирный торговый центр, 64 294 слова);
- 2) 26.02.1993 — 10.09.2001 (до событий 11 сентября 2001 г.; 78 159 слов);
- 3) 11.09.2001 — 31.01.2009 (до избрания Б. Обамы президентом США; 423 842 слова);
- 4) 01.02.2009 — 31.12.2012 (первый срок президентства Б. Обамы; 163 634 слова).

При составлении корпуса 1972 г. был выбран в качестве точки отсчета не случайно. Именно в это время президент США Р. Никсон официально заявил о террористической угрозе и предложил законодательные инициативы и конкретные инструменты противодействия терроризму. После теракта на Мюнхенской олимпиаде его указом был учрежден правительственный комитет для борьбы с терроризмом (Cabinet Committee to Combat Terrorism) для координации усилий по противодействию терроризму.

Обращение к понятию *world* в дискурсе войны с терроризмом связано с результатами первичного анализа корпуса с помощью онлайн-инструмента «Texttexture» [Онлайн-инструмент для анализа нарративной структуры текста], позволяющего визуализировать любой анализируемый текст. С помощью данной программы «можно увидеть наиболее актуальные темы данного текста, <...> их отношения между собой и наиболее влиятельные слова в тексте» [Paranyushkin 2012]. «Texttexture», таким образом, позволяет определить центральные концепты и «получить представление о скрытых смыслах текста и лучше понять его нарративную структуру» [Paranyushkin 2011]. Для каждого отрезка текста программа автоматически

определяет 4 ключевых слова и 4 наиболее влиятельных контекста, которые, в свою очередь, тоже состоят из 4 слов. Слово *world* было выбрано для анализа потому, что вошло в число ключевых контекстов во всех четырех подкорпусах и в число четырех ключевых слов в двух подкорпусах [Результат визуализации для подкорпуса 2001—2009], что подтверждает его высокую релевантность в рассматриваемом дискурсе (см. рис. 1, 2).

Дискурсивная динамика концепта *world* выявлялась на уровне словосочетаний и предикативных групп с использованием компьютерных программ для анализа корпусов (результаты выборки KWIC (“keyword-in-context”) и выборки коллокаций по тесту MI (Mutual Information index, критерий взаимной информации). Данный тест позволяет выявить коллокации, компоненты которых связаны между собой и содержательно определяют друг друга, причем эту связь можно считать устойчивой и неслучайной. Отбор производился с помощью двух программ для корпусного анализа текстов — *AntConc* и *kwic*. Обе программы находятся в свободном доступе и отвечают критериям доступности, простоты и удобства использования.

Для анализа каждого из четырех подкорпусов использовались следующие процедуры:

- поиск буквосочетания *world* по всем подкорпусам для выявления производных с последующим анализом результатов по каждому производному слову за каждый период (таблица 1);
- выявление номинативных и адъективных словосочетаний и предикативных групп для дальнейшего анализа на основании KWIC-выборки и критерия взаимной информации (Mutual Information, MI) для уточнения содержательной специфики анализируемого дискурсивного конструкта в динамике.

```

Most influential keywords in this text:
terrorist nation world american filter: off

Most influential contexts in this text:
#0: terrorist afghanistan regime leader filter: off
#1: nation terror war act filter: off
#2: world enemy citizen life filter: off
#3: american people great attack filter: off
  
```

Рис. 1. Ключевые слова подкорпуса 3 (**Most influential keywords in this text:** *terrorist, nation, world, american*. **Most influential contexts in this text:** #0: *terrorist, afghanistan, regime, leader*; #1: *nation, terror, war, act*; #2: *world, enemy, citizen, life*; #3: *american, people, great, attack*)

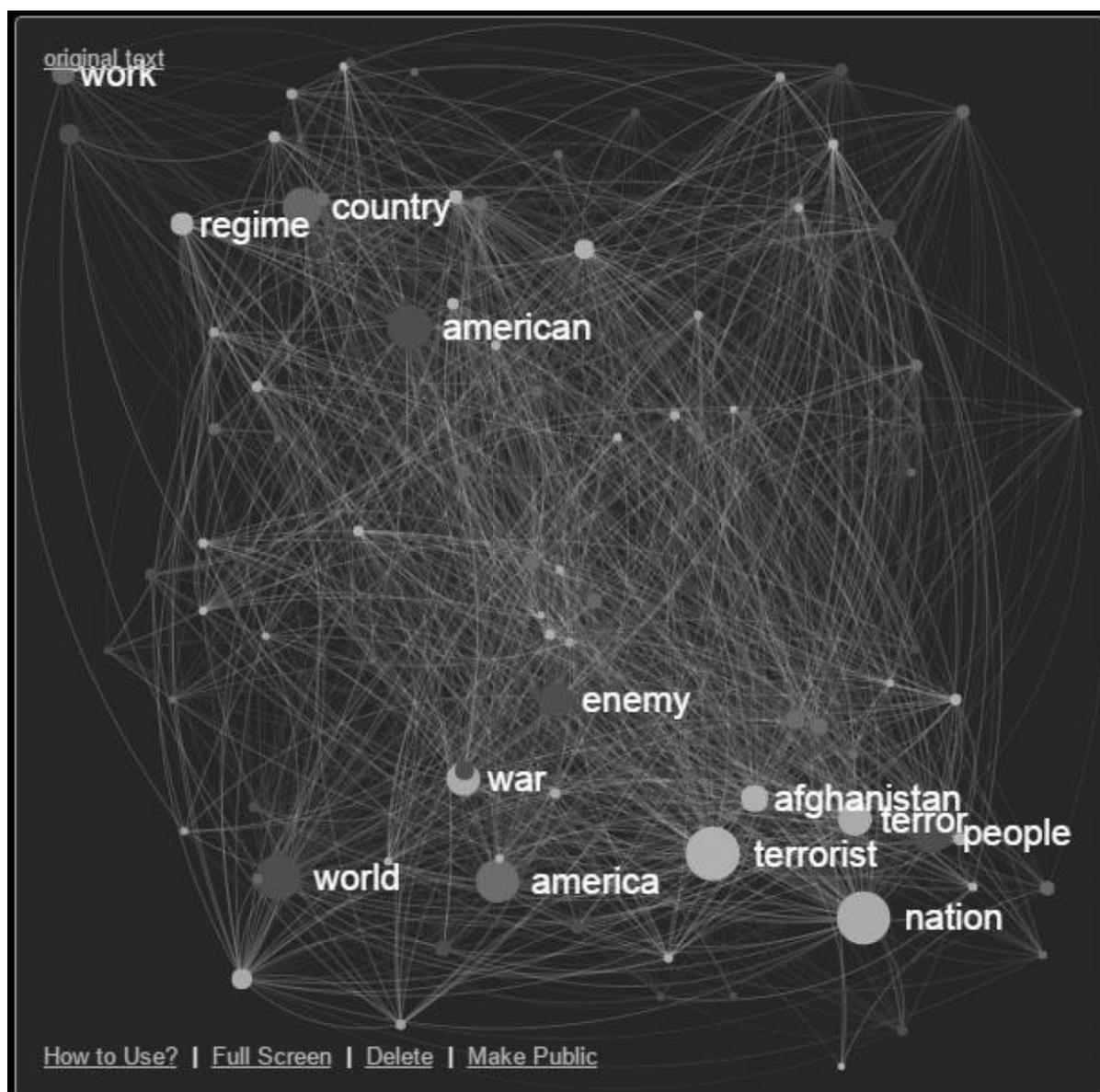

Рис. 2. Визуализация, ключевые слова и ключевые контексты подкорпуса 3 (2001—2009 гг.)

Таблица 1. Пример KWIC-выборки для подкорпуса 1993—2001 гг.

Line	Left	Key	Right
3	oday from Lyons, France, where the leaders of the	world's	industrialized democracies have gathered for our
20	the streets of London, from a bus in Paris to the	World	Trade Center in New York and the heartland in Okl
23	meet our challenges and protect our values during	World	War II and the cold war, we will not be driven fr
25	orism today. Working with our partners around the	world	; we will take on the forces of terror. As a resul
48	ible to discuss additional steps to intensify the	worldwide	fight against terrorism. All these steps against
53	ll not get done. American Security in a Changing	World	America remains the indispensable nation. There
57	ope and fear. Of course, we can't take on all the	world's	burden. We cannot become its policemen. But where
67	good and bad, we are living in an interdependent	world	. That is why we must break down the walls in our
73	without also advancing the common good around the	world	. We cannot reduce the threats to our people witho
74	ats to our people without reducing threats to the	world	beyond our borders. That's why the fight against
85	to meet our challenges and protect our values in	World	War II and the Cold War, we will not be driven fr
104	e it occurs in the Middle East and throughout the	world	; at the G-7 Summit in Lyon and the recently held
186	e Pacific. We convicted those responsible for the	World	Trade Center bombing and arrested suspects in the
188	cases. We have tracked down terrorists around the	world	and extradited more terrorists in four years than
192	n a target because we are uniquely present in the	world	, because we act to advance peace and democracy, b
195	o change any of that, to pull our troops from the	world's	trouble spots, to turn our backs on those taking
199	fight, as in so many other challenges around the	world	, American leadership is indispensable. In assumi
211	main the indispensable force in creating a better	world	at the dawn of a new century. Good afternoon. To
219	r and financier of international terrorism in the	world	today. The groups associated with him come from

Таблица 2. Слова с компонентом «world» и их частотность в корпусе

Производное	Период				
	1972—1993	1993—2001	2001—2009	2009—2012	Итого
<i>World</i> (номинативная функция)	125	88	795	366	1374
<i>World</i> (атрибутивная функция)	35	45	98	20	198
<i>World's</i>	21	11	41	15	88
<i>Worldwide</i> (наречие)	4	8	50	10	72
<i>Worldwide</i> (прилагательное)	9	11	32	7	59
<i>Worldview</i>	–	–	1	4	5
<i>Real-world</i>	–	–	2	2	4
<i>World-class</i>	–	–	2	2	4
<i>Free-world</i>	2	–	–	–	2
<i>Underworld</i>	–	–	2	–	2
<i>One-world</i>	–	1	–	–	1
<i>Worldnet</i>	–	1	–	–	1
Итого	196 0,003 %	165 0,002 %	1023 0,002 %	426 0,003 %	1810 0,0025 %

На первом этапе исследовалась частотность слова *world* в каждом из подкорпусов.

В таблице 2 показано абсолютное количество и процентное содержание слов с компонентом *world* во всех подкорпусах.

Как видим, слово *world* и его производные представлены во всех подкорпусах с примерно одинаковой частотностью в 0,002—0,003 % от общего числа слов. Количество производных слов с компонентом *world* невелико, но демонстрирует тенденцию к увеличению. Во всех подкорпусах *world* чаще используется в роли существительного. Онлайн-словарь «Merriam-Webster» дает до 17 значений этого слова [Merriam-Webster], которые можно сгруппировать в три общих категории, представляющие концептуальные измерения мира: физическое (*world = the Earth and people and things on it*); социальное/общественное (*world = human society*); количественное (*world = a great amount of something (a world of hope)*).

Результаты распределения количества вхождений слова по категориям показали преобладание социального измерения анализируемого концепта во всех подкорпусах (714 вхождений). Второй по значимости стала категория физического измерения (609 вхождений), и лишь 11 вхождений (т. е. менее 1 %) репрезентируют количественное измерение. Интересно, что при этом слово *world* редко выполняет функцию указания на субъекта и гораздо чаще обозначает объект (*show the world, terrorize the world, awaken the world* и т. д.) или используется в адвербиальном значении — как часть предложного

оборота (*in the world, across the world, all over the world* и т. д.).

Далее по критерию взаимной информации (MI) для каждого подкорпуса были выделены 50 слов, встречающихся в непосредственной близости от слова *world* и соотношенных с ним содержательно. Критерий MI определяет, насколько неслучайно (закономерно) совместное употребление двух слов. С. Ханстон [Hunston 2002: 71] предлагает считать коэффициент 3 минимально возможным показателем того, что два слова являются более или менее устойчивым словосочетанием в данном корпусе.

Примечательно, что в числе первых 50 слов каждого подкорпуса упоминается лишь одна лексическая единица, называющая вероисповедание (*Muslim(s)* и *Islamic*), и одно слово, обозначающее этничность (*Arab*). При этом заметна тенденция репрезентации мира как изменяющегося, нестабильного, всё менее безопасного, зависящего от глобализационных процессов. Так, если в корпусе 1972—1993 гг. среди неслучайных коллокаций со словом *world* преобладают позитивные характеристики (*stable, hopeful, free, civilized, developing, friendly*), а негативное восприятие мира представлено лишь одним словом (*dangerous*), то в 2001—2009 гг. резко возрастает количество негативных атрибутов (*troubled, unstable, deceiving, dark, static* и проч.), а также атрибутов, акцентирующих нестабильность и изменчивость мира (*reshaping, volatile, transformed, interconnected*). При этом фиксируется лишь одна позитивная характеристика (*civilized*).

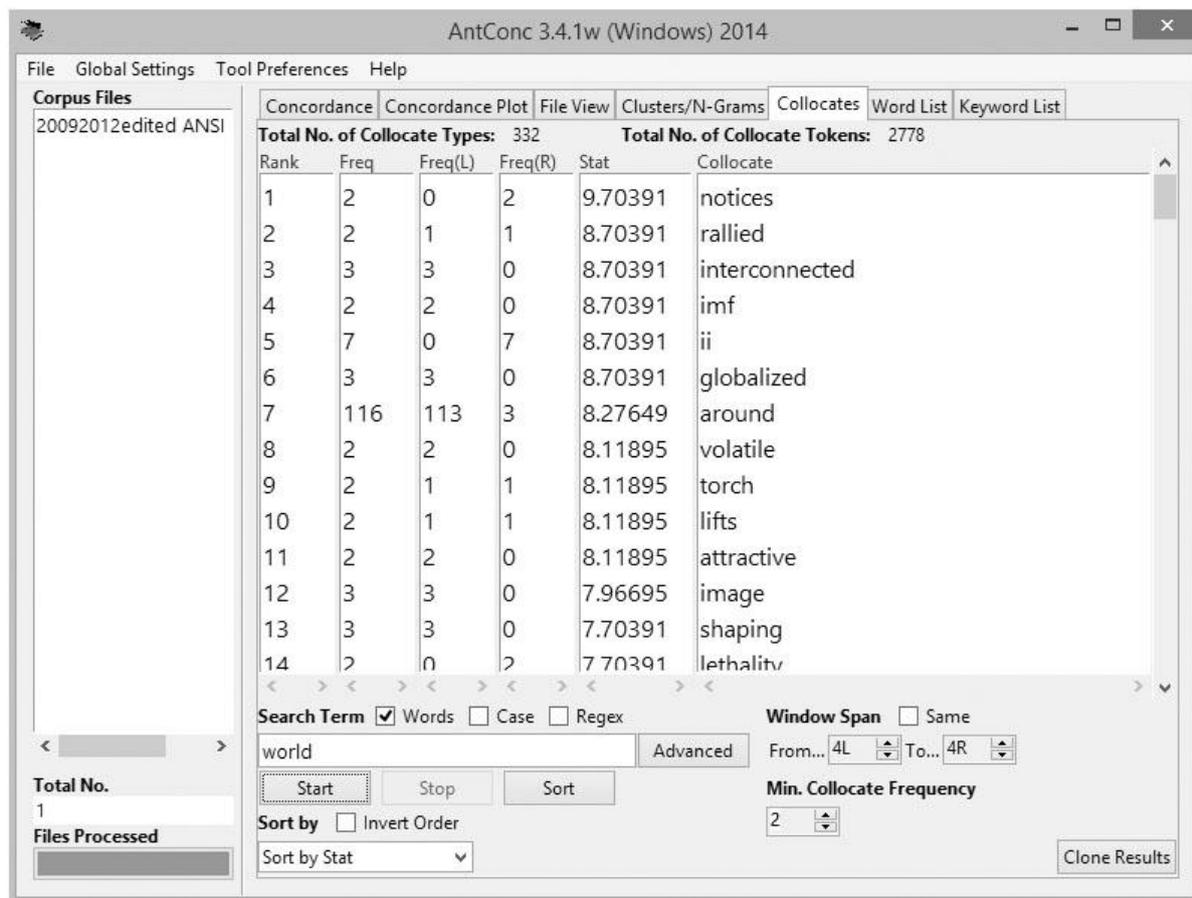

Рис. 3. Результаты поиска коллокаций с компонентом «world» по статическому показателю MI для подкорпуса 4 (2009—2012) в программе «AntConc»

В подкорпусе 2009—2012 гг. число положительно окрашенных характеристик несколько возрастает, однако все они описывают не реальный, а желаемый мир — мир, к которому нужно стремиться и/или за который нужно бороться. На это указывает, в частности, грамматическая форма прилагательных, которые часто используются в сравнительной степени (*safer, smaller, strongest, finest* и пр.). Еще более отчетливо выражен мотив угрозы миру (*vulnerable*).

На последующих этапах исследования для более детальной смысловой характеристики анализируемого феномена мы разделили все словосочетания со словом *world* на несколько групп: *Adj + W* (где *W* означает *world*); *N + Prep + W*; *W + N*; *Vtr + W*; *W + V*; *Vintr + Prep + W*. Все словосочетания были отобраны с помощью функции KWIC (Keyword-in-Context). В скобках (ниже) представлено количество общее количество вхождений каждого слова в соответствующий период.

Подкорпус 1972—1993 гг. (196 вхождений)

Хотя количество положительно и отрицательно окрашенных прилагательных в словосочетаниях с *world* в данном подкорпусе

се примерно одинаково, слова и словосочетания с положительной коннотацией преимущественно относятся к будущему или представляют идеальный, желаемый мир: *free* (5), *free of terrorism* (5), *civilized* (4), *better* (3), *hopeful, new, modern, stable, free of crime and poverty, of hope* и т. д. Например: *our children might live in a better world, ...at peace; the civilized world has to get together; a whole new world of hope; the future of the free world depends on it* и т. д.

Анализ показал, что предложения, грамматически относящиеся к настоящему времени, обычно описывают проблемы, с которыми сталкивается современный мир: *the civilized world is still groping for remedies, the peoples of the free world have finally begun to grapple with the problem of terrorism* и т. д. Словосочетания с негативно окрашенными прилагательными относятся к настоящему и характеризуют мир как *dangerous, disorderly, turbulent, imperfect, complex, of potential instability, totalitarian* (*in this disorderly and dangerous new world; in the fast-moving and turbulent world* и т. д.). Аналогичная тенденция прослеживается и в других подкорпусах. Социальное измерение мира представлено рели-

гиозным и экономическим параметрами (*Third, developing, Moslem/Muslim, Islamic*).

Словосочетания с *world(wide)* в атрибутивной функции характеризуют социополитические феномены (*power, economy, market, politics, policy, system, interests*) или определяют существительные с отрицательной коннотацией, усиливая концептуализацию мира как нестабильного и опасного: *threat* (2), *problem* (2), *attacks* (2). В данном подкорпусе словосочетание *world war* имеет 15 вхождений, в то время как его антоним (*world peace*) — лишь одно.

Подкорпус 1993—2001 гг. (165 вхождений)

Данный период ознаменовался появлением Интернета и окончанием холодной войны с ее биполярным миром. Эти явления отмечены в подкорпусе производными *Worldnet* и *one-world*.

В отличие от предыдущего периода, мотив опасности и нестабильности становится менее выраженным, что может быть объяснено окончанием холодной войны. Мир характеризуется различными по значению прилагательными: *better, peaceful, changing, interdependent, academic, Islamic*. Словосочетания *world war* и *world peace* имеют одинаковое количество вхождений — по 2, при этом появляется мотив уязвимости (недостаточной защищенности) мира перед лицом террористических угроз, что имплицитно используется сравнительной степени прилагательного (*make the world more secure*).

Значительное увеличение количества словосочетаний со словами *world* и *worldwide* в атрибутивной функции (58) является результатом многочисленных упоминаний Всемирного торгового центра (*World Trade Center*) в связи с террористическим актом 1993 г. (32 вхождения): *bombing(s)* (17), *case(s)* (2), *bomber(s)* (2), *attack, terrorists, indictment* и т. д. *World* в атрибутивной функции часто используется с существительными, обозначающими абстрактные понятия и идеалы (*peace, harmony, phenomenon* и т. д.), а также экономические и общественные явления (*bank, business, government, economy, community* и др.). Негативно окрашенные (в том числе и контекстуально) словосочетания немногочисленны и связаны с военной тематикой: *fight* (2), *manhunt, pool of potential recruits*.

По сравнению с предыдущим подкорпусом меняется характер позиционирования США в мире. Если в период 1972—1993 гг. США позиционировались как составная часть мира (*expel America from the World*), то во втором подкорпусе (1993—2001) США представлены как самостоятельный агент, взаимодействующий с миром «на равных»: *show the world ideals of America; show Ameri-*

ca to the world; what America is to the world; the risks... to America and the world would be far greater. Значительно усиливается идея американского лидерства: *I want the world to understand; have the world believe; let the world forget* и т. д.

Подкорпус 2001—2009 гг. (1023 вхождения)

Данный подкорпус содержит наибольшее количество вхождений с компонентом *world* и характеризуется появлением тематики глобализации, представленной словосочетаниями с прилагательными *interconnected, integrated, globalized* и проч. Концептуализация мира в этот период определяется событиями 11 сентября 2001 г.: наиболее частотное словосочетание со словом *world* — это *World Trade Center* (42) и его вариации (*world trade towers* (3), *world trade building* и т. д.). Мир характеризуется как опасный и непредсказуемый (*troubled* (2), *dangerous* (2), *complicated, complex, unpredictable, divided*). Слово *world* в атрибутивной функции часто используется как синоним к слову «глобальный», при этом по тематике выделяются следующие группы коллокаций: а) нестабильность и опасность — *war* (21), *threat* (4), *conflicts, crime, problem, terror, incidents, assault*; б) экономика и политика — *bank* (5), *financial system* (3), *security* (3), *leaders* (2), *economic forum, stage, order, peace, stability, potential, sanctions, allies*; в) взаимодействие и интеграция — *network* (4), *effort(s)* (4), *coalition* (2), *community* (2), *events, history, press, activities, partners; movement* (2), *standard, organization, mechanisms, system*.

Обращает на себя внимание появление большого количества предложений с прескриптивной модальностью, акцентирующих необходимость борьбы с терроризмом: из 20 предикативных групп с субъектом *world* 14 представлены коллокациями с модальными глаголами *must* и *has* (*must make sure that; has to continue to fight terrorism; must find a way; has to go after terrorism; must confront the root causes of terrorism; must deal with Hezbollah; should be concerned; can see our ambitions; might look like* и т. п.).

Прилагательные с негативной коннотацией по-прежнему чаще характеризуют современный мир, а прилагательные с положительной коннотацией описывают идеальный (желаемый) мир, или мир будущего. Наиболее частотны прилагательные *civilized* (40) и *free* (10); наряду с этим мир характеризуется прилагательными *peaceful* (5), *(more) united* (4), *safer* (3), *more helpful, just, pleasant, better, open, more predictable, developed, modern*. По-прежнему часто используется сравнительная степень прилагательных,

акцентирующая динамичность и нестабильность рассматриваемого конструкта: *is better off without S. Hussein* (6); *is/will be safer* (3); *is more free*; *will be more secure*. При этом если с географической точки зрения мир представляется дискретным (*parts of the world, regions of the world* и т. д.), то в политическом измерении он дуален, а деление происходит по религиозному принципу: *Muslim* (30), *Arab* (20), *Islamic* (12) vs *civilized* (40) / *western / democratic world* (*those regimes defied the demands of the civilized world; global threats faced by the civilized world; the attack in London was attack on the civilized world; terrorists continue to plot against America and the civilized world; the West and the Islamic world; Islamists do not seek armistice with the civilized world* и т. д.).

Словосочетания с *world* в притяжательном падеже, построенные по схеме *W's + (Adj.superl.) + N*, также создают ощущение напряженности и подчеркивают угрозы миру: *world's most destructive weapons* (3), *most dangerous regimes, most deadly weapons, most volatile region, poorest and most politically unstable regions, longest non-militarized border* и т. д.

Подкорпус 2009—2012 гг. (426 вхождений)

Хронологически данный период охватывает первый срок президентства Б. Обамы. В сравнении с предыдущими подкорпусами мир по-прежнему представляется сложным и опасным (*more complex, changing, dangerous*), однако прилагательные с положительной коннотацией, которые подчеркивают успехи, достигнутые в войне с терроризмом, и рисуют идеальный мир будущего, позволяют отметить некоторую позитивную динамику: *peaceful* (3), *safer* (2), (*more*) *secure* (2), *stable, free, open, more prosperous, more just, democratic, symmetric*. Актуальной в описании мира остается его глобализованность: *globalized* (3), *interconnected* (3), *networked, smaller*.

При этом еще более ярко выражена идея лидерства США. Менее ощутимым становится представление Америки как части мира (*America's role in the world* (4), *America's position in the world* (2), *America's place in the world*), гораздо чаще США и мир позиционируются как отдельные (самостоятельные) агенты: *we showed the world* (3); *the world needs America* (2); *values and ideals America represents to the world* (2); *US is somehow in conflict with the rest of the world; America needs the world just as the world needs America; America can't solve the problems of the world alone and the world can't solve them without America; how we can help the world; we've been able to mobilize the world; Kennedy told the world; we sent a clear message to the world* и т. д. Идея превосходства США имплицитно выражена в словосочетаниях типа *Ameri-*

ca's + Adj.superl. + N: the best counter-insurgency force in the world; the finest strategic land force in the world, best education system (3), *strongest, most effective legal system in the world; the most attractive place in the world for entrepreneurs, innovations, businesses* (2) и т. д.

Среди коллокаций, где слово *world* используется в номинативной функции, наиболее частотны три — *the Muslim world* (9), *America and the world* (6), *the rest of the world* (6), — что указывает на трех агентов дискурса противодействия терроризму, играющих наиболее важную роль (США, мусульманский мир и «остальной мир»).

Таким образом, сочетание разнообразных приемов корпусно ориентированного дискурс-анализа с интерпретативным потенциалом критического анализа дискурса позволило рассмотреть концепт мира (*world*) и его динамику в американской политической риторике с новой стороны. Наиболее очевидным в концептуализации мира в американском дискурсе противодействия терроризму является репрезентация мира как опасного и нестабильного, противопоставление «цивилизованного» западного мира арабскому миру и позиционирование США как определяющей силы в борьбе с террористическими угрозами миру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Онлайн-инструмент для анализа нарративной структуры текста / разработчик: Nodus Labs. URL: <http://texttexture.com>.
2. Результат визуализации для подкорпуса 2001—2009 гг. URL: http://texttexture.com/index.php?text_id=29517 (требуется регистрация на сайте).
3. Alexander Y., Kraft M. B. The Evolution of US Counterterrorism Policy. — Westport, Connecticut ; London : Praeger Security International, 2007. 1456 p.
4. Baker P., Gabrielatos C., Khosravini M., Krzyzanowski M., McEnery T., Wodak R. A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourses of refugees and asylum seekers in the UK press // *Discourse and Society*. 2008. № 19 (273). URL: <http://das.sagepub.com/cgi/content/abstract/19/3/273>.
5. Baker P. Sociolinguistics and Corpus Linguistics // *Edinburgh Sociolinguistics Series*. — Edinburgh Univ. Pr., 2010. 189 p.
6. Baker P. *Using Corpora in Discourse Analysis*. — London : Continuum, 2006.
7. Hunston S. *Corpora in Applied Linguistics*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2002. 254 p.
8. Mautner G. *Corpora and Critical Discourse Analysis // Contemporary Corpus Linguistics / P. Baker (ed.)*. — London : Continuum, 2009. P. 32—46.
9. McEnery T., Xiao R., Tono Y. *Corpus-Based Language Studies. An advanced resource book*. — London ; New York : Routledge, 2006. 386 p.
10. Merriam-Webster : словарь. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/world>.
11. O'Keefe A., McCarthy M. (eds). *The Routledge Handbook of Corpus Linguistics*. — New York : Routledge, 2010. 682 p.
12. Paranyushkin Dmitry. Identifying the Pathways for Meaning Circulation using Text Network Analysis. 2011. 25 Dec. URL: <http://noduslabs.com/research/pathways-meaning-circulation-text-network-analysis>.
13. Paranyushkin Dmitry. Texttexture: The Non-Linear reading Machine. 2012. 5 Nov. URL: <http://noduslabs.com/cases/texttexture-non-linear-reading-machine>.

14. Teubert W. *Meaning, Discourse and Society*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2010. 188 p.
 15. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov>.

16. Tognini-Bonelli E. *Corpus Linguistics at Work*. — John Benjamins Publ., 2001. 224 p.
 17. U. S. Department of Defense. URL: <http://www.defense.gov>.
 18. U. S. Department of State. URL: <http://www.state.gov>.

T. I. Shutova

Nizhny Novgorod, Russia

**CONCEPTUALIZATION OF THE WORLD IN AMERICAN COUNTER-TERRORISM DISCOURSE (1972–2012):
 A CORPUS-DRIVEN DISCOURSE STUDY**

ABSTRACT. *The article analyzes the evolution of discursive conceptualization of the “world” in the official American counter-terrorism discourse in the timeframe from the 1970s to 2012 as represented in a corpus of texts made by the author of the article. The corpus amounting to about 730,000 words was divided into four sub-corpora, the chronological division lines being important events and terrorist attacks in the USA in the last few decades. The importance of the concept of the world in the discourse under study was proven with the help of the online tool “Texttexture”. Then, with the help of corpus analyzing software “AntConc” and “kwic”, the author found out the derivatives from “world” as well as various types of phrases in different time periods which were submitted to (semantic) analyses. The results of those as well as the results of the statistical MI test were analyzed to expose a considerable change in the self-positioning of the USA in the world and shifts in the conceptualization of the role of the world in the context of counter-terrorism in the last forty years.*

KEYWORDS: *discourse; corpus-driven discourse analysis; world; conceptualization; counter-terrorism discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Shutova Tatiana Igorevna, Assistant Lecturer, Department of the English Language and Professional Communication, Nizhny Novgorod Linguistic University named after N.A.Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia.*

REFERENCES

1. Onlayn-instrument dlya analiza narrativnoy struktury teksta / razra-botchik: Nodus Labs. URL: <http://texttexture.com>.
2. Rezul'tat vizualizatsii dlya podkorpusa 2001—2009 gg. URL: http://texttexture.com/index.php?text_id=29517 (trebuetsya registratsiya na sayte).
3. Alexander Y., Kraft M. B. *The Evolution of US Counterterrorism Policy*. — Westport, Connecticut ; London : Praeger Security International, 2007. 1456 p.
4. Baker P., Gabrielatos C., Khosravini M., Krzyzanowski M., McEnery T., Wodak R. A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourses of refugees and asylum seekers in the UK press // *Discourse and Society*. 2008. № 19 (273). URL: <http://das.sagepub.com/cgi/content/abstract/19/3/273>.
5. Baker P. *Sociolinguistics and Corpus Linguistics* // *Edinburgh Sociolinguistics Series*. — Edinburgh Univ. Pr., 2010. 189 p.
6. Baker P. *Using Corpora in Discourse Analysis*. — London : Continuum, 2006.
7. Hunston S. *Corpora in Applied Linguistics*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2002. 254 p.
8. Mautner G. *Corpora and Critical Discourse Analysis* // *Contemporary Corpus Linguistics* / P. Baker (ed.). — London : Continuum, 2009. P. 32—46.
9. McEnery T., Xiao R., Tono Y. *Corpus-Based Language Studies. An advanced resource book*. — London ; New York : Routledge, 2006. 386 p.
10. Merriam-Webster : словарь. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/world>.
11. O'Keefe A., McCarthy M. (eds). *The Routledge Handbook of Corpus Linguistics*. — New York : Routledge, 2010. 682 p.
12. Paranyushkin Dmitry. *Identifying the Pathways for Meaning Circulation using Text Network Analysis*. 2011. 25 Dec. URL: <http://noduslabs.com/research/pathways-meaning-circulation-text-network-analysis>.
13. Paranyushkin Dmitry. *Texttexture: The Non-Linear reading Machine*. 2012. 5 Nov. URL: <http://noduslabs.com/cases/texttexture-non-linear-reading-machine>.
14. Teubert W. *Meaning, Discourse and Society*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2010. 188 p.
15. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov>.
16. Tognini-Bonelli E. *Corpus Linguistics at Work*. — John Benjamins Publ., 2001. 224 p.
17. U. S. Department of Defense. URL: <http://www.defense.gov>.
18. U. S. Department of State. URL: <http://www.state.gov>.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81'42:81'27
ББК Ш05.51+Ш100.621

ГСНТИ 15.41.21; 16.21.29

Код ВАК 10.02.19

К. В. Злоказов, А. Ю. Софронова
Екатеринбург, Россия

К ОЦЕНКЕ РИСКА ВОПЛОЩЕНИЯ АНОНИМНОЙ УГРОЗЫ

АННОТАЦИЯ. В статье поднимается проблема изучения анонимных угроз, представленная в контексте взаимоотношений между обществом и институтами власти. Ее причинами выступают направленность государственных структур на открытость, доступность для взаимодействия с гражданами и совершенствование технологий массовой коммуникации, расширяющее, ускоряющее и анонимизирующее общение. Эти обстоятельства приводят к взрывному росту обращений в органы государственной власти не только за помощью в реализации прав и свобод, но и с деструктивными целями. Ежегодный прирост количества заведомо ложных сообщений о происшествиях и преступлениях актуализирует проблему их предупреждения и профилактики. Статья представляет обзор практико-ориентированных исследований анонимных угроз на материале англоязычного корпуса текстов. Угроза рассматривается как осознанное речевое действие автора, нацеленное на деструктивное (манипулятивное) влияние на адресата, сопровождающееся формированием чувства тревоги и страха. В зарубежной практике изучение угроз осуществляется через призму дискурсивного, интенционального, грамматического анализа. Целью становится поиск критериев риска, позволяющий оценить степень реальности действий, описанных в сообщении. Дискурс угрозы вариативен, но, несмотря на это, замысел автора может быть понят исходя из мотива, лежащего в ее основе. О готовности автора к осуществлению враждебных действий свидетельствуют просторечная и эмоциональная лексика, применение глаголов и существительных, точно описывающих время, действия и намерения автора или адресата. С точки зрения интенций авторы угроз подчеркивают желание причинить вред, демонстрируют осведомленность о незаконности и наказуемости своего поведения. Нереалистичные угрозы менее детальны и неискренни, их авторы не акцентируют внимание на последствиях своих действий для жертвы, стремятся избежать преследования. В заключении статьи авторы обсуждают перспективы расширения арсенала методов анализа анонимных сообщений путем привлечения психологического инструментария.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: угроза; анонимная угроза; оценка риска анонимной угрозы; реалистичность угрозы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Злоказов Кирилл Витальевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620032, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 325; e-mail: zkkrivit@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Софронова Анастасия Юрьевна, студентка Уральского юридического института МВД России; адрес: 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66; e-mail: psykonf2015@yandex.ru.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. Изложим обстоятельства, актуализирующие проблематику анонимных угроз. Ее во многом определяют тенденции развития российского общества, аналогичные общемировым. Во-первых, усиление взаимодействия населения с государственными структурами в аспекте открытости институтов власти, доступности инструментов государственного управления (так, ст. 33 Конституции Российской Федерации гарантирует право граждан «обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления» [Конституция РФ] и таким образом реализовывать и защищать свои права, свободу и законные интересы; работа с обращениями граждан определяется Федеральным законом № 95-ФЗ от 2 мая 2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»); развитие механизмов реагирования на обращения граждан обеспечивается «Концепцией открытости федеральных органов исполнительной власти (утверждена Распоряжением Правительства РФ №93-р от 30 января 2014 г.)). Так, число обращений в Министерство внутренних дел в 2015 г. увеличилось на 20 % по

сравнению с 2014 г.; в Министерство здравоохранения за этот же период — на 31 %, в Рособрадзор — на 45 %. При этом, к примеру, половину от общего числа обращений в Министерство внутренних дел составляют жалобы, оставшаяся часть распределена между заявлениями и запросами граждан. Статистические данные показывают, что россияне все чаще используют электронные средства почтовой связи, предпочитая аудиторскую коммуникацию текстовые сообщения.

Вторая тенденция, определяющая контуры проблемы, — развитие технологий массовой коммуникации, усиливающее их проникновение в повседневное взаимодействие. Можно определить три ключевых воздействия новых технологий на культуру и психологию коммуникации: расширение возможностей общения, ускорение передачи информации, анонимизация собеседников.

Расширение взаимодействия между людьми отражается в публичности повседневности. Например, возможность транслировать собственное присутствие неограниченному количеству лиц — «запостить» информацию о себе в любой момент времени, не подвергая ее рациональному анализу.

Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект 15-34-01293 «Деструкция и отчужденность — ведущие стратегии экстремистского дискурса».

© Злоказов К. В., Софронова А. Ю., 2016

Зачастую человек, реагируя эмоционально, нарушает «коммуникативный код» взаимодействия и становится жертвой своей публичности. С другой стороны, возможность «твитнуть» неловкое высказывание политика, чиновника или знаменитости наполняет пространство публичного дискурса непубличными высказываниями. Как следствие, расширение публичности, по-видимому, влияет на коммуникативное поведение, привносит в него демонстративные черты.

Ускорение связано с увеличением объема получаемой человеком информации при постоянном значении времени ее восприятия. В этом случае форма представления информации (визуальная, вербальная, текстовая) будет играть большую роль в восприятии, нежели содержание. К примеру, молодежь склонна выбирать визуальную информацию, содержащую яркие, разнообразные образы, с текстами, состоящими из точных фактов и событий [Гребенникова, Пархоменко 2013], предпочитая ее иным формам представления данных.

В связи с невозможностью контролировать собеседников в системе общения возникает анонимизация. Обезличивание становится возможным не только из-за применения специальных протоколов связи для общения, но и из-за публичной коммуникации. Собеседники ведут переписку в новостных лентах, социальной сети, онлайн-играх, стрим-вещаниях, групповых чатах, оставаясь не узнаваемыми в потоке диалогов. Негативным эффектом невозможности идентификации коммуникаторов становится риск вовлечения в общение несостоятельных собеседников: пранкеров, случайных или некомпетентных участников [Иванова 2014].

Итак, расширение, ускорение и анонимизация взаимодействия изменяют не только социально-информационное пространство, но, следуя Э. Тоффлеру [Тоффлер 2004], психологический контекст обработки информации, селекции и перцепции ее человеком. Одним из следствий этого становится деструктивное поведение коммуникаторов, нарушающее порядок взаимодействия, влияющее на качество и продуктивность общения. В контексте неофициального общения оно нацелено на нанесение вреда другим пользователям и инфраструктуре (например, форумам, сайтам, хостингам). Проявления деструктивного поведения затрагивают личность собеседника (оскорбления, угрозы, жалобы на собеседника [Волкова 2013]), процесс коммуникации в сообществе (флуд, троллинг) [Гладченкова, Щербакова], работу информационной сети (спам, взлом, DDOS-атака) [Деструктивные действия].

В отличие от неофициального общения, деструктивное взаимодействие с государственными институтами подробно описано в отечественной лингвистической науке и юридической практике. Речь в исследованиях данной тематики идет об оскорблении, унижении достоинства лиц [Диффамация в СМИ] либо призывах экстремистского характера в отношении государственных служащих, представителей социальных групп, общественных организаций [Антонова, Веснина, Ворошилова, Злоказов, Тагильцева, Карапетян 2014]. Зачастую перечисленные действия осуществляются в форме устной речи или поступка, связаны с исполнением должностных обязанностей объектами речевой агрессии. Однако содержание анонимных сообщений не сводится к диффамации, и, пожалуй, она является не самым опасным явлением. Значительное негативное воздействие на функционирование институтов охраны правопорядка, социальных служб оказывают угрозы жизни, здоровью, общественному порядку. К сожалению, статистическая информация об анонимных угрозах в России не последовательна и приводится в основном в неспециализированных публикациях. Но из них понятно, что большая часть подобных сообщений передается по телефону, меньшая — в письменном виде, а больший процент из них составляют ложные [Пржездомский 2011]. Так, за январь — октябрь 2015 г. в МВД поступило 1260 заведомо ложных сообщений об акте терроризма, что на 14,6 % больше, чем за аналогичный период 2014 г. Из этих преступлений было раскрыто 612, что на 15 % меньше показателя прошлого года, а число нераскрытых преступлений выросло на 43,1 % [Змановская, Аветисян, Ивушкина 2015]. За заведомо ложный вызов специализированных служб в первом полугодии 2015 г. были подвергнуты административному наказанию 12 727 человек, в 2014 г. — 23 314 телефонных хулиганов, в 2013 г. — 20 626 человек, в 2012 г. — 15 563 человека [Куликов]. Несмотря на то что не все обращения содержали информацию об угрозах, заметна тенденция к увеличению их количества. Увеличивается и нагрузка на службы охраны правопорядка и медицинского обеспечения населения, значительные усилия тратятся на выявление авторов этих сообщений: в среднем выезд оперативных служб, а это скорая, пожарные, сотрудники МЧС, обходится в сумму до двух миллионов рублей [Сидоренко, Панкин, Козловский]. При этом среди «телефонных хулиганов» преобладает доля подростков и молодежи, а мотивами сообщений становится месть, желание «пошутить», проявить

свою «состоятельность» и иные деструктивные проявления.

С взрывным ростом угроз при коммуникации в информационном пространстве принципиально важной становится оценка их реалистичности, осуществимости. Между тем проблема анонимных сообщений с угрозами сравнительно недавно появилась в фокусе научного внимания. К примеру, к началу 80-х гг. в зарубежной лингвистике работы данной тематики носили единичный характер, а с начала 2000-х гг. издается специальный журнал, посвященный изучению текстов с угрозами — «Journal of Threat Assessment and Management». В российской психолингвистике проблема оценки риска угрозы пока не столь популярна, как в зарубежной практике, однако в аспекте правоохранительной деятельности обращение к данной тематике будет актуальным и полезным.

АНОНИМНАЯ УГРОЗА: ФЕНОМЕН И ИНСТРУМЕНТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Под угрозой будем подразумевать намерение говорящего ввести адресата в дискомфортное состояние для того, чтобы он сделал что-либо в интересах говорящего, а также намерение нанести физический или моральный вред слушающему [Быстров 2001]. В информационном аспекте угроза нацелена не только на обозначение намерения, но и на передачу информации собеседнику [Fraser 1998]. Однако эта информация имеет неопределенный характер в силу не только вероятности наступления событий, но и нечеткого определения адресата, обстоятельств угрозы, методов ее осуществления.

Угрозы распространены, они встречаются в различных формах и видах общения. Как и все формы социальной коммуникации, угрозы обусловлены макроконтекстом социальных структур, в которых формировался автор и его жертва. Угрозы используются как детьми, так и взрослыми, при этом сохраняя свою относительно устойчивую форму выражения. Во всех разновидностях угрозы имеют а) прямой («Я тебя убью»), б) относительный и связанный с условиями («Если ты будешь так вести себя и дальше, тебе будет плохо») и в) косвенный, завуалированный характер («Лучше тебе почаще оглядываться») [Napier, Mardigian 2003].

Причины угроз обширны и включают выражение эмоций, в том числе гнева, стремления напугать, манипулировать, поколебать авторитет, привлечь внимание, сохранить чувство собственного достоинства, показать цель воздействия, склонить к переговорам или отреагировать на шутку. И, как и многие другие речевые акты, такие как при-

глашения и обещания, угрозы зависят от иллюкативной силы или намерения, с которыми они произнесены [Fraser 1998].

Согласно П. Бурдые [Bourdieu 1991], в угрозе можно обнаружить стремление изменить структуру власти в институционализированных отношениях. По мнению исследователя, перформатив угрозы нужен для того, чтобы определить и закрепить неравенство между собеседниками в пользу адресанта. Развивая эту идею, можно описать угрозы как деструктивные перформативные акты, направленные на реализацию преимущества коммуникатора в ущерб реципиенту. Деструктивное проявление отражается в том, что они, с одной стороны, управляются говорящим, а с другой — побуждают астенические эмоции, среди которых главенствующее место занимают переживания тревоги и страха [Olsson, Phelps 2004]. Содержание трех разновидностей угроз К. Стори описывает с учетом контекста их возникновения: 1) предупреждения о возможных происшествиях, преступлениях; 2) собственно угрозы, сопровождающие вымогательство или похищения; 3) пугающие угрозы, направленные на запугивание собеседника, формирование состояния страха [Storey 1995].

При изучении угроз сложность представляет выбор методов, позволяющих надежно и достоверно определить вероятность осуществления угрозы, опираясь при этом только на сообщение о ней. В общемировом масштабе для этого используются лингвистические, статистические и психологические методы. Продуктивным способом работы с анонимными угрозами является их накопление с помощью банков (баз) данных и статистическое обобщение. К примеру, Федеральное бюро расследований США в рамках работы инициативной группы по расследованию криминальных происшествий создало базу коммуникативных угроз (Communicated Threat Assessment Database, CTAD), содержащую 3721 сообщение [Fitzgerald 2007]. Обобщение этих данных статистическим способом позволяет выделять значимые признаки реалистичности угрозы, верифицировать принадлежность сообщений одному — нескольким авторам. Создание аналогичных баз с русскоязычным корпусом угроз представляется необходимым шагом на пути противодействия анонимным угрозам.

Для изучения анонимных угроз привлекаются методы дискурсивного, интенционального, грамматического анализа. В дискурсе угрозы выделяют вариации стиля, жанров, особенности авторской установки по отношению к объекту и стратегии ее воплощения в тексте [Van Dijk 2001]. Отмечается, что

дискурс угрозы не является гомогенным, в нем обнаруживаются различные вариации стилей и речевых стратегий реализации отношения к объекту угрозы. Как указывает Т. А. Гейл, 31 % текстов с угрозами содержит диффамационные высказывания, 36 % включает тематику сексуальных домогательств, 18 % — это угрозы убийства, 9 % — применения насилия [Gale 2010]. Вместе с тем отнесение к конкретной тематической группе может быть затруднительным из-за сложности установления авторского замысла. Из 470 проанализированных исследовательницей сообщений лишь 62 % имели характер прямой угрозы, 26 % — условной, а 12 % — косвенной. Однако, несмотря на вариации риторических средств, текст подобных сообщений конструктивно соответствует замыслу автора — напугать, склонить к действию (бездействию), ошеломить [Melo, Mohandie, Green 2008].

В зарубежной практике широко используется изучение грамматического и лексического контекстов анонимных сообщений. Лексика корпусов угрожающего текста, изученная Т. Гейл, преимущественно пейоративная, описывает безнадежность, указывает на оружие, суицидальные тенденции, раскрывает различные фантазии автора [Gale 2010]. В грамматическом плане для угрозы характерны обстоятельства — наречия образа действия (*никогда, сразу же*) и времени (*скоро, быстро*). Указания на жертву конкретизируются местоимениями (*ты, он*), требуемое поведение описывается глаголами (*слушать, сделаешь*). Широко применяется модальность принуждения (*я заставлю, ты должен, будешь*), глаголы агрессивных действий (*быть, убивать, калечить*).

Вместе с тем наличие речевых признаков не является основанием для однозначного определения опасности угрозы. Тщательному изучению также подвергаются опыт автора, его психологическое состояние. С когнитивной стороны изучается знание автором характеристик объекта угрозы, способов и инструментов причинения вреда. В количественных параметрах оценивается психическое и психологическое состояние автора, сила и модальность эмоций (уровень и проявления признаков гнева), определяются мотивы угрозы и готовность ее исполнения [Rugala, Fitzgerald 2003].

КРИТЕРИИ РЕАЛИСТИЧНОСТИ УГРОЗЫ. Определение реальности угрозы, представленной в анонимном сообщении, — это комплексная задача, решаемая не только в лингвистическом, но и в психологическом, техническом аспектах. На первых этапах работы с сообщением ключевой задачей явля-

ется определение характера угрозы: прямого, косвенного, условного. В зарубежной практике для этого применяются лингвограмматические критерии, позволяющие оценить вероятность отнесения текста к определенному виду.

Прямую угрозу несет в себе сообщение, содержащее указание на цель, время, способ причинения вреда (например, телесные повреждения, убийство) и/или метод, который будет использоваться для осуществления угрозы (например, закладка взрывного устройства, распространение информации). Косвенная угроза заключается в предупреждении с неточным описанием цели или действий (например, *подумай о себе, а то сгоришь на работе*), *«много вопросов задаешь — ответы тебе не понравятся»*). Условный уровень угрозы виден в сообщениях, описывающих действия в вероятностной модальности (*«возможно, я могу», «тогда я всем отвечу»*), нереалистичных описаниях последствий (*«все взлетит на воздух», «отравлена вся вода»*) либо отсутствия указаний на время, место и обстоятельства происшествия (*«погибнут все»*) [Napier, Mardigian 2003]. Вместе с тем данные характеристики не всегда репрезентативны, поскольку сообщения могут содержать все описанные признаки, а могут не содержать ни одного из них.

С лингвистической точки зрения о реальности угрозы и готовности автора к ее осуществлению свидетельствуют просторечная и эмоциональная лексика, внедрение глаголов и существительных, точно описывающих время, действия и намерения автора или адресата (Mardigian, 2008).

Изучение сообщений с угрозами с помощью интенционального анализа [Mullen, Mackenzie, Ogloff, Pathé, McEwan, Purcell 2006] показывает, что реальные угрозы отличаются правдивостью в их изложении, подчеркиванием вредоносных намерений, пониманием автором незаконности, наказуемости своего поведения. Эти выводы подтвердил эксперимент, который провели Т. Sooniste, Р. А. Granhag, L. А. Strömwall, А. Vrij в 2014 г.

Они сравнивали описания кражи людей, совершивших ее, и людей, не совершавших ее, но планирующих совершить [Sooniste, Granhag, Strömwall, Vrij 2014]. Установлено, что правдивые рассказы более детальны и по сути сообщают информацию о способе хищения (*как?*), а лживые — о мотивах (*почему?*). Эти результаты подтверждают гипотезу об установке на действие в сознании человека [Gollwitzer 1999]. В соответствии с ней высказывание *«Я хочу сжечь кабинет*

директора» еще не говорит о готовности сделать это. Другое дело, если человек определяет условия претворения угрозы в жизнь, детализирует модель действий: «Если мне не дадут зарплату, я принесу канистру с бензином, оболью стол директора и подожгу». Исследования, выполненные на материале английской речи, показывают, что люди, операционализирующие интенцию, чаще достигают своих целей [Gollwitzer, Sheeran 2006]. Нереалистичные угрозы описываются более неискренно, их авторы меньше фиксируются на последствиях своих действий для жертвы. Исследователи отмечают, что в большинстве фальшивых угроз прослеживается нежелание автора нести ответственность за свое сообщение. Установлено так же то, что создатель нереалистичного сообщения об угрозе чаще стремится заявить о себе, повлиять на адресата, чем воплотить угрозу в жизнь. Угроза для него является способом манипуляции, необходимым рычагом воздействия на объект. Мотивация играет важную роль в побуждении осуществления угрозы и выступает модератором угрозы — переменной, учет которой позволит более точно определить реалистичность. При этом, поскольку сильное стремление достичь результата на лексико-грамматическом уровне текста будет заметно отличаться от слабого намерения, в оценке риска угрозы это обстоятельство должно быть учтено дополнительно [Granhaug, MacGiolla 2014]. Анализ телефонных обращений позволяет выявить некоторые особенности вербализации. В частности, определено, что эмоциональные оттенки угрозы — агрессия, гнев, обценная лексика — использовалась лишь в 24 % случаев. В остальных угрозы озвучивались спокойным тоном, вежливо.

Комплексное изучение содержания сообщений, выполненное Шерон Смит, позволило определить признаки, повышающие реалистичность угрозы [Smith 2008]. К ним относятся следующие обстоятельства: 1) автор текста угрожает раскрыть какую-либо конфиденциальную информацию; 2) сообщает о намерении выследить; 3) стремится убеждать; 4) неоднократно говорит о любви, браке или отношениях с объектом; 5) формулирует свои угрозы вежливо; 6) пишет текст собственноручно; 7) детализирует действия, которыми собирается причинить вред объекту и 8) общается с объектом не только с помощью угроз, но и иными способами. Математико-статистический анализ этих признаков в массиве анонимных сообщений позволил добиться 70%-й точности предсказания вероятности их реализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Увеличение доступности институтов государственной власти, инновации в сфере обмена информацией сопровождаются развитием практик деструктивной коммуникации. Рост числа анонимных сообщений в адрес различных социальных служб актуализирует поиск методов определения степени угрозы.

Данная статья обобщает современный опыт изучения анонимных текстов с угрозами, но ее существенным ограничением выступает то, что материал заимствуется из исследований, выполненных на англоязычной выборке, и не может воспроизводиться без опытно-экспериментальной проверки. Вместе с тем обзор зарубежного опыта позволяет очертить феноменологию угрозы, уточнить стратегию ее исследования, арсенал применяемых грамматических, дискурсивных и поведенческих методов. Так, анализ академических работ показывает, что определение только лингвистических особенностей текстов с угрозами нередко приводит к противоречивым выводам. В прагматическом ключе подобный подход не позволяет точно определить степень опасности текстов, автор которых неизвестен. Выход из сложившейся ситуации видится в применении психологических методов при изучении анонимных сообщений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Ю. А., Веснина Л. Е., Ворошилова М. Б., Злоказов К. В., Тагильцева Ю. Р., Карапетян А. А. Экстремистский текст и деструктивная личность : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014. 272 с.
2. Быстров В. В. Функционально-семантический анализ менасивных диалогических реплик : дис. ... канд. филол. наук. — Тверь : ТвГУ, 2001. — 124 с.
3. Волкова Я. А. Пространственное поведение коммуникантов в деструктивном общении // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 2 ч. — Тамбов : Грамота, 2013. № 8 (26). Ч. 1. С. 46—50.
4. Гладченкова Е. А., Щербаклова Г. Г. Троллинг и флейминг: к определению понятия. URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw2/gladchenkova_scherbakova.html.
5. Гребенникова О. В., Пархоменко А. Н. Современная молодежь в информационном обществе: представления об информации и информационные предпочтения // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 05.06.2016).
6. Деструктивные действия. URL: <http://wikireality.ru/wiki/%D0%94%D0%B5%D1%81%D1%82>(дата обращения: 05.06.2016).
7. Диффамация в СМИ / авт.-сост. Г. Ю. Арапова, М. А. Ледовских. — 2-е изд., перераб. и доп. — Воронеж : Элистр, 2012. — 160 с.
8. Змановская А., Аветисян Р., Ивушкина А. В России увеличилось число телефонных террористов // Известия. 2015. 17 нояб. URL: <http://izvestia.ru/news/596106#ixzz4Ah5gAgIz>.
9. Иванова Г. А. Лингво-социокультурные условия отбора содержания коммуникативных дисциплин в гуманитарном вузе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2014. № 10 (48), ч. 2. С. 79—85.
10. Конституция Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
11. Куликов В. Накажут по звонку // Российская газета. URL: <http://rg.ru/2016/01/20/zvonok.html>.

12. Пржездомский А. С. Анонимная угроза. Ложные сообщения о терактах несут реальную опасность для общества // ФСБ: за и против. 2011. № 12.
13. Сидоренко А., Панкин М., Козловский С. В Москве активизировались «телефонные террористы» // ТБИ. URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/62101>. (дата обращения: 07.06.2016).
14. Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 2004. 781 с.
15. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/12146661/>.
16. Bourdieu P. Language and symbolic power. — Cambridge, MA: Harvard Univ. Pr., 1991.
17. Fitzgerald J. The FBI's Communicated Threat Assessment Database: History, design, and implementation // FBI Law Enforcement Bulletin. 2007, Febr. № 76 (2). P. 1—21.
18. Fraser B. Warning and threatening // Centrum. 1975. № 3 (2). P. 169—180.
19. Fraser B. Threatening revisited // Forensic Linguistics. 1998. № 5 (2). P. 159—173.
20. Gale T. A. Ideologies of Violence: A Corpus and Discourse Analytic Approach to Stance in Threatening Communications: Unpublished doctoral dissertation. — Univ. of California, Davis, USA, 2010.
21. Gollwitzer P. M. Implementation intentions: Strong effects of simple plans // American Psychologist. 1999. № 54. P. 493—503.
22. Gollwitzer P. M., Sheeran P. Implementation intentions and goal achievement: A metaanalysis of effects and processes // Advances in Experimental Social Psychology. 2006. № 38. P. 69—119.
23. Granhag P. A., MacGiolla E. Preventing future crimes // European Psychologist. 2014. № 19. P. 195—206.
24. Meloy J. R., Mohandie K., Green M. A forensic investigation of those who stalk celebrities // Stalking, threatening, and attacking public figures: A psychological and behavioral analysis / J. R. Meloy, L. Sheridan, J. Hoffmann (eds.). — 2008. P. 37—54.
25. Mullen P. E., Mackenzie R., Oglloff J. R., Pathé M., McEwan T., Purcell R. Assessing and managing the risks in the stalking situation // Journ. of the American Academy of Psychiatry and the Law Online. 2006. № 34. P. 439—450.
26. Napier M., Mardigian S. Threatening messages: The essence of analyzing communicated threats // Public Venue Security. 2003. Sept./Oct. P. 16—19.
27. Olsson A., Phelps E. A. Learned fear of “unseen” faces after Pavlovian, observational, and instructed fear // Psychological Science. 2004. № 15. P. 822—828.
28. Rugala E., Fitzgerald J. Workplace violence: From threat to intervention // Clinics in Occupational and Environmental Medicine. 2003. № 3. P. 775—789.
29. Smith S. S. From Violent Words to Violent Deeds: Assessing Risk From FBI Threatening Communication Cases // Stalking, threatening, and attacking public figures / J. R. Meloy, L. Sheridan, J. Hoffmann (eds.). — New York: Oxford Univ. Pr., 2008. — P. 435—455.
30. Sooniste T., Granhag P. A., Strömwall L. A., Vrij A. (2014) Discriminating between true and false intent among small cells of suspects // Legal and criminological psychology (Early View). 2014. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/lcrp.12063/abstract> (date of access: 09.06.2016; Online Version of Record published before inclusion in an issue).
31. Storey K. The language of threats // Forensic Linguistics. 1995. № 2(1). P. 74—80.
32. Van Dijk T. A. Critical Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis / D. Tannen, D. Schiffrin, H. Hamilton (eds.). — Oxford: Blackwell, 2001.

K. V. Zlokazov, A. Yu. Sofronova
Ekaterinburg, Russia

ESTIMATION OF RISK OF ANONYMOUS THREAT

ABSTRACT. *The article discusses the problem of anonymous threat in the context of relations between the society and government institutions. It is caused by the tendency of government bodies to be open for the public, ready for the dialogue as well as quick modernization of mass communication technologies – all these give possibilities for quick and anonymous communication. Such conditions lead to a growing number of appeals to the government bodies not only to protect one's rights and freedom, but with destructive motives too. The annual increase of false information about the incidents and crimes makes the problem of prevention of such behavior topical. The article is practice-oriented research of anonymous threats on the basis of the corpus of texts in English. Threat is a conscious verbal act aimed at destructive (manipulative) persuasion of the addressee accompanied by the feeling of agitation imposed on the addressee. In foreign research works threat is studied by means of discursive, intentional and grammatical analysis. Its purpose is the search for criteria of risk that make it possible to estimate reality of the described event. The discourse of threat if variable, but in spite of it, the plan of the author of the message may be revealed with the help of the motive that lies in its basis. Readiness of the author to illegal acts manifests itself in the use of colloquial and emotionally colored words, verbs and nouns precisely indicating time, act and intention of the author or addressee. From the point of view of intentions the authors of the messages underline their desire to do harm and show their awareness of the fact that their activity is illegal and they may be punished. Unrealistic threats give much less details, their authors do not stress the consequences of their action for the victim and try to escape responsibility. In conclusion the article suggests that the methods of the analysis of anonymous messages should be increased by means of some psychological tools.*

KEYWORDS: *threat; anonymous threat; estimation of risk of anonymous threat; reality of the threat.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zlokazov Kirill Vitalievich, Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Sofronova Anastasia Yurievna, Student, Ural Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia*

REFERENCES

1. Antonova Yu. A., Vesnina L. E., Voroshilova M. B., Zlokazov K. V., Yu. R. Tagil'tseva, A. A. Karapetyan. Ekstremistskiy tekst i destruktivnaya lichnost': monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2014. 272 s.
2. Bystrov V. V. Funktsional'no-semanticheskiy analiz menasivnykh dialogicheskikh replik: dis. ... kand. filol. nauk. — Tver': TvGU, 2001. — 124 s.
3. Volkova Ya. A. Prostranstvennoe povedenie kommunikantov v destruktivnom obshchenii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki: v 2 ch. — Tambov: Gramota, 2013. № 8 (26). Ch. 1. S. 46—50.
4. Gladchenkova E. A., Shcherbakova G. G. Trolling i fleyming: k opredeleniyu ponyatiya. URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw2/gladchenkova_scherbakova.html.
5. Grebennikova O. V., Parkhomenko A. N. Sovremennaya molodezh' v informatsionnom obshchestve: predstavleniya ob informatsii i informatsionnye predpochteniya // Psikhologicheskie issledovaniya. 2013. T. 6, № 30. S. 8. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 05.06.2016).
6. Destruktivnye deystviya. URL: [http://wikireality.ru/wiki/%D0%94%D0%B5%D1%81%D1%82\(data obrashcheniya: 05.06.2016\)](http://wikireality.ru/wiki/%D0%94%D0%B5%D1%81%D1%82(data obrashcheniya: 05.06.2016)).

7. Diffamatsiya v SMI / avt.-sost. G. Yu. Arapova, M. A. Ledovskikh. — 2-e izd., pererab. i dop. — Voronezh : Elist, 2012. — 160 s.
8. Zmanovskaya A., Avetisyan R., Ivushkina A. V Rossii uvelichilos' chislo telefonnykh terroristov // Izvestiya. 2015. 17 noyab. URL: <http://izvestia.ru/news/596106#ixzz4Ah5gAgIz>.
9. Ivanova G. A. Lingvo-sotsiokul'turnye usloviya otbora sodержaniya kommunikativnykh distsiplin v gumanitarnom vuze // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov, 2014. № 10 (48), ch. 2. S. 79—85.
10. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
11. Kulikov V. Nakazhut po zvonku // Rossiyskaya gazeta. URL: <http://rg.ru/2016/01/20/zvonok.html>.
12. Przhedzomskiy A. S. Anonimnaya ugroza. Lozhnye soobshcheniya o teraktakh nesut real'nyu opasnost' dlya obshchestva // FSB: za i protiv. 2011. № 12.
13. Sidorenko A., Pankin M., Kozlovskiy S. V Moskve aktivizirovalis' «telefonnye terroristy» // TVTs. URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/62101>. (data obrashcheniya: 07.06.2016).
14. Toffler E. Tret'ya volna. — M. : AST, 2004. 781 s.
15. Federal'nyy zakon ot 2 maya 2006 g. N 59-FZ «O poryadke rassmotreniya obrashcheniy grazhdan Rossiyskoy Federatsii». URL: <http://base.garant.ru/12146661/>.
16. Bourdieu P. Language and symbolic power. — Cambridge, MA : Harvard Univ. Pr., 1991.
17. Fitzgerald J. The FBI's Communicated Threat Assessment Database: History, design, and implementation // FBI Law Enforcement Bulletin. 2007, Febr. № 76 (2). P. 1—21.
18. Fraser B. Warning and threatening // Centrum. 1975. № 3 (2). P. 169—180.
19. Fraser B. Threatening revisited // Forensic Linguistics. 1998. № 5 (2). P. 159—173.
20. Gale T. A. Ideologies of Violence: A Corpus and Discourse Analytic Approach to Stance in Threatening Communications : Unpublished doctoral dissertation. — Univ. of California, Davis, USA, 2010.
21. Gollwitzer P. M. Implementation intentions: Strong effects of simple plans // American Psychologist. 1999. № 54. P. 493—503.
22. Gollwitzer P. M., Sheeran P. Implementation intentions and goal achievement: A metaanalysis of effects and processes // Advances in Experimental Social Psychology. 2006. № 38. P. 69—119.
23. Granhag P. A., MacGiolla E. Preventing future crimes // European Psychologist. 2014. № 19. P. 195—206.
24. Meloy J. R., Mohandie K., Green M. A forensic investigation of those who stalk celebrities // Stalking, threatening, and attacking public figures: A psychological and behavioral analysis / J. R. Meloy, L. Sheridan, J. Hoffmann (eds.). — 2008. P. 37—54.
25. Mullen P. E., Mackenzie R., Ogloff J. R., Pathé M., McEwan T., Purcell R. Assessing and managing the risks in the stalking situation // Journ. of the American Academy of Psychiatry and the Law Online. 2006. № 34. P. 439—450.
26. Napier M., Mardigian S. Threatening messages: The essence of analyzing communicated threats // Public Venue Security. 2003. Sept./Oct. P. 16—19.
27. Olsson A., Phelps E. A. Learned fear of “unseen” faces after Pavlovian, observational, and instructed fear // Psychological Science. 2004. № 15. P. 822—828.
28. Rugala E., Fitzgerald J. Workplace violence: From threat to intervention // Clinics in Occupational and Environmental Medicine. 2003. № 3. P. 775—789.
29. Smith S. S. From Violent Words to Violent Deeds: Assessing Risk From FBI Threatening Communication Cases // Stalking, threatening, and attacking public figures / J. R. Meloy, L. Sheridan, J. Hoffmann (eds.). — New York : Oxford Univ. Pr., 2008. — P. 435—455.
30. Sooniste T., Granhag P. A., Strömwall L. A, Vrij A. (2014) Discriminating between true and false intent among small cells of suspects // Legal and criminological psychology (Early View). 2014. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/lcrp.12063/abstract> (date of access: 09.06.2016 ; Online Version of Record published before inclusion in an issue).
31. Storey K. The language of threats // Forensic Linguistics. 1995. № 2(1). P. 74—80.
32. Van Dijk T. A. Critical Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis / D. Tannen, D. Schiffrin, H. Hamilton (eds.). — Oxford : Blackwell, 2001.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 811.161.1:39:811.111:39
ББК Ш141.12-006.3+Ш143.21-006.3

ГСНТИ 16.21.29

Код ВАК 10.02.20

Е. В. Дзюба, С. А. Ерёмна
Екатеринбург, Россия

ЧЕЛОВЕК КАК ОБЪЕКТ НОМИНАЦИИ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

АННОТАЦИЯ. Рецензия на монографию В. В. Катерминой «Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале английского и русского языков)». Рецензируемая монография посвящена аналитическому описанию номинантов, репрезентирующих концепт «человек» в психофизиологическом, нравственно-философском и социальном аспектах. Специфика языковой картины мира в русском и английском языках исследуется на материале произведений Ч. Диккенса и Н. В. Гоголя, которые в своем творчестве воплотили особенности национального мировидения и индивидуальное восприятие окружающей действительности. Объект исследования — номинанты человека. Результаты номинации исследуются в микро- и макроконтесте: в микроконтесте выделяется культурная информация, выраженная в словарных и контекстных значениях единицы номинации — лексикографически обработанного слова и фразеологизма, анализ макроконтеста позволяет выделить национально-культурную информацию и культурно значимые смыслы, которые выражаются за счет синтагматических приращений значения слова. Выделяются смысловые блоки концептосферы «человек», анализируются языковые средства номинации человека (функционально-стилистические маркеры, отраженные в словарных пометах; слова-интенсификаторы, репрезентирующие свойства и характеристики языковой личности; лексико-семантические группы, определяющие специфику языковой картины мира двух стран; система префиксов и суффиксов как средств выражения отрицательной или положительной оценки).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвокультурология; теория номинации; лингвокультура; языковая картина мира; концептуальная сфера; национально-культурная информация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Дзюба Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26, к. 285; e-mail: elenacz@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ерёмна Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26, к. 285; e-mail: rimk@uspu.ru.

Одна из актуальных проблем современной лингвокультурологии — изучение номинации человека как ценностно значимой совокупности представлений о языковой личности. Эта система представлений являет собой исторически сложившийся в рамках национальной культуры «результат обобщения различных аспектов ценностных ориентаций — морально-этических, эстетических, прагматических установок и норм» [Катермина 2016: 5]. Аналитическому описанию номинантов, репрезентирующих концепт ЧЕЛОВЕК в психофизиологическом, нравственно-философском и социальном аспектах, посвящена монография В. В. Катерминой «Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале английского и русского языков)» (М.: Флинта: Наука, 2016. 224 с.).

Центральным вопросом работы является специфика языковой картины мира в английском и русском языках. Автор представил классификацию номинаций, характеризующих человека XIX века, зафиксированных в произведениях Ч. Диккенса и Н. В. Гоголя. Выбранные авторы, по мнению исследователя, в своем творчестве воплотили особенности национального мировидения и индивидуальное восприятие окружающей действительности.

Работа представляет собой глубокое и полиаспектное исследование: она посвяще-

на выявлению лингвистической сущности и описанию различных аспектов номинации. Объектом исследования являются единицы номинации / номинанты человека. Под единицей номинации автор монографии понимает «коннотативно осложненные лексические и фразеологические единицы, называющие человека по каким-либо признакам, качествам, свойствам, а также свободные сочетания, в которых функционируют слованоминации, обеспечивающие синтагматические приращения их значения» [Катермина 2016: 4, 201].

Первый раздел исследования предлагает теоретическое рассмотрение лингвокультурологического феномена номинации. В. В. Катермина обобщает и резюмирует опыт отечественной и зарубежной лингвистики в части исследований путей номинации и описания базовых понятий лингвокультурологии *языковая личность* и *концепт*. В качестве основных путей номинации автор предлагает рассматривать микроконтест и макроконтест. В микроконтесте В. В. Катермина выделяет культурную информацию, выраженную в словарных и контекстных значениях компонента единицы номинации — лексикографически обработанного слова и фразеологизма, репрезентирующих концепт ЧЕЛОВЕК. Анализ макроконтеста позволяет, по мнению исследователя, выделить нацио-

нально-культурную информацию и культурно значимые смыслы, отраженные в устойчивых и свободных сочетаниях, функционирующих в художественном тексте, который обеспечивает синтагматические приращения значения слова. Рассмотрение единиц в макроконтексте позволяет, по логике автора монографии, выделить «прямую и контекстную номинации, передающие видение национально-культурных особенностей своего народа отдельной языковой личностью» [Катермина 2016: 39].

Во втором разделе монографии автор представил описание внешних и внутренних качеств человека, его интеллектуальных способностей и социально-сословной принадлежности. Для описания качеств человека исследователь вводит понятие оценки, под которой понимает отношение познающего субъекта к познанной действительности, закрепленное в структуре значения единицы наряду с результатами познавательной деятельности человека. При этом исследователь настаивает, что оценочный компонент выступает обязательным семантическим компонентом значения слова [см. подробнее: Катермина 2016: 43]. В качестве матрицы описания качеств человека В. В. Катермина использует классификацию, состоящую из пяти категорий оценки: 1) эстетическая, 2) интеллектуальная, 3) этническая, 4) этическая, 5) эмоциональная. Однако вряд ли данную классификацию категорий оценочной номинации человека можно назвать полной. Так, эстетическая категория (а именно номинация природно-физических свойств человека) оказалась лишена гендерного аспекта, который немаловажен при описании концепта ЧЕЛОВЕК. Единицы, репрезентирующие гендерные номинации, широко представлены в анализируемом материале (ср.: *тетеха*, *кобыла*, *кубышка*, *сытуха*, *дородница*, *баба-яга*, *кикимора*; *scraggy* — драная кошка, *Circe* — оболстительница, роковая женщина и мн. др. — с одной стороны; *мордан*, *боров*, *херувим*; *toad-eater* — усердный лъстец, *spaniel* — жалкий лъстец и мн. др. — с другой стороны), однако многочисленные гендерные номинации как элементы отдельной категории в данном разделе не рассматриваются, но описываются как репрезентанты иных оценочных смыслов (гендерный компонент выделяется в третьем разделе работы лишь при описании зоометафор, номинирующих человека в произведениях русской и английской литературы).

Особо значимым в данном разделе нам представляется выявление общего и национально-специфического в английском и рус-

ском языках, проявляющегося в номинациях по социальному признаку. Характеристика английского чиновничества представлена чаще нейтральными описаниями, русское чиновничество, напротив, имеет устойчивую отрицательную оценку. В номинациях по словесному признаку напрямую отражены жизнь, быт, менталитет и историческое развитие русского и английского народа.

К несомненным достижениям исследования, отраженным в данном разделе, следует отнести выявление смысловых блоков концепта ЧЕЛОВЕК, а также семантических указателей и морфологических средств номинации человека в произведениях Н. В. Голя и Ч. Диккенса.

Концептуальная сфера ЧЕЛОВЕК, по результатам исследования, проведенного В. В. Катерминой, включает следующие смысловые блоки:

1. Человек — живое существо (возраст; природно-физические качества; национальность индивида).

2. Внутренний мир человека (интеллект; характер, поведение; эмоции).

3. Человек — социальное существо (нормы морали; профессии; речевая характеристика; социальный статус; труд/лень).

4. Человек в системе социальных отношений (армия; парламент; полиция; религия; семья; суд; государственная служба) [Катермина 2016: 134].

Языковые средства номинации человека в избранных для исследования произведениях русской и английской литературы представлены следующими компонентами: 1) функционально-стилистические маркеры, отраженные в словарных пометах (основные единицы в плане выражения оценки в русском и английском языках); 2) слова-интенсификаторы, репрезентирующие свойства и характеристики языковой личности (универсальны для русского и английского языков); 3) лексико-семантические группы, определяющие специфику языковой картины мира двух стран; 4) система префиксов и суффиксов как средств выражения отрицательной или положительной оценки общих и специфических черт русской и английской языковых личностей (наиболее частотны в русском языке) [Катермина 2016: 134].

Третий раздел монографического исследования посвящен рассмотрению способов представления концептуальных смыслов в системе номинаций XIX в. В. В. Катермина сосредоточивает внимание на выявлении образных компонентов, описывая антропоморфную, зооморфную, соматическую и отпредметную метафоры. В данном разделе автор последовательно сопоставляет еди-

ницы образной номинации в микроконтексте и макроконтексте. В микроконтексте, по результатам исследования В. В. Катерминой, единицы образной номинации репрезентируют такие характеристики человека, как внешность, морально-нравственные качества, социальное положение, профессиональную деятельность. Исследователь подчеркивает общность и лингвокультурную специфику номинации указанных черт человека в произведениях русской и английской литературы. Так, например, автор монографии отмечает, что для описания внешнего и внутреннего мира человека в качестве универсального приема, свойственного произведениям Н. В. Гоголя и Ч. Диккенса, нередко используются мифологизмы и библеизмы с личным именем собственным; общими для изучаемых произведений являются характеристики внешности, возраста человека, отдельных его качеств (верная дружба, опытность и бдительность, а также эгоизм, придирчивость, двуличие). Этноспецифичность образной номинации, проявляющаяся в произведениях Н. В. Гоголя и Ч. Диккенса, обусловлена географическими и климатическими условиями (касается в основном зооморфных), особенностями морально-этических принципов, а также профессиональной и социальной дифференциации русского и английского общества.

Анализ образных номинаций человека в макроконтексте привел автора монографического исследования к следующим выводам:

1. Как в русском, так и в английском языке выделяются универсальные тематические группы: «Внешность человека», «Интеллект», «Характер».

2. Особенностью употребления зоонимантов в произведениях Н. В. Гоголя явилось выделение целого ряда зоометафор, связанных с бранными характеристиками человека, а также использование зоометафор с измененной формой слова, выражающих доброжелательное отношение к человеку.

3. Номинация качеств человека в зависимости от пола животного, использование названий пород, а также «множественность» форм определенных зоообразов характерны для произведений Ч. Диккенса.

4. При анализе соматического компонента, номинирующего человека в макроконтексте, было отмечено использование качественных прилагательных, выполняющих основную смысловую нагрузку, а также «десемантизация» соматизма, употребленного в значении «человек».

5. Рассмотрение образных номинантов в произведениях Н. В. Гоголя и Ч. Диккенса свидетельствует о существовании единых

принципов номинации человека в XIX в. в микро- и макроконтекстах, что подтверждает мысль о неразрывной связи национальной и индивидуальной картины мира [Катермина 2016: 199—200].

В целом работа вызывает несомненный интерес, так как она представляет оригинальный вариант методологии и методики изучения отдельной концептосферы на материале художественных текстов, созданных представителями разных лингвокультур, что позволяет выявить универсальные, этно- и идиоспецифичные черты когнитивного опыта человека. Вместе с тем при чтении данного монографического исследования не могут не возникнуть некоторые трудно разрешимые вопросы. Первый из них связан с недостаточным использованием современных публикаций, посвященных вопросам номинации, лингвокультурологии и лингвоконцептологии.

Сомнение вызывает также стремление автора экстраполировать выводы, сформулированные в результате изучения языковых средств в избранных произведениях русской и английской литературы XIX в., на феномен русского и английского языков в целом, включая их современное состояние. Такое стремление к глобализации результатов исследования, стремление делать выводы о системе по результатам анализа некоторых фактов, что свойственно современным отечественным лингвокультурологам, не раз подвергалось критике, в данной части, вероятно, справедливой (см. подробнее работы А. В. Павловой [Павлова 2009, 2012], П. Сериио [Сериио 2011] и др.). В этом смысле нельзя не согласиться с мнением, высказанным В. В. Дементьевым, который указал, что для некоторых современных лингвистических исследований характерна абсолютизация, которая может противоречить сути научного подхода, из-за чего страдает теория, методика, терминология [см. подробнее: Дементьев 2012]. Конечно, замечание В. В. Дементьева вряд ли может быть применимо к рецензируемой работе, однако нельзя не отметить, что ее результаты касаются определенных фрагментов языковой действительности, но не феноменов двух лингвокультур в целом. Таким образом, высказанные сомнения едва ли способны умалить значение серьезного, разноаспектного, весьма подробного и глубокого монографического исследования В. В. Катерминой, предлагающего оригинальный вариант методологии и методики изучения номинаций концепта ЧЕЛОВЕК в художественных текстах Н. В. Гоголя и Ч. Диккенса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дементьев В. В. Об оценочности и абсолютизации в лин-

гвистических исследованиях: к дискуссии А. Д. Шмелева с А. В. Павловой и М. В. Безродным о «лингвоарханизме» // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (039). С. 11—16. URL: <http://politlinguist.ru/materials/pl/39.pdf>.

2. Катермина В. В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале английского и русского языков) : моногр. — М. : Флинта : Наука, 2016. 224 с.

3. Павлова А. В. Можно ли судить о культуре народа по данным его языка? // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 3—60. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/pavlova3.pdf>.

4. Павлова А. В. Язык как источник сведений о национальной картине мира // Филологические заметки. — Пермь, 2009. Вып. 7, т. 1. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/pavlova-09.htm>.

5. Серю П. Оксюморон или недопонимание? Универсалистский релятивизм универсального естественного семантического метаязыка Анны Вежбицкой // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 30—40. URL : <http://politlinguist.ru/materials/pl/35.pdf>.

E. V. Dziuba, S. A. Eremina

Ekaterinburg, Russia

HUMAN AS AN OBJECT OF NOMINATION IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGOCULTURES

ABSTRACT. This is a review of the monograph “Nominations of a Human: National and Cultural Aspect (on the basis of the Russian and English Languages)” by V. V. Katermina. The monograph is devoted to the analytical description of the nominations that represent the concept “human” in psycho-physiological, moral and philosophic and social aspects. The features of the linguistic worldview in the Russian and English languages is studied on the basis of the works by Ch. Dickens and N. V. Gogol, who expressed the peculiarities of the national worldview and individual perception of reality in their works. The object of the research is nominations of a human. The results of nomination are studied in micro- and macro-contexts: micro-contexts underline cultural information, expressed in dictionary and contextual meanings of the nomination – lexicographically transformed word and phraseological unit; the analysis of macro-context allows to identify national and cultural information and culturally-significant meanings, which are expressed by means of syntagmatic expansion of the meaning of a word. Notional blocks of the concept sphere “human” are single out, linguistic means of nomination of a human are analyzed (functional and stylistic markers mentioned in the dictionary notes; intensifiers, representing the qualities and characteristics of the linguistic personality; lexico-semantic groups, defining the linguistic worldview of the two countries; the system of prefixes and suffixes as a means of expressing negative and positive evaluation).

KEYWORDS: linguoculturology; theory of nomination; linguoculture; linguistic worldview; concept sphere; national and cultural information.

ABOUT THE AUTHOR: *Dziuba Elena Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Eremina Svetlana Alexandovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Dement'ev V. V. Ob otsenochnosti i absolyutizatsii v lingvisticheskikh issledovaniyakh: k diskussii A. D. Shmeleva s A. V. Pavlovoy i M. V. Bezrodnym o «lingvonartsissizme» // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 1 (039). S. 11—16. URL: <http://politlinguist.ru/materials/pl/39.pdf>.

2. Katermina V. V. Nominatsii cheloveka: natsional'no-kul'turnyy aspekt (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov) : monogr. — M. : Flinta : Nauka, 2016. 224 s.

3. Pavlova A. V. Mozhno li sudit' o kul'ture naroda po dannym ego yazyka? // Antropologicheskii forum. 2012. № 16. С. 3—60.

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/pavlova3.pdf>.

4. Pavlova A. V. Yazyk kak istochnik svedeniy o natsional'noy kartine mira // Filologicheskie zametki. — Perm', 2009. Vyp. 7, t. 1. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/pavlova-09.htm>.

5. Serio P. Oksymoron ili nedoponimanie? Universalistskiy relyativizm universal'nogo estestvennogo semanticheskogo metayazyka Anny Vezhbitskoy // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 1 (35). S. 30—40. URL : <http://politlinguist.ru/materials/pl/35.pdf>.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки, а также работы современных исследователей, написанные на иностранных языках.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Научные направления:

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 219

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Телефоны/ факс: (343) 336-15-92

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в каталог Роспечать. **Индекс 81954.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**. http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).
- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 то-

чек/дьюм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5—10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьянских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер= 366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2016. ВЫПУСК 3 (57)

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 26.06.2015. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 11,2. Усл. печ. л. — 13,0. Тираж 500 экз. Заказ 4723

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru